

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 651-699

Содержание

651. "Уготовайте путь Господень!"	2
652. Слово к распутному сыну («Но плоть его в нем болит, и душа его в нем страдает» (Иов. 14; 22))	5
653. Почему мы не боимся Страшного Суда?.....	8
654. Похвала святым пустынноикам.....	11
655. Слово умиленное о покаянии.....	14
656. Обращение Евдокии.....	17
657. Слово неграмотным о грамотности.....	20
658. Беседа на первую заповедь Божию	23
659. Беседа на вторую заповедь Божию	26
660. Мученица целомудрия.....	29
661. Радуйся, Благодатная!.....	32
662. О чем плакал Господь наш, входя в Иерусалим.....	35
663. Христов пример смирения	38
664. Что такое артос?	40
665. Святой Паулин Милостивый.....	43
666. Почему Господь наш не остался на земле по Воскресении	46
667. На 9 (22) мая	49
668. День светлой радости царевои.....	52
669. Поклонение Святои Троице	55
Пребывает ли в нас Дух Святои	56
670. Согласны ли между собой старопечатные книги?.....	58
671. Из грешника — мученик	61
672. Лето.....	64
673. Отчего засухи и непогода?.....	67
674. Целитель всемилостивый	70
675. Преподобный Прохор Лебедник	74
676. Что делать в праздник?.....	76
677. Слово о Царстве Небесном	79
678. Христос грешную душу к Себе призывает.....	82

Воздыхания грешной души ко Христу Сыну Божию	84
679. Изречения Варнавы Неподобного	86
680. Была ли нужда в исправлении Богослужбных книг?	89
681. Власть за послушание	92
682. Пророчество Богоматери о Самой Себе («Отныне ублажат Мя вси роди» (Лк. 1; 48))	95
683. Горе нашему нечувствию!	98
684. В поучение невесткам и свекровям	101
685. Господь любит праведных	104
686. Благовестие Архангела отцу Предтечеву	107
687. "Немощи немощных носить" (Рим. 15; 1,2)	110
688. Сергиев день	113
689. Читайте, братие, Слово Божие	115
690. Четыре святые Параскевы	118
1. Параскева мученица	119
2. Параскева преподобномученица	119
3. Параскева преподобная	119
4. Параскева великомученица	121
691. Что такое великая ектения?	122
692. Церковное пение	125
693. Первородное исчадие греха	129
694. Осенние думы	132
695. Не суди бедняка, а подай ему	135
696. В чем корень пьянства?	138
697. Всемирная слава святителя Николая	140
698. Все должно и можно делать во славу Божию	143
699. Певец покаяния у яслей Христовых	146

651. "Уготовайте путь Господень!"

«Глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его» (Мк. 1;3)

Глас, который воззвал в пустыне, слышится в городах, проповедуется в церквах, разглашается по всей поднебесной, звучит в ушах людей великих и малых, старых и юных, богатых и убогих, устрашает души сидящих на престолах, пронзает сердца лежащих на гноище... Сей глас сокрушает ливанские кедры, потрясает каддийские дубравы, равняет с дебрями высокие горы... Он грозно взывает: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его! А псалмопевец побуждает нас внимать сему гласу: «Днесь аще глас Его

усышите, не ожесточите сердец ваших» (Пс. 94; 7, 8). Итак, будем внимать сему гласу не для того только, чтобы его слышать, но и для того, чтобы его послушаться, чтобы на деле исполнить то, что он повелевает нам. А он повелевает нам приготовить прямой путь, по которому пришел бы к нам Господь, а мы могли бы прийти к Нему.

Когда царь захочет посетить какой-нибудь, хотя бы и самый незначительный, город, то жители этого города всячески стараются, чтобы путь к ним был удобный: они исправляют дорогу, где топкое болото, там наводят мосты, холмы срывают, рытвины засыпают, неровные пути делают гладкими. А когда царь уже приближается, то отворят городские ворота для встречи его, с радостью встречают его, поклоняются и приносят дары. — Господь наш, Бог наш, Царь наш вечный грядет к нам и уже недалеко от нас, — надобно приготовить путь Ему. Сколько неровностей на нашем пути, которые препятствуют Господу придти к нам! Есть на сем пути и теснота — стеснение совести нашей от злого, окаянного нашего жития; есть и холмы — гордые помыслы, слова и дела; есть дебри отчаяния, а какое топкое болото наших нечистот греховных! Не один жалуется с Давидом: «Углебох в темении глубины, я погряз в глубоком болоте, и несть постояния» — не на чем стать (Пс. 68; 3). Все пути наши неровны, неудобны, а что всего хуже — наше сердце не имеет врат, чрез которые вошел бы в него Господь наш. Там, где были эти врата, мы воздвигли каменную стену ожесточения во грехах и тем затворили вход нашему Владыке Господу. Теперь Его Предтеча повелевает все это исправить: уготовайте путь Господень. Он поучает и тому, как уготовать: «Всяка дебрь исполнится, и всяка гора и холм смирится:... и острия в пути гладки» (Лк. 3; 5), то есть пусть будет устранено всякое неудобство, всякое препятствие. То же и Апостол советует: «Всяка горечь, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою» (Еф. 4; 31).

Стеснена бывает наша совесть, исполненная всякого лукавства, в грешной совести нет простора для доброго помысла, тесно ему там. От сердца, то есть от совести злой, исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы — все это исходит от сердца грешного, все это там зарождается. Тесно доброму семени быть среди терния, ибо когда терние возрастет, то заглушит его. Тесно овце быть среди волков, ибо волки растерзают ее. Вот так же тесно и всякому добру быть там, где родится и откуда происходит всякое зло. Тем паче тесно там пребывать Царю нашему Христу Богу. Агнец Божий не может пребывать среди скотских страстей наших. Источник чистоты и целомудрия не захочет оставаться в нас с застарелыми нашими грехами. Он отрясет прах от святых ног Своих и скажет: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23; 38).

Сию-то тесноту совести должно распространить. Если есть там терние греховное, то надобно вырвать его посредством исповеди и сжечь покаянием; если там есть волки хищные, то прогнать их жезлом страха Божия; если там страсти застарелые, то умертвить их подвигом самоумерщвления, и тогда

придет к нам Бог наш, и не тесно вместится в нас со всеми Небесными Силами Своими. "Сердце — малый сосуд, — говорит преподобный Макарий Египетский, — но оно может вместить в себе все. Там и Бог, там и Ангелы, там жизнь и царство, там град Небесный, там сокровища благодати". Препятствуют Христову к нам пришествию холмы — горы гордых наших помыслов, гордых слов и дел. Не приходит смиренный Христос туда, где есть вознесенная гордыня, как говорит Писание: «нечист пред Богом всяк высокосердый» (Притч. 16; 5).

И Апостол говорит: «кое общение свету ко тьме. Кое же согласие Христовы с гордым велиаром» (2 Кор. 6; 15, 16)? Велиар, то есть гордость бесовская, которая бывает в человеке, — эта та самая гора Гелвуйская, упоминаемая в Священном Писании, на которую не сходит с неба дождь и роса. Так и на гордого человека не сходит дождь и роса благодати Божией. Кто возненавидел Христа, когда Он во плоти ходил по земле? Гордые князья и учителя иерусалимские: «Еда кто от князь верова в Онъ, — говорили они (Ин. 7; 48). Это они выискивали от Него, старались уловить нечто из уст Его, чтобы обвинить Его. Кто предал Христа на смерть? — Гордая синагога иудейская, почитавшая себя святой, а Христа называвшая грешником: «мы вемы, яко Человек сей грешен есть» (Ин. 9; 24). Кто распял Христа? Гордый Пилат. Итак, — проклята от Бога гордость, как гора Гелвуйская была проклята от Давида, — да не сходит на нее роса Божией благодати и дождь милосердия! Не приходит туда Христос, где видит гору гордости велиаровой. Пусть же эта гора гордыни в нашем сердце будет унижена посредством смирения, а понизить или срыть ее можно только той лопатой, которой копают могилу, то есть, памятью смертной, поминай последняя твоя!

Ничто так не смиряет человека, как память смертная. Хорошо понимал это святитель Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский. Он велел готовить себе могилу, но не оканчивать ее, и приказал мастерам, чтобы они каждый нарочитый праздник приходили к нему и пред всеми громко говорили: "Могила твоя, владыко, доселе еще не окончена, прикажи докончить ее, ибо смерть, как тать, приходит, и не знаешь, в какой час она придет". Так святитель Иоанн всегда готовился к смерти. Вот, когда горы и холмы нашей гордости будут срыты лопатой памяти смертной и уравниются с смирением, тогда будет удобен нам путь к нашему Господу.

Препятствует Его к нам пришествию и глубокая пропасть отчаяния. Когда нечестивый приходит во глубину зол, то предается нерадению, отчаивается в милости Божией и падает в еще большую пропасть беззакония. Вот сию-то пропасть и должно наполнить надеждой на милосердие Божие, зная, какое великое зло постигло Иуду за отчаяние, — Иуда больше согрешил, когда отчаялся, чем тогда, когда предал Христа. Двое отпали от Господа во время Его вольных страданий: Иуда и Петр. Петр спасен, а Иуда погиб. Почему же не оба спаслись и не оба погибли? Скажут, что Петр покался и потому спасся. Но Святое Евангелие говорит, что и Иуда раскаялся, исповедал свой грех пред всеми и сказал архиереям: «согрешил,

предав кровь неповинную» (Мф. 27; 4). И однако же его покаяние не принято, а Петрово принято. Почему? Да потому, что Петр каялся с надеждой на милость Божию, а Иуда — с отчаянием. Погибельная пропасть — отчаяние. Надобно эту пропасть наполнить надеждой на Божие милосердие.

Читаем мы в "Патерике". Был один добродетельный муж, который был искушаем то гордостью, то отчаянием. Тогда он написал в своей уединенной, никому недоступной келлии — на одной стене все свои грехи, и тут же изобразил Страшный Суд Божий; а на другой стене написал свои добрые дела, с покаянием и слезами им соделанные, и тут же изобразил Милосердаго Отца, Который приемлет возвращающегося к Нему блудного сына, и Христа Господа, Который прощает все грехи плачущей у ног Его жене-грешнице и отверзает разбойнику рай. И вот, когда приходил к нему гордый помысл, он подходил к той стене, на которой написал свои грехи, и, перечитывая их, смотрел на изображение Страшного Суда, укорял и осуждал самого себя, как великого грешника, достойного геенны огненной, и смирялся помыслом, и плакал горько, ударяя в грудь свою. А когда приходил к нему противоположный помысл, помысл отчаяния, он обращался к той стене, на которой были записаны его добрые дела, и размышлял о великом, всеми грехами людскими непобедимом Божиим милосердии, и таким образом гнал от себя отчаяние и укреплялся в надежде на Господа. Не вынесли бесы такого благоразумия его, явились ему воочию и сказали: "Не знаем, как бороться с тобой. Когда мы возносим тебя до небес, то ты восходишь до небес". Видите, как сей добродетельный муж смирял и понижал гору гордыни, как он наполнял дебрь отчаяния?

Препятствует пришествию к нам Господа и болото нечистот наших греховных. Постараемся осушить его воздержанием и наместим чрез него мост милостыней. А стену нечувствия и ожесточения нашего сокрушим умилением, по примеру мытаря ударяя себя в перси. Широко отверзем врата сердец наших любовью и усердием нашим ко Господу, и придет Он, и внидет к нам Царь славы, и воцарится в душевном нашем граде! Аминь.

(Из творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

652. Слово к распутному сыну («Но плоть его в нем болит, и душа его в нем страдает» (Иов. 14; 22))

Этими словами древней книги священной хочу я начать с тобой беседу мою. Не смотри на меня так неприязненно, так подозрительно. Зачем этот взгляд недовольный? К чему порывает тебя сердце твое, и к чему так гордо смотришь? (Иов. 15; 12). Не врага, не грозного обличителя ты видишь пред собой. Нет, пред тобой стоит тот, кого любил ты когда-то слушать, к кому ласкался ты когда-то со всей детской доверчивостью души твоей. Не говори в сердце своем: "Знаю, начинается проповедь, будут предлагать советы и наставления, предписывать разные скучные правила, устрашать угрозами".

Что мне осталось советовать тебе, чего бы я уже не советовал? Что проповедовать, чего бы ты уже не знал? Что мне угрожать? Послушай, послушай меня, я буду говорить с тобой так, как говорил бы ты сам с собой, если бы хотя на одну минуту захотел ты войти в себя. Тело твоё тужит о тебе, и душа твоя плачет по тебе. Что ты был? Что ты есть? И что будет с тобою?

Тело твоё тужит в тебе, и душа твоя плачет о тебе, — ты совсем не тот ныне, что был прежде. Друг мой! Ты жил не так ещё много, чтобы совершенно забыть своё счастливое прошедшее. Ты жил не так уже и мало, чтобы, с грустью вспоминая своё прошедшее, с чувством утраченного спокойствия не обратиться к блаженным дням невинного детства твоего. Обратись же, умоляю тебя, и душа твоя молит тебя об этом! Вспомни, ведь тогда, в эти дни блаженства твоего, тело твоё не тужило в тебе! Оно было свежо и здорово, как прекрасный цветок от благородного семени, его питала и украшала рука доброй матери твоей, его берегла и согревала любовь и ласковая грудь отца твоего. Чело твоё было чисто и ясно, на нём не видно было ни единой чуждой черты, а теперь как неприятно поражают эти черты на лице твоём, выражая надменность духа твоего! Твои глаза были добры и мирны, самые волосы твои не были так жестки и упрямы, как ныне... Помнит ли это тело твоё? Ах помнит, конечно, помнит, что оно было легко и спокойно, как бывает спокойна совесть у доброго человека! Оно тогда не тужило, потому что было в согласии с тобой и с твоей душой. И душа твоя тогда не плакала о тебе. Чья душа лучше твоей могла радовать сердце твоих родителей, кровных и друзей твоих? Сколько прекрасных надежд подавали счастливые способности твои! Как быстро и правильно развивались они! Смотря на то, как равномерно и согласно раскрываются и действуют духовные силы твои, я думал и говорил о тебе: "Душа его стройна, как Псалтирь Давидова". Помнит ли душа твоя тот священный восторг, с которым ты внимал наставлениям друзей твоих? Помнишь ли ты те блаженные минуты, которые посвящал на прилежное чтение умных и благочестивых книг? И куда все это делось?

Поистине, мой друг, пришел диавол, сам диавол пришел и похитил тебя у нас, унес тебя из рая твоей невинности и блаженства. Что такое ты теперь? Не стану изображать той бездны, в которую низринулся ты, как дух отверженный. Но ты не запретишь мне сетовать о тебе вместе с твоим телом и душой. Тело твоё тужит, и душа твоя плачет о тебе. Тело твоё тужит, ты предал его тлению похотей прелестных. Несмотря на мнимое здоровье твоё, тонкое обоняние благочестивого человека уже слышит, уже чувствует запах греховного гниения от плоти твоей. Надменно, но вместе и мрачно чело твоё. Тоскливы очи твои, несмотря на буйный смех твой... С каким ужасом смотрю я теперь на эти когда-то добрые кроткие очи, вижу в них серый цвет, мутное движение, тусклый пламень страстей! Когда ты идешь, твои шаги подобны бегству отчаянного, который скорее спешит броситься в пропасть. Когда говоришь, — твой голос узника, едва слышный из-за стен темницы. Когда спишь ты, упоенный пьянством буйных страстей своих, твоё дыхание,

неведомо для тебя самого, превращается в болезненный стон страждущего. Как часто погружался я в глубокую и печальную задумчивость, слушая это тяжелое дыхание, совершенно похожее на оханье человека, который нечаянно упал в пропасть! Что все это значит, как не стоны тела твоего в тебе? Да, это оно тужит, оно жалуется, хотя ты и не слышишь, не чувствуешь этих стонов, этих жалоб его. А что мне сказать о том плаче, которым душа твоя плачет о тебе? Отнята от сей возлюбленной дщери возлюбленного Сиона вся красота ее (Плач. 1; 6). Потемнел чернее сажи боголепный вид ее так, что и не узнаешь ее (Плач. 4; 8). «Уморил ты жизнь ее в рове страстей твоих» (Плач. 3; 53). «Разорил ты все, чем она украшалась» (Плач. 2; 2). «Плачем плачется она в ночи, и слезы на ланитах ее» (Плач. 1; 10). О, зачем ты внес чужой огонь в сие святилище Божие?! Зачем поставил мерзость запустения на святом месте? Зачем превратил храм Господень в капище идольское, наполнил его истуканами разврата и нечестия? Доколе! Какую отраду нашел ты в страшном мятеже неистовых похотений своих, который добровольно воздвиг ты в душе и сердце своем? О, не обманывай себя, не старайся утаить от себя те мучения, которыми среди буйных твоих радостей мучится дух твой! Ты глубоко чувствуешь, и душа твоя ведает, что твое мрачное настоящее так же не походит на твое блаженное прошедшее, как жизнь падшего духа не походит на жизнь Ангела Божия...

Каково будет твое будущее? Ты не хочешь теперь устремить взора своего в мрачную даль грядущих дней. Но поверь мне, тело твое тужить будет, и душа твоя будет плакать о тебе. Не стану угрожать тебе праведным Судом Божиим, тебя осудит и уже осуждает собственная совесть твоя. Не буду говорить об ужасах ада, который ожидает всех нас, окаянных грешников, — он скоро откроется в душе и теле твоём. Я буду говорить тебе, слушай меня; я расскажу тебе, что видел, что слышали мудрые и не скрыли слышанного от отцов своих (Иов. 15; 17, 18). Ты уже испытал губительные наслаждения буйной и распутной жизнью, ты предал на посмеяние душу и тело свое, но ты еще не знаешь тех грозных сил, которые таятся в душе и теле твоём, и которыми душа и тело твое будут в день оный, темный и страшный, мстить тебе за свое посрамление. Ты не ведаешь еще страшной тайны беззакония, которая уже дется в костях тела твоего и в помыслах души твоей. Тело твое по-видимому здорово и тучнеет, но крепость его истощается. Самый разврат утончит его, дабы ты, сквозь тонкость его, яснее видел и ощущал все ужасы беззакония внутри себя. Ужели ты не замечаешь, что грехи твои обращаются в привычку, входят в плоть и в кровь твою, заражают душу и тело твое так, что в тебе как бы живет другое какое-то злое существо, которое настойчиво, неотвязно требует себе обычной пищи — привычных греховных наслаждений? Ужели не чувствуешь, как это злое существо насильственно влечет тебя к этим наслаждениям, хотя бы ты и не хотел их? Но поверь мне, друг мой, — если ты вовремя не остановишься, не вступишь в борьбу с этим злым навыком, то скоро наступит время, когда ты уже не сможешь с ним справиться. И плакать будешь, а все будешь грешить!

Тайные пороки, которыми теперь наполняются кости твои, прирастут к сим самым костям и с ними лягут в землю (Иов. 20; 11). Никакая сила не в состоянии будет разорвать страшную связь между пороком и костями твоими. Зло, которое теперь сладко в устах твоих, как мед, превратится в желчь аспидов во чреве твоём, и твои нервы будут сосать в себя яд аспидов (Иов. 20; 12-16). Ты увидишь, и ты ни на одну минуту не будешь в состоянии не видеть, как беззакония твои ходят вслед за тобой, идут впереди тебя, издеваются над тобой днем, устрашают тебя ночью. Тогда, мой друг, небеса откроют нечестие твое, и земля восстанет на тебя (Иов. 20; 27).

Не питай в сердце своем злого помысла, будто я говорю тебе только для того, чтобы устрашить тебя мнимыми грядущими бедствиями. Для чего мне устрашать тебя тем, что бывает действительно, и что будет с тобою неизбежно, если ты не отстанешь от путей нечестия твоего? Горе тебе, сын распутный, легкомысленно старающийся превратить истину во лжу, горе тебе, если ты слышал слова мои и теперь не хочешь послушать их! Они увеличат осуждение твое и умножат муки твои, потому что ты знал их и не хотел послушать. Что остается мне, как не желать, да приидут на главу твою все предсказанные мною бедствия прежде смерти твоей, да постигнет тебя страшная участь сына блудного, чтоб ты имел время покаяться! Я знаю, как глубоко пал ты. Не слова, а только бедствия, только муки души и тела твоего могут спасти тебя от конечной гибели!

(Из "Воскресного чтения", 1840)

653. Почему мы не боимся Страшного Суда?

Вкушаю ли я пищу, употребляю ли питье или иное что-нибудь делаю, — всегда, кажется, гремит в ушах моих голос: "Вставайте, мертвые, и идите на Суд!" Так говорил один из учителей Церкви о самом себе, ибо до того его душа сроднилась с мыслью о Страшном Суде Божиим. Что бы он ни делал, что бы он ни говорил, о чем бы ни думал, — эта мысль была с ним неразлучна.

Можем ли мы сказать о себе то же самое? Оглянемся на протекшую жизнь и скажем по совести: много ли найдется в ней таких дней, в которые мы хотя бы только по часу размышляли о том великом страшном дне, когда решится судьба наша на целую вечность? А если истина о Страшном Суде Божиим так мало занимает нас, если мы не носим ее постоянно в душе нашей, то удивительно ли, что она так мало действует на нас? Удивительно ли, что она, несмотря на свою ужасную поразительность, не останавливает нас на пути погибельном и не заставляет жить так, чтобы нам не тягостно было услышать голос, который позовет нас на Суд Божий? Поминай, — говорил древний мудрец, — последняя твоя, и во веки не согрешиши. А разве мало мы имеем таких напоминаний? Вот, в душе нашей после греховного усыпления пробуждается совесть, зовет на суд с собой и грозно требует

отчета в наших делах, — не ясно ли это напоминает нам о том великом Суде, на который позовет нас Бог?

Смотрите, природа нередко потрясается громами, бурями, землетрясениями. Не напоминает ли это нам о будущем великом превращении мира, о тех ужасах, которые будут предшествовать ужаснейшему из всех дней — дню Судному? Пусть же, христианин, память о Страшном Суде будет неразлучна с тобой, при каждом твоём деле, слове и мысли, — и ты не совершишь тех греховных действий, которые теперь творишь, и твои уста не изрекут тех праздных слов, которые теперь износят, и в твоём сердце не найдут места такие мысли, которых ты сам иногда стыдишься. Не каждый ли день Святая Церковь напоминает нам о Страшном Судище Христовом? Не каждый ли день и сами мы в своих молитвах вспоминаем о нём утром и вечером? Так отчего же сия святая истина о Страшном Суде Божиим так слабо действует на нашу душу даже и тогда, когда, кажется, мы не забываем о ней? Оттого, братие, что она очень слабо запечатлена в душе нашей. Иначе откуда в нашей жизни такая несообразность с мыслью о Страшном Суде Божиим? Вот, книга жизни нашей лежит пред лицом Бога Всесвятаго. В сию таинственную книгу записывается все, что мы делаем, что говорим, о чем думаем, — и раскроется эта великая книга пред лицом Бога, пред лицом всего мира, и будем мы судимы по этой книге навеки... О, думаем ли мы о ней? Помним ли? Если бы думали и помнили, то не нарушали бы так часто Закон Божий, не носили бы в сердце коварства, зависти, ненависти, вражды к своим собратиям, не осуждали бы ближних, не имея на то никакого права! И можно ли после этого сказать, что мы помним Страшный Суд Божий и веруем, что все, совершаемое нами, известно Богу Всеведущему? Осмелится ли кто пред лицом царя земного произнести что-либо для него оскорбительное, когда знает, что царь его слышит? Нарушит ли кто волю царскую, если уверен, что царь тотчас узнает об этом? Но вот, Царь Небесный все знает, все слышит, что мы творим, говорим или о чем думаем, — и во всем этом мы должны дать строгий отчет Ему, — а мы о том и подумать не хотим... Это ли вера наша? Все наши мысли, слова и дела раскроются пред лицом всего неба и земли, а сколько совершаем мы таких дел, которых сами стыдимся, сколько произносим грешных слов, сколько питаем в душе мыслей, которых по чувству стыда мы ни за что не решились бы открыть другим! Можно ли после сего сказать, что в сердце нашем глубоко запечатлена мысль о том, что все, совершаемое нами тайно или явно здесь, откроется непременно там? Решились бы мы хотя на одно дело грешное, допустили бы в свое сердце хотя одну мысль постыдную, если бы твердо верили, что все это будет непременно известно всему миру?

На Страшном Суде Божиим от нас потребуют отчета во всей нашей жизни. После сего испытания мы пойдем или в рай Божий, или на вечные муки ада. Но, Боже мой! Сколько между нами есть таких людей, которые до того погрузились в заботы о настоящей жизни, как будто им никогда не

расставаться с ней! Можно ли сказать, что такие люди верят в будущий Страшный Суд Божий? Запечатлей же, христианин, в твоём уме и сердце истину сего Суда Страшного, и она, как невидимая рука Божия, будет удерживать тебя от греха, как Ангел-хранитель поведет тебя по пути добродетели. Впрочем, наш ветхий человек нередко рассуждает так: "Правда, что Бог некогда позовет нас на Суд, что после этого Суда грешники будут наказаны, но ведь Бог бесконечно милосерд, Он не захочет погубить Свое создание. Он столько любит человека, что и Сына Своего Единородного предал смерти для спасения нашего. Станет ли Он наказывать за грехи временной жизни муками целой вечности?" Так наша беспечная природа греховная успокаивает себя надеждой на милосердие Божие! Но как неверна и как неосновательна эта надежда наша, если она ведет ко греху! Да, Бог бесконечно милосерд, никакое создание не в силах вместить в себя той беспредельной любви, того бесконечного милосердия, какое Бог имеет к нам. Но Он же и правосуден. В какой мере милосерд, в какой же мере и правосуден. Бесконечно Он милосерд, бесконечно и правосуден, кто дает перевес одному из сих совершенств, тот совсем извращает понятие о Боге, Существо совершеннейшем. По закону правды Божией, за всяким грехом должно следовать наказание; так оно и бывает еще здесь, тем более будет там. Потому-то Слово Божие и говорит, что «Бог судити имать вселенный в правду, судити имать в правоте» (Пс. 9; 9), что после Суда праведные пойдут в жизнь вечную, а грешные в муку вечную (Мф. 25; 34-36). Как же можно думать, что на Суде Божиим нераскаянный грешник будет помилован, что там будет нас судить одно милосердие, а правосудие умолкнет? На что тогда и самый Суд? Указывают на заслуги Спасителя? Но Его заслуги будут ходатайствовать только за тех, которые принесли достойное покаяние; напротив, они еще более отяготят наказание тех, которые во зло употребили самую благодать Спасителя. Скажут, затем вечные муки за грехи временной жизни? Но посмотрите на законы человеческие, — как они судят о тяжести преступлений? Кто оскорбил равного себе, тот наказывается легче, чем тот, кто обидел начальника; а кто оскорбил царя, тот подвергается несравненно более строгому наказанию. Судите же сами, как тяжко согрешаем мы, когда своими грехами оскорбляем Бога, бесконечно великого! Бог бесконечно велик, потому каждый грех наш бесконечно тяжок; какое же должно быть и наказание за него, как не бесконечное? А сколько таких грехов у каждого из нас! Как же не сказать: правы суды Твои, Господи, осуждающие нераскаянного грешника на муку вечную! Никогда не опускай этого из виду, брат христианин, и воспоминание о Страшном Суде Божиим будет удерживать тебя от грехов и располагать к добродетельной жизни.

"Но, — говорят, — если вечность мучений неизбежна, то ведь это еще не скоро будет, Суд не скоро настанет, еще можно успеть покаяться, чтобы не явиться на Суд виновным... Зачем спешить расставаться с любимыми привычками, зачем торопиться менять приятный образ жизни на трудную и скучную заботу о спасении души? Еще время впереди, успеем это сделать".

Так нередко думает греховная беспечность человеческая, когда мысль о Страшном Суде Божиим пробуждает в душе чувство необходимости покаяния. И сколько благих намерений не приведено в исполнение чрез эту надежду на будущее, сколько прекрасных дел не исполнено именно потому, что откладывали их все на завтра тогда, как их надобно бы было совершить сегодня? Удивительно ли после этого, что истина о Страшном Суде не производит в нас никаких благотворных действий? Мы успеем еще покаяться, говорим мы. Но, откладывая покаяние, не затрудняем ли его для себя еще больше? Умножая грехи, мы более и более ослабляем силы духа нашего и безрассудно думаем, что оставить грехи, состарившиеся с нами, так же удобно, как и те, которые не обратились еще в привычку. Страшный Суд Христов, говорим мы, еще не скоро настанет. Может быть, действительно, всеобщий Суд отдален от нас. Но для каждого из нас будет свой частный суд. Кто поручится хотя за один год, даже за один день своей жизни, что он проживет его? А после смерти — этот частный суд будет началом того, что окончательно совершится и последует на Суде Страшном. Что же мы выигрываем с нашей беспечной надеждой на отдаленность Суда? И кто даже уверит нас, что Суд Христов замедлит настать? Священное Писание не говорит нам этого, оно, напротив, убеждает каждую минуту ожидать Суда, ибо время, когда он настанет, неизвестно (Мф. 24; 36,42,44. 2 Пет. 3; 10. Откр. 22; 12). Блюда убо, душе моя, да не сном отяготишия, да не смерти вечной предана будеши!

("Воскресное чтение", 1840)

654. Похвала святым пустынноикам

Приклоните ко мне слух свой, послушайте меня несколько минут, я расскажу вам о жизни Отцов, обитавших в пустыне. Это те, которые, услышав голос Пастыря, тотчас познали благого Владыку. Это купцы, исшедшие искать доброго бисера. Поведаем подвиги возжелавших жить в пустынях на пользу всем слушающим о них. Неразлучны с нами преподобные Отцы, потому что с нами всегда любовь их. Они всегда молятся о наших грехопадениях. Для всех людей они стали наставниками в добрых делах, сами же поучаются у своего Владыки. Скитаясь по горам, питаюсь, как звери, они исполнены правды, потому что суть члены Церкви; не отличают себя от стада, потому что суть чада Святаго Крещения; сохраняют заповеди, будучи горячи верой. Когда честные иереи предстанут пред Святой трапезой совершать литургию, тогда они первые, простирая руки свои, приемлют с верою Тело Владыки, Который всегда есть и всегда с ними. Как голуби парят они по высоте, как овцы скитаются они в местах пустынных. Это искусные подвижники благочестия.

Перенеситесь же мыслью в пустыню, там увидите вы дивное и славное видение. Пойдем не медля, начертаем добрые и дивные образцы их жития. Когда преклонят они колена на молитву, тогда и меня, хилого, могут сделать

крепким. Когда творят они молитву, тогда и моя мысль свободна и услаждается их кротостью и житием их. И если только один из них прольет облако слез за грехопадения мои, то немедленно будет услышан. Самому Христу уподобились сии святые. Христос никогда не отверщает сокровищ Своих от приходящих в девятый или в десятый час, но как благий Владыка дает равную плату и тому делателю, который потрудился с одиннадцатого часа в винограднике.

Приступим же и возьмем у преподобных Отцов любовь их, которая славнее и драгоценного камня, и славного смарагда, а вместо жемчугов — возьмем их веру. Очистим сердца свои, сделаем себе голубиные крылья и полетим, посмотрим на жилища оных мужей, которые оставили шумные города и возлюбили лучше горы и пустыни. Пойдем, посмотрим на их жилища и увидим, как живут они, подобно мертвецам, в гробах своих. Пойдем, посмотрим на их пищу, которой с весельем наслаждаются они на вершинах гор. Пойдем, посмотрим на их тела, одетые власами. Пойдем, взглянем на их рубища, в которых они радостно славят Бога. Пойдем, посмотрим на их лица, как они выражают скорбь, а веселят души. Пойдем, посмотрим, как Ангелы вместе с ними поют и славословят. Пойдем, посмотрим на их питье, растворенное их слезами. Пойдем, посмотрим на их стол, состоящий всегда из диких растений. Пойдите, посмотрите на те камни, которые они кладут под головы свои. Встретится ли с ними разбойник, тотчас падает пред ними, — ибо они всегда ограждены крестом. Увидят ли их дикие звери в их рубищах, — тотчас уступают дорогу и смотрят на них, как на великое чудо. Пресмыкающихся они попирают ногами, ибо они обуты верою правды. Когда видит их сатана — трепещет и с болезненными воплями бежит от них, потому что много раз терпел он поражение и перервал тысячи сетей, но не мог причинить вреда праведникам. Они не были, подобно нам, беспечны и неразумны, но все мужественно боролись со врагом, пока вконец не сокрушили сатану под ногами своими, в ничто обращали они все замыслы его и не робели от всех ухищрений его. Покажется ли им богатство, — они ни во что вменяют его, пренебрегают им и попирают, как камни, потому что имеют богатство на небесах со святыми Ангелами. Голод их не беспокоит, они всегда вкушают хлеб жизни — Иисуса Христа, сходящего со святых небес. Равно и жажда их не мучит, как в душе своей, так и на языке, они всегда имеют живой источник — Иисуса Христа.

Лукавый сатана не может ни одного из них поколебать помыслами, ибо основание их — на камне. Живут они в пещерах и пропастях земных, как в спокойных ложницах. Окрестные горы и холмы для них приятнее высоких стен. Трапезой служит им всякая гора и вся земля, а ужином — дикие травы. Обильное питье их — вода из источников, вино для них течет из расщелин камней. Храмом служит им собственный язык, которым всегда совершают они молитвы свои. Все двенадцать часов, из которых состоит день, идут у них на молитву Владыке их. Славословие, которое они воспевают на горах и в пещерах, — постоянная жертва их Богу. Они врачуют наши болезни

своими молитвами, ибо они всегда молятся о нас. Они не думают о себе высоко, не ищут первых мест, они славу свою поставляют в смирении, подражая Иисусу Христу, обнищавшему нас ради бедных. Не дают они себе покоя в этом мире, потому что ожидают успокоения в том. Они скитаются со зверями, как птицы летают по горам. Но, скитаясь по горам, они сияют как светильники, и просвещают светом своим всех, кто с любовью к ним приходит.

Пустынные Отцы — стены твердые. Где живут они, там мир. Как голуби — увиваются они на холмах, как орлы — на высотах гор и в ущельях. Царям скучно бывает и в чертогах, а им весело в их подземельях. Преподобные Отцы носят власяницу и восхищаются ею более носящих багряницу. Они презируют дорогую одежду и по великому своему смирению предпочитают ей рубище. Они гнушаются гордыней и пламенно любят смирение. Ненавидят всякую славу суетного мира, и все люди прославляют их за смирение и кротость. Цари не имеют такого спокойствия, каким наслаждаются Отцы в пустыне, потому что их радость — Христос. Дикими травами питаются они в пустыне, как звери, потому что ожидают сладкого рая. Когда изнемогут, скитаясь по горам, ложатся на земле, как на мягком ложе. Немного заснут и спешат встать, дабы, подобно трубам, петь хвалы возлюбленному их Христу. Сонмы Ангелов всегда с ними, ограждая и охраняя их. Благодать Владыки никогда не оставляет их и не допускает врагу тайно напасть на них. Когда молятся они, стоя на коленях, из глаз их текут источники. Наступает утро — и они, как бы взявши крылья, облетают всю вселенную, ибо не имеют они, святые Отцы, постоянного жилища, оно для них в Едеме. Где застигнет их вечер, там они и остаются; где застанет ночь, там и ночуют.

О могилах не заботятся, ибо они уже мертвы, распявши себя миру из любви ко Христу. Где кто кончил пост свой, там для него и могила. Многие из них молились, подвергшись на землю, и тихо почили пред Господом. Другие, стоя на камнях, отдали души свои Владыке. Иной умер просто, ходя по горе, и то место было для него гроб и погребатель. Иной сам себя приготовил к погребению и уснул, по благодати Господа. Иной, вкушая траву, почил за своею трапезою. Иной стоял на славословии, и смерть пресекла глас его. Иной стоял на горе, читал псалмы и молитвы, но пришла смерть и запечатлела поющие и молящиеся уста его. Теперь ожидают они гласа, который некогда разбудит их, и тогда процветут они как цветы благовонные.

Когда повелено будет земле отдать мертвецов, они произрастут и процветут как лилии. За труды, которые понесли они из любви ко Христу, Господь даст им жизнь вечную. Вместо власов украсит Он их венцом славы; за власяницы, в которых подвизались они, облечет их славной брачной одеждой; за траву и воду, которыми они питались, будет Сам их пищей и питием; за ущелья земные, в которых обитали они, Христос введет их в великий рай. За то, что они терпели в мире скорбь, даст им великую радость.

Словом, нельзя изобразить того веселья, в которое внидут все святые за то, что несли здесь добровольную скорбь, подвизались против нечистых страстей, победили врага, сохранили заповеди Бога Вышнего. За то и Ангелы святые ублажают их и говорят им: "Блаженны вы, которые всецело сохранили в сердцах своих любовь ко Христу и с совершенным терпением направили ладью свою по заповедям Всеблагого Владыки Христа. Войдите теперь в тихое пристанище, насладитесь Христом, Которого возлюбили. Радуемся и мы с вами, блаженные, что избежали вы сетей врага, пришли ко Христу, венчавшему вас, и сделались наследниками Его Царствия, немолчно славословя Святую Троицу, Которой подобает всякая слава, честь и поклонение во веки". Аминь.

(Из творений преподобного Ефрема Сирина)

655. Слово умиленное о покаянии

Возлюбленные о Христе братия! Богатство проходит, слава исчезает, красота увядает, все изменяется, все как дым, как тень проходит и как сон исчезает. Посему-то Соломон и сказал: «Суета суетствий, всяческая суета» (Еккл. 1; 2). Посему-то и Давид воспевал: «образом (подобно призраку) ходит человек, обаче все мятется». Подлинно, все мятутся те, кои любят хлопоты настоящей жизни. Подлинно, все мятутся, волнуются, все тревожатся те, кои собирают и накопляют то, что скоро погибнет и чего с собою унести не могут, — все оставим здесь, нагими, как родились, пойдем к грозному Судии. Оставив здесь все сокровища, собранные нами, пойдем в жизнь будущую действительно ногами, с одной скорбью в сердце, со слезами на глазах, с сокрушением души, со страхом и трепетом, с унылым лицом, с поникшими к земле очами, с одними тяжкими вздыханиями — и предстанем пред страшное судище, где нет никакого лицепрятия, где нет никакого ходатайства и заступления. Пойдем к такому грозному и страшному Судии, пред Которым Ангелы трепещут, престолы трясутся, где раскроются книги наших деяний, где течет река огненная, где червь не усыпает, где тьма непроницаемая, где скрежет зубов непрестающий, слезы неиссыхаемые, стоны и вздыхания непрерываемые, плачь неутешный, где нет ни утешения, ни отрады, но печаль, скорби и горести, где будет Суд без милости, где всякий из нас должен дать отчет во всех делах, словах и мыслях своих.

Поистине, братия мои, тогда настанет страх и ужас, каких никогда еще от начала мира и до сего дня не было и не будет. Тогда явятся Ангелы в грозном виде, вострубят трубы, спадут звезды с неба, затмится солнце, небеса свияются, вся вселенная придет в смятение. Тогда явятся Силы и Власти, Серафимы и Херувимы, все наднебесное и поднебесное, наземное и подземное восколеблется и потрясется. Гробы отверзутся, мертвые восстанут, судище поставится. Подлинно, тогда настанет время грозное, все придет в ужас и смятение, все покроется мраком сетования. Послушаем, что

говорит об этом пророк Даниил: «видех в видении моем нощию, ...дондеже престолы поставишася, и Ветхий денми седе, ...Престол Его пламень огненный, колеса Его огонь палящ. Река огненная течаше исходящи пред Ним: тысяща тысящ служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему: судище седе, и книги отверзошася. ...Вострепета дух мой в состоянии моем, аз Даниил, и видения главы моя смущаху мя» (Дан .7; 2,9,10,15). Если святой Пророк, видя будущий Суд, ужаснулся, то что будет с нами, когда мы предстанем на этот Страшный Суд?

Когда все, от востока солнца до запада, соберемся и предстанем, обнаженные, обремененные тяжестью грехов своих? Тогда язык богохульников будет гореть огнем неугасимым и никто не остудит его; зубы грешников будут сокрушаемы немилостивыми Ангелами; уста празднословов заградятся огнем; руки повешенные сребролюбцев содрогнутся; глаза, с похотением взиравшие, без милости исторгнутся. Ах, где будут тогда гнусные ласкатели? Где наши красивые и пышные наряды, дорогие перстни, шелковые одежды и льняные тонкие ткани? Где золото и серебро? Где наши веселости и вкусные вина? Где кони и сады, где дома каменные и курения благовонные? Где сокровища драгоценные? Где постели пуховые? Где будут те, кои нищих презирали, а себя бессмертными считали, сирот несчастных прогоняли, себя умнее всех ставили? Где будут те, которые с весельем, с пением и музыкой упивались? Где насмешники, ругатели, кощунники? Где будут те, кои страха Божия не имели, благочестию христианскому поругались, будущим наказаниям не верили, а себе бессмертие обещали? Где будут те, кои говорят: «да ямы и прием, утре бо умрем» (Ис. 22; 13)? Ах как они будут раскаиваться! Какие будут проливать слезы, — и никто их не утешит! Как будут вздыхать, и никто не избавит! "Горе нам, — воскликнут они. — Мы сами себя довели до такого несчастья, сами над собой посмеялись... Нам это говорили, но мы не слушали, нас увещевали, но мы не внимали, нам проповедовали, но мы не верили, слушали Писание, но сами себя обманывали! Праведен Суд Божий! Достоинно и праведно мы осуждены! По делам нашим получаем награду! Горе нам, за минутное удовольствие мы терпим мучение! За нерадение осуждаемся в огонь неугасимый. Гонялись мы за суетной славой, и вот, лишились славы истинной. Предавались временным забавам и утратили райские утехы. Мы весело жили в мире, зато теперь страждем; а те, кои проводили жизнь в посте и воздержании, веселятся; кои сохранили себя в чистоте и целомудрии, ликуют в небесном чертоге. Кто плакал, тот здесь вечно утешается; кто все земное почитал за ничто, получил небесное блаженство. Одни мы, несчастные, страдаем, мы терпим наказание, и нет помогающего, мы рыдаем, и нет утешающего".

Как бы и нас, братие, не постигла та же участь, как бы и нам не пришлось издавать те же плачевные вопли вместе с теми грешниками в будущей жизни... Исправим жизнь нашу, прольем слезы покаяния, возденем руки наши к Могущему спасти нас и скажем из глубины сердца: "Иисусе

Христе, спаси нас, погибаем!" Поспешим, пока солнце не зашло, пока двери милосердия Его не затворились. Когда наступит ночь, никто не работает. Когда двери затворены, можно услышать только грозный голос: «не вем вас» (Мф. 25; 12)!

Ах, возлюбленные, как мы презираем Бога, ни во что вменяем Его благодеяния! Как мы неблагодарны! Он благодетельствует нам, а мы не стыдимся. Он нас хранит и милует, а мы не боимся нарушать Его заповеди. Вот настанет время, вот приближается тот день, в который мы должны дать отчет во всей жизни. Удержимся от беззаконий, чтобы не проливать горьких слез. Перестанем питать взаимную зависть и ненависть. Не станем копить богатства и жить в роскоши. Начнем жизнь новую, в молитве, посте и покаянии. Теперь время покаяния и слез. Возгнушаемся греховной жизнью, станем чаще приводить себе на память день Страшного Суда Божия. Потрудимся здесь немного, чтобы там не подвергнуться вечному мучению. Время сокращается, конец приближается. Скоро все мы будем искать времени и не найдем его. Горе нерадивому, он, томимый жаждой, не найдет капли воды, чтоб остудить язык свой! Горе нераскаянному, он предстанет грозному Судии! Горе беззаботному о своем спасении, он предан будет злым Ангелам! Кто потеряет золото, тот может найти другое, но кто потеряет время, тот не найдет другого.

Братие, не будем угождать плоти, будем изнурять ее подвигами духовными; блажени плачущии, алчущии и жаждущии! Да и что есть тело наше, как не брение, прах и земля, которая должна опять обратиться в землю? Не будем обольщать себя пустой надеждой. Настанет, неотменно настанет Страшный день Суда. Сколько не запасаем мы себе богатства, но придет старость со всеми ее немощами, а потом нежданно застигнет и роковой час смерти, которого все боятся, все ожидают и о котором все так мало помышляют. Подлинно ужасна та минута, когда душа разлучается с телом; страшен тот час, когда слова на устах замирают, когда язык немеет. Плача достойное будет зрелище, когда в предсмертный час обратим мы свой взор туда и сюда и не узнаем своих друзей и братьев, а хотя и узнаем, не будем в силах беседовать с ними. Увидим вокруг себя сетующих детей и со скорбью сердца разлучимся с ними. Не до них будет тогда, только грехи будут терзать совесть нашу да тревога: как нам явиться пред лицом грозного Судии, и куда Он присудит нас? Тогда вдруг явятся грозные Ангелы, и мы содрогнемся, вострепещем, будем укрываться от них, но не сможем... Будем просить помилования, умолять их: "Ангелы Божии, помилуйте меня, пощадите, не ведите скверного к моему Создателю, не разлучайте с телом. Дайте мне время на покаяние, дайте вздохнуть, оплакать мои беззакония, заняться делами милосердия. Сжальтесь надо мною, я худо провел мою жизнь!" Но Ангелы ответят: "Бедная душа! Сколько времени ты провела в лени и теперь ли хочешь каяться? Уже закатилось для тебя солнце праведное, прошло время покаяния, все кончено, Бог велел тебе оставить

этот мир и спешить в вечность. Уже нет для тебя спасения, тебя ждет мука вечная!"

Зная это, братие, будем заранее готовиться, загладим грехи истинным покаянием, не будем обманывать себя. Есть Суд, есть вечное наказание, есть огонь неугасимый, есть червь неусыпный, тьма крошечная, тартар и скрежет зубов. Сам Господь в Святом Своем Евангелии говорит о сем: небо и земля мимо идут, словеса же Моя не мимо идут. Грешники, убоимся Суда Божия, покаемся! Не говори мне: "Я вор, я убийца, Бог не примет меня; я любодей — Бог не услышит меня". Бог всех приемлет: и разбойника, и блудника, и мытаря. Только покаемся, только возопиим ко Господу: "Спаси нас, недостойных, имени ради Твоего Святаго! Отверзи нам двери милосердия Твоего! Ты Бог кающихся и надежда ненадежных, яко Твое есть Царство и сила и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков". Аминь.

(Из творений преподобного Ефрема Сирина)

656. Обращение Евдокии

«Живо бо слово Божие, и действенно, и острейше паче всякого меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным» (Евр. 4; 12), — так говорит само о себе Слово Божие. Словом Божиим весь мир из ничего сотворен. Словом Божиим в последний день мира мертвые восстанут на Суд. Словом Божиим всегда творились и творятся великие и славные чудеса. Велико чудо — воскресить мертвого, ибо только единому Богу возможно такое дело. Но не меньше чудо — воскресить душу, умершую грехом, и это дело для человека невозможно, а Богу вся возможна суть! Как бы глубоко ни пал человек, но если Сердцеведец Господь еще видит в его сердце хотя малую искру смирения, Он пошлет Слово Свое животворящее и коснется им сердца грешного, и воскреснет сей мертвец к новой благодатной жизни, как воскрес некогда по слову Жизнодавца Лазарь четверодневный.

Житие святой преподобномученицы Евдокии представляет тому разительный пример. И родом, и верой она была самарянка. Не было девицы прекраснее ее, но не было, казалось, и грешнее. Повсюду проходила слава о ее неподобной красоте и привлекала в Илиополь, где жила она (в Сирии), множество знатных и богатых, но развращенных душой юношей. Зато не было счета и богатствам ее. Кто бы мог подумать, что эта самарянка, богатая, развращенная, не верующая во Христа, чрез какой-нибудь год будет игуменией в одном из пустынных и бедных женских монастырей? Этого, конечно, и сама она не могла бы помыслить, но что невозможно у людей, то все легко и возможно для Господа. Он послал Слово Свое и исцелил душу гибнущую, возвал ее к новой жизни и соделал достойным сосудом Своей благодати.

Проходил чрез Илиополь один благочестивый инок, именем Герман, и остановился ночевать у своего знакомца, христианина, именно в том доме, где жила Евдокия. Его комната прилась рядом со спальней великой грешницы, но только чрез тонкую деревянную стенку. Отдохнув немного, он встал на молитву и начал петь псалмы — обычное свое правило; потом сел, вынул из пазухи книжку, которую всегда неразлучно носил с собою, и стал вслух читать. Долго читал он Слово Божие о будущем Страшном Суде Христовом, о том, как после сего Суда праведники просветятся, яко солнце, в Царствии Небесном, а грешники пойдут в муку вечную, в огонь неугасимый. Богобоязненный инок читал с чувством и чтение часто прерывал глубокими вздыханиями. Богу угодно было, чтобы Евдокия проснулась при самом начале чтения. Никогда в жизни не слыхала она того, что теперь слышала. Сначала из простого любопытства она стала прислушиваться, стараясь не проронить ни одного слова. Выражения "грех", "праведный Судия", "ад", "вечное мучение", а, с другой стороны, слова "праведник", "любовь Божия", "рай", "вечное блаженство" — глубоко потрясли ее душу. В первый раз в жизни она почувствовала, в каком ужасном положении находится, невольный вздох вырвался и из ее грешного сердца. Чем больше она представляла себе множество грехов своих, тем больше утрашала ее мысль о Страшном Суде Божиим, и она не могла заснуть до самого рассвета.

Наутро Евдокия послала пригласить к себе того, кто ночевал в соседней комнате. Старец пришел. Скрывая свое сердечное смущение, она спросила его: "Скажи мне, добрый старец, кто ты и откуда? И что это такое ты читал в прошедшую ночь? Ты меня удивил и напугал до крайности... Неужели правда, что грешники осуждены на огонь вечный? И если так, то скажи мне: кто же может спастись?" — Мудрый пустынный на все ее вопросы отвечал удовлетворительно; не оскорбляя самолюбия, заставил ее признаться в слабостях и пороках своих, показал ей, к какой гибели ведут богатства, неправедно собираемые и так же неправедно расточаемые, и, наконец, довел ее до того, что она пала к ногам его и слезно стала умолять его: "Возьми у меня, отче, сколько хочешь золота, только останься здесь на несколько дней, чтобы научить меня вашей вере христианской. Я раздам все мои богатства и пойду за тобою, куда хочешь, только бы мне спастись!" — Блаженный Герман отвечал: "Не нужно мне твоего золота; довольно с меня и надежды привести овцу заблудшую в Христову ограду. Я охотно останусь на несколько дней, а ты позови к себе одного из христианских пресвитеров; он крестит тебя по чину церковному, а потом все пойдет своим порядком". Немедленно призван был священник. Евдокия поклонилась ему до земли и объявила, что она желает быть христианкой. Удивленный иерей Божий спросил ее: какой она веры? — "Я самарянка, — отвечала Евдокия, — я всему миру была супруга, одним словом, я море всякого зла. Есть ли у Бога вашего милость для таких грешников, как я?" — Пресвитер отвечал, что для кающихся грешников есть у Бога прощение, только должно принять Святое Крещение, а для нераскаянных нет прощения, нет помилования. "Что же мне

делать?" — спросила Евдокия. Пресвитер посоветовал ей раздать свое имущество бедным и приготовиться к Крещению. "Сними с себя дорогие одежды, — сказал он, — надень худые, затворись в уединенной комнате, постись и молись семь дней, и тогда Христос Бог, мытаря оправдавший и грешницу помиловавший, помилует и тебя".

Евдокия так и сделала. Она приказала рабыням говорить всем, что ее нет дома, и на семь дней затворилась в своей спальне. Там в слезах и покаянии она оплакивала грехи свои и просила Господа помиловать ее. В седьмой день пришел к ней блаженный Герман. Увидев ее, бледную, исхудалую от поста, он стал ее спрашивать: как она провела эти дни? — Евдокия отвечала: "Семь дней я молилась и постилась по совету пресвитера и твоему, отче. И вот, в прошлую ночь осиял меня свет паче солнечного. Я поднялась с земли и увидела прекрасного, но и грозного юношу, одетого в белоснежную одежду. Он взял меня за руку и вознес выше облаков. Во мгновение очутились мы среди обителей судных; бесчисленное множество святых душ встречали и приветствовали меня с улыбкой светлой радости, называя меня своей сестрой. Вдруг на воздухе показалось страшилище, его вид был мрачен, как ночь, глаза горели как уголья, он скрежетал зубами, рычал как лев и с наглостью попытался вырвать меня из рук моего бесплотного вождя. "Как? — кричал он, — ужели и эту отчаянную грешницу, всю землю осквернившую грехами своими, ты отнимаешь у меня, о Архистратиг Сил Божиих!? После этого собирай со всей земли грешников, не по-человечески, а по-скотски живущих, и веди их к Богу, а я сокроюсь в уготованной мне бездне вечных мук. Только где же будет правда тогда?" — И вот, когда он так неистово кричал, вдруг послышался свыше, от неизреченного онаго Света, голос: "Так угодно Богу милосердому, чтобы грешники чрез покаяние были восприняты паки в лоно Авраамово. Повелеваю тебе, Михаиле, Завета Моего хранителю: отведи ее туда, откуда взял ты, пусть она совершит подвиг свой, а Я буду с ней во все дни жизни ее". И Ангел Божий поставил меня опять в спальне моей. Тогда я осмелилась спросить его: кто он? — "Я князь Ангелов Божиих, — отвечал он, — на мне лежит попечение о кающихся грешниках. О, какая бывает на Небеси радость для Ангелов Божиих, когда какой-нибудь грешник приносит покаяние! Не хочет Бог, Отец Небесный, чтобы погибла хотя одна душа человеческая. Ведь человек создан по образу и подобию Божию, как же не радоваться нам его обращению?" — Тут Архангел оградил меня крестным знаменем, я поклонилась ему до земли, и он вознесся на небо. Что повелишь мне делать, честный отче?" — закончила свой рассказ Евдокия. — "Прими знамение веры — Священное Крещение", — отвечал Герман. Он дал ей несколько отеческих наставлений о том, как достойно приготовиться к Крещению, и удалился в свою пустынную обитель. Евдокия наложила на себя строгий пост на несколько дней, молилась, плакала о грехах своих и, наконец, просила у епископа того города Святаго Крещения. Затем все свое богатство чрез того же епископа она раздала бедным и вскоре последовала в пустыню за блаженным Германом, который

поместил ее в один из женских монастырей, а чрез одиннадцать месяцев после того она была уже избрана игуменией в той же обители девственниц.

Так могущественно было действие на ее сердце Слова Божия, которое она, по особенному дивному устроению Промысла Божия, нечаянно услышала! И сколько чудес она соделала! Она смягчала сердца звероподобных тиранов, воскрешала мертвых, внезапно поражала молнией гонителей христианства, крестным знаменем умерщвляла ядовитых змеев и, наконец, скончалась страдальчески, спустя 55 лет после своего обращения, как смиренная агница Христова.

Братие мои! Будем и мы чаще, каждый день, хотя по несколько строк прочитывать из Книги жизни, из Слова Божия, Священного Писания. В сей дивной Книге заключены глаголы Живота Вечнаго. Будем читать сии глаголы с верой в силу их благодатную, и они коснутся грешного нашего сердца и согреют его чувством умиления, и расположат нас к покаянию во грехах наших бесчисленных, еже буди всем нам благодатию Христовою, за молитвы преподобномученицы Евдокии! Аминь.

657. Слово неграмотным о грамотности

Старые умные люди сложили умную пословицу: "Ученье свет, а неученье — тьма". Они смотрели на грамоту, как на великий дар Божий. Но нелегко им доставалась эта грамота. В старину, бывало, и в городах редко-редко где отыщешь школу или училище для детей, а по селам это было дело почти неслыханное. Грамоте обучали детей кое-какие "мастера" этого дела из отставных солдат или старые дьячки, или же какие-нибудь девицы-келейницы. И какое это было ученье! Недаром сложилась другая пословица: "Корень учения горек, да плоды его сладки". Видно, несладко было учиться тогда! То ли теперь? Благодарение Богу за Его неизреченное милосердие к нам, грешным. Ныне, по милости Господней и по священной воле благочестивейшего Государя нашего Императора, и церковно-приходская, и земская, и всякие другие школы заводятся повсюду: и в селах, и в деревнях. Православный Царь, отец наш, сердце коего в руке Божией, помыслил в своем благочестивом духе: "Первая заповедь Божия повелевает всякому христианину непременно учиться Богопознанию. Но как могут выполнять эту великую обязанность люди безграмотные, люди не умеющие ни читать, ни писать, люди ничему не учившиеся, не учащиеся, которые и не могут учиться, потому что негде им учиться. Буду я учить мой народ, дам ему возможность и способ учиться, заведу по селам училища для детей добрых моих поселян". Помыслил так премудрый наш отец-Государь и повелел везде заводить школы и училища, особенно школы церковно-приходские, чтоб учились дети русского народа православного под благодатной сенью Святой своей Матери, Церкви Православной. Спаси, Господи, нашего Царя-батюшку за то, что он, отец наш, людям темным желает свет подать, велит им детей своих в ученье отдавать!

Да, православные, он желает вам свет подать, желает, чтоб дети ваши учились грамоте. Принимайте же с молитвой и благодарностью этот благодетельный свет, с усердием и готовностью отдавайте детей своих в научение, с радостью душевной исполняйте желание царское. Воля Царя — все равно, что воля Божия. Царь желает, чтобы вы обучали грамоте и Закону Божию детей ваших. И Бог то же самое повелевает в Законе своем: учите, наставляйте сыновей своих. И да будут словеса сия — заповеди Господни, — говорит Бог, — заповеди, которые Я заповедаю тебе, в сердце твоём и в душе твоей. И внушай их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась, и вставая (Втор. 6; 6, 7). Исполняйте же, с радостью душевной исполняйте благое желание царское. Оно откроет вам великий и ясный свет Божий, доставит великую пользу вашим душам, сделает вас не в пример счастливее и в быту домашнем, и в быту церковном, и в быту общественном. Посмотрите, Бога ради, на себя и подумайте. Вы обыкновенно говорите, что вы люди темные. Действительно, темные, и тот дом, в котором нет ни одного грамотного человека, хуже тюрьмы. Отчего в ваших домах беспорядок, неопрятность, нечистота, такая нечистота, что даже святые иконы покрыты пылью, подернулись паутиной? Отчего редкий из вас способен исправить какую-нибудь должность, какую возлагает на него общество? Оттого, что между вами так мало грамотных. У всякого еврея некрещеного в доме найдете вы его молитвенник, найдете заповеди, на его языке писанные, и он умеет читать, — а у вас в домах? Ни Часослова, ни Псалтири, ни даже маленькой азбучки, по которой бы можно было иногда прочесть краткие молитвы, — ничего-то нет! Да и на что они, когда не умеешь ими пользоваться? Молится человек пред святой иконой, а не смыслит даже того, что под ней подписано. Видите, как вы темны, как жалок ваш домашний быт? Как же вам не желать, чтоб дети ваши как можно скорее выучивались грамоте и могли читать вам добрые и благочестивые книги?

Сын, муж или брат чрез несколько безвестных лет прислал из полка письмо, — как бы хотелось самим прочесть это драгоценное письмо! Как бы хотелось взглянуться во всякое слово, во всякую букву, присланную любезным кровным воином! Но, увы, не умеем! Пойди, ищи умеющего, пойди, проси чужого человека, а, может быть, письмо-то такое, что не надо бы и знать его этому чужому человеку-то... К тому же, хоть и невелико одолжение — прочесть или написать письмо, а все одолжение, надобно чем-нибудь отблагодарить, какой-нибудь гостинец снести, а он бы и дома сгодился. То ли дело, если бы свой-то грамотей в доме был! Опять, видите, как жалко ваше положение? Как же вам не желать, чтобы дети ваши скорее учились читать и писать? Они тогда заменят вам ваши собственные глаза.

А что сказать о вас в быту церковном, в делах веры и благочестия? Не умея читать, вы очень смутно понимаете, а, пожалуй, иной и вовсе не понимает, в чем состоит истинное благочестие. Не всегда умеете молиться, как надобно, часто молитесь в тяжкий грех душе своей. Не умея читать, вы не можете хорошо и понимать, когда другие читают или учат вас, не можете

твердо и долго помнить того, чему учат. Вы стоите, например, в храме Божиим, слушаете чтение и пение церковное, а много ли разумеете? Увы, многие из вас не смыслят, что значит "Господи, помилуй!" Иному удастся выучить с чужих слов молитву Господню "Отче наш", но когда послушаешь это чтение — Боже милостивый! — что вы делаете из этой великой молитвы, в которой ни одного слова, ни одной буквы нельзя изменять! Как вы ее искажаете, как переиначиваете! О, какой это тяжкий грех! Горе людям темным, которые сами не хотят учиться, а еще большее горе тем, которые не хотят, чтобы дети их учились грамоте, которые потакают их грубой лени и неряшеству! Вам говорят церковные беседы, стараются предлагать поучения как можно проще и понятнее, — но все ли из вас понимают предлагаемое? Не больше ли таких, которые, по их глазам видно, не понимают ничего, как будто не им говорится? А есть много и таких, которые вовсе ничего не слушают. "Ин, стоя, дремлет, — говорит святитель Христов Димитрий Ростовский, — а ин скверная и злая помышляет, ин татьбу, ин убийства, ин прелюбодеяние и любодеяние, ин гнев и лесь ближнему своему, стоя в храме, замышляет". (Поучение в неделю Жен мироносиц). Разумеется, при таком стоянии самое понятное будет непонятным, самое необходимое — бесполезным, самое ясное — темным, и человек, пришедши в церковь Божию темным, выходит отсюда еще темнее и бессмысленнее. Если бы спросить вас: много ли поняли вы из поучений, которые слышали в церкви, — то оказалось бы, что или очень мало, или вовсе ничего. Что узнали, находясь в церкви, то потеряли по выходе оттуда, — а что удержалось в памяти по выходе из церкви, то забыли, когда пришли домой.

Но этой печальной потери, этого несчастного забвения никогда бы не было, если бы в ваших семействах было хоть по одному грамотному человеку. Прийдя домой и собравшись вместе, вы заставили бы его прочитать вам то, что слышали в церкви, выслушали бы еще раз, и другой, и третий; тогда и самая тупая голова многое удержала бы в себе. Заповеди Божии читаны в церкви из той самой книги, которую будут учить ваши дети, которую называют "Православным Катехизисом", — там же они и протолкованы.

Почему же не читать и не перечитывать их в доме? Стыдно нам, православным христианам, что мы не держимся добрых обычаев, которые есть у христиан неправославных, даже у некрещеных евреев. Придет праздник Господень, сходим мы в церковь, придем домой, пообедаем, а потом что? Немец, англичанин, даже жид некрещеный собирают в свои праздники всю семью свою, читают все вместе Слово Божие, ведут беседу о Боге, о делах Его, — а у нас что? Грустно и больно сказать, что творится у нас в эти святые дни. Иной раз невольно подумаешь: конечно, работать в праздники грешно, — за это Бог лишает Своего благословения те наши труды, которые творим и в будние дни; но не вдвое ли грешнее всякой работы проводить праздник так, как его у нас часто проводят? Когда больше всего видим мы пьянства, всяких безобразий, как не в праздники Божии? А

отчего все это? От темного невежества, оттого, главным образом, что не любят у нас проводить время в чтении книг духовных. А как бы хорошо было, если бы в Божий день собирались вы, каждый в своем доме, да читали или слушали Слово Божие, Жития святых Божиих угодников, разные книги духовные и поучительные! А ведь это и теперь можно сделать! Отдавайте детей своих в школы церковно-приходские, или какие где есть, чтобы учились они грамоте. Зачем они растут у вас грубыми, как дикие звери? Неужели вам самим еще не опротивело крайнее невежество и слепота? Ведайте, что если какой отец или мать умеет только кормить своих ребят, но не умеет их воспитать, не хочет ничему научить, когда можно научить, — то такой отец и мать, такие недобрые родители — не родители, а развратители своих детей. Не доводите себя до такого страшного греха! Просвети очи и умы наши, Христе Боже, да не когда уснем в смерть и погибнем на веки! Аминь.

658. Беседа на первую заповедь Божию

«Я Господь, Бог твой, ... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20; 2, 3)

Среди громов и молний с вершины горы Синайской слышится глас Господа Бога. Он возвещает Своему избранному народу Израиля Свои Божественные заповеди. В первой же заповеди Он открывает Самого Себя, Себя единого именует Богом истинным и глаголет: Аз есмь Господь Бог твой: да не будут тебе бози инии разве Мене! Я один Господь Бог твой, Бог истинный, Я, а не кто другой. Меня единого знай, Меня единого познавай. Я — Господь Бог твой, Который всегда был, всегда есмь и всегда буду. Я — Бог вечный. Я — Господь Бог твой, Который все соделал, все сотворил, все делаю и все могу сделать, что захочу: Я — Бог всемогущий. Я — Господь Бог твой, Который всех всегда миловал и милую, всем все подавал, подаю и буду подавать, что кому нужно, полезно и хорошо: Я — Бог всеблагий. Я — Господь Бог твой, который все видел, везде все вижу и всегда буду видеть, все везде и всегда ведаю, что было, есть и будет: Я — Бог всевидящий и всеведущий. Я — Господь Бог твой, пред Которым всякое зло и неправда есть мерзость, всякое добро и правда — приятны, Который судит все дела, слова и помышления людские по сущей правде: Я — Бог всеправедный, нелицеприятный. Я — Господь Бог твой, Который всегда и везде присутствую, везде все произвожу и всем управляю: Я — Бог вездесущий, бесконечный, Бог всегда одинаковый и неизменяемый, вседозволенный, всеблаженный. Я — Господь Бог твой — Дух бестелесный, беспредельный, Дух чистейший и всесвятой. Меня единого знай, Меня единого Богом признавай.

Вот кто и каков Господь Бог наш. Не было, нет и никогда не будет никого и ничего выше и сильнее, лучше и прекраснее, совершеннее и святее нашего Бога истинного. В мире есть много вещей прекрасных, но вся красота

целого мира не в пример хуже красоты Божией. Сила и крепость всего света — ничто пред силой Божией, Бог наш есть единая вечная истина и правда, единое вечное добро или благо, единая вечная красота неизреченная, которую нельзя ни рассказать, ни описать. Одним словом, Он есть единый истинный Бог наш: «Аз есмь, — глаголет Он, — Господь Бог твой: да не будут тебе бози инии разве Мене». Пусть не будет у тебя никаких других богов, кроме Меня, не имей, не почитай ничего за бога, кроме Меня, единого истинного Бога. Не говори, не думай, будто где-нибудь и когда-нибудь был иной какой бог или иные боги, кроме сего истинного Бога. Так заповедует Сам Бог, так учит тебя Святая Церковь Православная денно и ночью своим Символом: Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

Поясню это тебе примером. Есть у тебя на земле отец, которого, положим, зовут Павлом. Ты так и говоришь, что твой отец точно Павел, а не Петр, не Василий; так и знаешь, что один он, Павел, есть подлинно отец твой, и что кроме него, нет и не может быть у тебя другого отца. Так рассуждай и о Боге. Когда слышишь Его святую заповедь: Аз есмь Господь Бог твой, — тогда и помышляй, и веруй, что кроме единого, во Святей Троице покланяемого истинного Бога, не было, нет и не будет, и быть не может никаких иных богов. Вот что значат слова первой заповеди Божией. Господь Бог повелевает сей заповедью, чтобы мы прежде всего и паче всего старались познавать Его и почитать Его.

Нельзя ничего знать, если не будешь учиться. Ты умеешь работать, а мы умеем читать и писать, — почему? Потому, что нас этому учили. Как же можно знать Бога, если не будем учиться познавать его? Познавай же Бога, во-первых, из Святого Слова Его, — читай или слушай Священное Писание, творения святых Отцов и учителей Церкви, читай и другие книги духовные и поучайся из них благочестию. Ходи чаще в церковь Божию, благоговейно слушай здесь чтение и пение церковное, прилежно внимай церковным поучениям о Боге и делах Его. Со вниманием слушай благочестивые разговоры о Боге и вере святой, где бы тебе ни пришлось слышать их; и сам чаще размышляй о дивных делах Божиих. Смотри на весь прекрасный мир Божий: как в нем все премудро Создателем устроено, как во всем видна благодать и любовь Божия, Его всемогущество, Его вездесущие! И чем больше ты будешь познавать Его, тем больше будешь благоговеть пред Ним и почитать Его, тем крепче будет твоя вера в Него, надежда на Него, любовь к Нему.

Что значит веровать в Бога? Это значит всем сердцем принимать за истинную правду не только то, что можешь ты понять о Боге, но и то, чего понять нельзя, что, однако же, говорит о Себе Сам Бог, чему учит нас Святая Церковь Православная, что пишут о Боге святые Отцы, как рассуждают и изъясняют о Боге Богом поставленные пастыри и учителя Церкви. Все то признавай, думай и говори, что оно есть сущая правда, несомненная истина, наука Божия, хотя бы чего ты и не понимал. Только тогда ты и будешь

христианин православный, то есть правильно и по правде верующий в Бога. Например, ты не можешь хорошо понять: как Бог вездесущ, — то есть что Он везде, на всяком месте, в одно и то же время есть и присутствует весь, — весь Бог на Небеси и весь Бог на земли, весь Бог в храме и весь Бог в доме твоём, весь Бог со мною, с тобою, со всяким человеком в одно и то же время. Не можешь ты этого понять, потому что сам ты в одно время не можешь быть и тут, и там; когда стоишь, например, в церкви, то нет тебя дома. Но ведь Сам Бог говорит тебе, что Он есть Бог вездесущий, Святая Церковь учит тебя, что Он везде, на всяком месте и на всех местах есть точно так, как ты на одном месте. Поэтому ты и веруй, и принимай, что Бог наш есть Бог вездесущий. По сему примеру рассуждай и о прочем, например, что Он есть Бог всевидящий, всеслышающий, всеведущий, Бог везде сый и вся исполняй. Всегда, везде и во всем полагайся на Бога, во всех добрых делах и честных трудах от Него ожидай помощи, всегда думай и говори: сам по себе я — человек слабый, ничего не могу делать, если Бог не поможет мне. Засеваешь, например, поле. Не говори: я тружусь, я хорошо обработал поле, вовремя посеял, — ничего не уродится, если ты сеял без надежды на Бога. Отправляешься ли в дорогу? Помышляй в себе: может случиться в пути неудача или беда какая, но Бог мне помощник и покровитель, с Ним, если пойду и посреди тьмы смертной, не убоюсь никакого зла. Заболел ты или кто из семьи твоей, или скот твой, — не сокрушайся, как язычник, неведущий Бога, а возверзи, возложи печаль твою на Господа и говори: да будет воля Твоя, Господи! И где бы ты ни был, что бы ни делал, что бы ни случилось с тобою, — всегда помышляй: Господь со мной, Он все видит и знает, и что Ему угодно, то и сделает со мной. Буди Его святая воля на все! Вот что значит надеяться на Бога.

А как надобно любить Бога, это показывает нам Сам Господь и Спаситель наш, когда говорит: «возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею» (Мф. 22; 37). То есть надобно любить Бога выше и больше всех людей и всех вещей на свете. Надобно любить Бога всем, чем только можешь любить: любить сердцем, любить душой, любить разумением, любить словом и делом, любить всегда, во всяких случаях и происшествиях нашей жизни. Ты веришь, что Бог лучше всего, сильнее всего, ближе всего к тебе? Значит поймешь, что Он должен быть тебе и милее всего на свете, что ты должен любить его прежде и больше всего. Спросишь: как сделать, чтобы любить Бога больше и выше всего? Слушай. Кого ты любишь на свете? Положим, любишь отца и мать, жену и детей, родных и друзей своих. Хорошо, надобно любить и их, и всех людей. Но ты спроси себя и подумай: кто дал тебе отца и мать, жену, детей и все, что есть у тебя? — Конечно, Бог. Если же дал Бог, то и любить Его должно больше отца и матери, больше всего, что ты любишь, что тебе дорого на свете. Если Бога не станешь любить, то Он отнимет у тебя все, что дал тебе, что ты любишь больше Его. Хорош твой отец, хороша мать, хороши жена и дети, — ты и люби их. Но тут же обратись к Богу и всегда держи в

уме: "Господи, как Ты благ и милостив ко мне, что дал мне, грешному, все хорошее! Люблю их ради Тебя, люблю Тебя больше их, потому что их Ты же мне дал!" Но у тебя нет отца и матери, нет жены с детьми, ты бедняк и сирота на свете? Что ж, тем легче для тебя любить Бога больше всего. Если ты сирота, то говори, как пророк: Отец мой и мать моя оставили меня, но Господь, приняв их к Себе, принял и меня вместо их, — стал моим Отцом. Возлюблю Тя, Господи, крепость моя! Если ты бедняк, одинокий, безродный, то помни, что и с тобою всегда и везде Бог: и в нужде, и в одиночестве, и в сиротстве, и в беспомощности, — всюду Он, милосердый, с нами, за нас и для нас. Как же не любить Его больше всего на свете? Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою, и всею мыслию твоею! Аминь.

(Из "Бесед сельского священника" ("Воскресное чтение", 1848))

659. Беседа на вторую заповедь Божию

«Не сотвори себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонишися им, ни послужиши им» (Исх. 20; 4)

Так говорит вторая заповедь Божия, возвещенная народу израильскому на горе Синайской. Не делай себе никакого идола, истукана, не вытесывай из дерева или из камня, не вылепливай из глины, не выливай ни из меди, ни из железа, ни из серебра или золота, ни из какой вещи не делай себе идола. На небе, вверху, ты видишь солнце, месяц и звезды, поэтому не делай никакого идола подобного, похожего, изображающего солнце, месяц и звезды. На земле, внизу, есть птицы, звери, скот, люди, камни и деревья; в водах есть рыбы, змеи, морские чудовища, — не делай никакого идола, похожего и представляющего либо птицу, либо зверя и скота, либо человека, либо змею и рыбу. Не делай никакого идола, изображающего какую бы то ни было земную или водяную тварь, не кланяйся этим идолам, как богам, не служи им, как будто они были боги твои.

Слава Господу Богу! Между нами, христианами такое идолопоклонство — дело невиданное. Но были, да и ныне есть люди и целые народы, которые не знают истинного Бога, не умеют ни креститься, ни истинному Богу молиться. Эти бедные люди, не зная Бога истинного, Творца всех тварей, начали выдумывать богов ложных, стали поклоняться твари вместо Творца. Одни, как слепые, подумали, что солнце, месяц и звезды суть боги. Другие, еще слепее тех, стали богами почитать умерших людей, птиц, волов, кошек, больших змей, крокодилов и другую всякую тварь. Наделали себе идолов, похожих на эту тварь, и кланяются им, как богам. Такие несчастные люди называются язычниками, идолопоклонниками, а их нечестивая вера — идолопоклонством. Видите, как несчастны и слепы те люди, у которых нет истинной веры христианской, которые не знают истинного Бога христианского, которые не учатся у нашей Православной Церкви

Христианской. Благодарите же, православные, денно и нощно благодарите Господа, что вы христиане, а не язычники, родились в Православной вере, а не в еврейской, не в басурманской или идолопоклоннической, что выросли и живете, как дома, в Православной Церкви, которая вся украшена святыми иконами, образами истинного Бога Христа Спасителя нашего и Пречистой Его Матери, ликами великих угодников Божиих. Почитайте сии иконы и поклоняйтесь им, потому что кланяться иконам святым и почитать их учит и повелевает нам сама Православная Церковь наша.

Что такое икона? Например, икона святителя Христова Николая чудотворца? Конечно, образ, лик святого Николая. Опять спрошу: только образ, лик святого Николая, а не сам святой Николай? Конечно, не сам, а только образ его. Икон святого Николая есть великое множество, а сам святитель Христов Николай чудотворец есть только один. Помни же, что всякая икона есть только образ того, что она показывает. Вот тебе пример. Когда ты смотришься в зеркало или в тихую и светлую речку, ты видишь там себя. Но ты знаешь, что в зеркале и воде не сам ты, а только образ, обличив твое. Так рассуждай и об иконах, то есть что они только образ, лик, обличие того, кто на них написан. Видишь, например, иконы Рождества Христова, Крещения, Воскресения — рассуждай, что сии иконы — только изображения того, как Господь во яслех возлежал, как Он крестился, воскрес. Видишь икону, изображающую Христа, распятого на Кресте, — опять рассуждай, что сия икона не есть Сам Христос, а есть только образ, показание того, как Христос Господь наш страдал, был распят и умер ради нашего спасения. Крестов Христовых есть также великое множество, во всяком храме по несколько, но Христос, истинный Бог наш, есть един, на каком бы Кресте Он ни изображался. Видишь различные иконы, изображающие Пресвятую Деву Богородицу, икону Покрова ее, икону Казанскую, Владимирскую, Иверскую, — рассуждай, что все сии иконы — только образа, представляющие одну и ту же Пресвятую Богородицу, одну, хотя и в различных видах, потому что Она, Заступница наша усердная, в различных видах являлась людям, а как и где являлась, так на иконе той святой и написана. Итак, твердо знай и помни, что наши святые иконы — только лики, обличия святых Божиих, а не сами они. На иконах пишется лик Божий, изображаются великие дела Божии, лик Богоматери, лики святых угодников Божиих, но только их лики, а не Сам Бог, не сами святые угодники. Вот почему не почитать святые иконы есть тяжкий грех; равно и боготворить иконы, почитать их богами есть тяжкий грех.

Как же надобно почитать святые иконы? А вот как: "Почитай икону, а не боготвори; чтить икону не иконы ради, но того ради, его же икона образует. Образу кланяйся, а ум и сердце возводи на первообразное, помня закон Седьмого Вселенского Святого Собора Никейского, яко честь образа восходит на первообразное" ("Камень веры"). Проще сказать: в церкви ли, в доме ли, на пути ли встретишь святые иконы, тотчас перекрестись, кланяйся пред ними, лобызай их, нечистыми руками не дотрагивайся до них, ничего

дурного и непристойного не делай при них, имей к ним любовь, усердие и благоговение, потому что все они — святые иконы, освященные Церковью, окропленные святой водой, все они — святыня церковная. Сказано: "Образу кланяйся, а ум возводи на первообразное". Это значит, глазами смотри на икону, а мыслию, умом своим помышляй о том, кто на иконе написан. Телом покланяйся образу, а душой и сердцем взирай, представляй себе того, чьему образу ты кланяешься. Молишься, например, ты пред иконой святителя Николая чудотворца и говоришь: "Святителю отче Николае, моли Бога о мне!" — а в уме держи, что ты просишь, молишь за себя не икону, а просишь самого святителя Николая. Представляй, что молит Бога о тебе не икона, а молит сам святитель Христов Николай. Молишься пред иконой Пресвятой Девы Богородицы и говоришь: "Пресвятая Богородице, спаси нас!" — и опять в уме своем, в мысли своей имей саму Пресвятую Богородицу и разумевай, что о спасении твоём ходатайствует не икона Богородицы, а сама Она, Пресвятая Богородица. Стоишь и молишься пред Честным Крестом Христовым и говоришь: "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!" — и при этом помышляй и разумевай, что ты молишься не Кресту как Богу, что не Крест милует тебя, а милует и принимает твою молитву Сам Христос Бог наш, Коего только образ ты видишь на Кресте. Так молись и перед всякой иконой, так почитай и все иконы; в том и состоит разумное иконопочитание.

Возьмем пример. Ты получил письмо от отца, который давно разлучился с тобой и живет на дальней стороне. Тебе дорого это письмо, ты с любовью рассматриваешь оное, слушаешь и вслушиваешься в каждое слово, целуешь и бережешь его в почетном месте, и гневаешься на тех, кто вздумал бы взяться за него небрежно. Почему все это делаешь ты? Дело не в письме, а в том, что прислал его тебе отец твой родной. Глазами глядишь ты на письмо, а душой за письмом видишь своего отца. Смотришь слова, написанные в письме, а слушаешь самого отца. Словом, глядишь ты на письмо, но в то же время вся душа твоя, все сердце и очи твои не в письме, а в отце и с отцом твоим. Понимаешь ли теперь, как в одно и то же время можно глазами видеть одно, а мыслью, душой быть с другим? По этому же примеру рассуждай и о почитании святых икон. Молись, покланяйся, лобызай святую икону, но в то же время пусть все мысли твои, вся душа твоя и сердце будут с тем, восходят к тому, на кого икона указывает, или кто на иконе изображен. Вот чему учит нас вторая заповедь Божия. Так разумеет ее Святая Православная Церковь. Так, а не иначе разумел ее и святой пророк Божий Моисей, который сам слышал ее из уст Божиих. Запрещает она изображения ложных богов, а не изображения священные. Это ясно видно из того, что тому же Моисею, который написал со слов Божиих: не сотвори себе кумира, — ему же было сказано: «И сотвориши два херувима злата изваянна...» (Исх. 25; 18). Значит, священные изображения даже в Ветхом Завете не были запрещены. Мало того, даже были сделаны по Божию повелению, хотя тогда не было изображений Господа Бога Самого, потому что еще не явил Он Себя во

плоти, как явил Себя Господь наш Иисус Христос в Новом Завете. Возблагодарим же Господа Бога и воздадим Ему поклонение, что Он, Всеблагий и Всемилосердый, не только дал нам познавать Себя и угодников Своих умом нашим, но сподобляет еще и видеть Себя и угодников Своих телесными нашими очами на святых иконах. Будем же молить Его неизреченное благоутробие, чтобы удостоил Он нас, грешных, видеть Себя и святых Своих угодников уже не на иконах, но лицом к лицу, в Небесном Своем Царствии. Аминь.

(Из "Бесед сельского священника" ("Воскресное чтение", 1848))

660. Мученица целомудрия

Придите, юноши и девы, соберитесь, мужи и жены, послушайте дивную повесть о юной мученице Фомаиде, которая всем нам, мужам и женам, юношам и девам, подала достоподражаемый пример, — как подобает христианину свято хранить чистоту и целомудрие даже до смерти! Вот что повествует о ней одна древняя книга, называемая "Патерик скитский".

Она была достойная дочь благочестивых родителей, живших в городе Александрии, что в Египте. Добрые родители воспитали ее в страхе Божиим и научили своим добродетелям. Ей было пятнадцать лет, когда ее выдали замуж за одного юношу-христианина. И жила она в доме мужа своего, отличаясь целомудрием, кротостью и незлобием. Там же жил и отец ее мужа, свекор ее, человек грехолюбивый и безнравственный. Его пленила девственная красота юной невестки, и он долго искал случая обольстить Фомаиду и склонить ее на грех. Он обращался с ней нежно и ласково, но невинная отроковица принимал эти ласки за любовь отеческую и нимало не подозревала свекра в худых намерениях. Муж ее занимался рыбной ловлей. Раз товарищи пригласили его ловить рыбу в ночное время, и он ушел. Жена осталась в доме одна с своим свекром. Грехолюбец воспользовался этим случаем и стал принуждать ее ко греху. Ужаснулась целомудренная невестка такому бесстыдству свекра и стала его уговаривать: "Что ты делаешь, батюшка? Сотвори на себе крестное знамение и уйди от меня, ведь это дьявольское с тобою искушение!" Но старик не унимался и приставал к ней. Напрасно целомудренная невестка и умоляла, и заклинала его оставить безумное намерение, он становился только бесстыднее.

Тут же на стене висел меч. Старик схватил его и стал грозить ей: "Если не послушаешься меня, то вот сейчас же снесу тебе голову с плеч!"

Но мужественная отроковица отвечала ему: "Да если и в куски изрубить меня, ни за что не соглашусь на такое незаконное дело!" Не вынес грехолюбивый старик таких твердых речей юной невестки, он взмахнул мечом и со всей силой рассек блаженную Фомаиду надвое... Так сия мужественная отроковица прияла венец мученический за свое целомудрие и девственную чистоту. Она встала против греха даже до крови и положила

душу свою за Закон Божий, соизволив скорее умереть, чем прогневать Бога нарушением Его святой заповеди и осквернить себя и ложе своего мужа.

Что же убийца? Его тут же постиг Суд Божий, он вдруг ослеп и, бросив меч, стал искать руками дверей, чтобы убежать и скрыться, но никак не мог найти, выхода... Пришли какие-то рыболовы, чтобы позвать его сына на ловлю, стали стучать в дверь, и несчастный старик откликнулся: "Сына моего дома нет, отворите дверь и покажите мне выход: я не могу найти его". Входят пришельцы, видят старика всего в крови и тут же распростертую на полу мученицу. "Что это такое? Кто ее убил?" — с ужасом восклицают они. Старик тут же во всем признается, сам просит предать его законному суду, чтобы получить заслуженное наказание. Скоро возвращается и муж с рыбной ловли. Можно себе представить его горе и позор, он рыдал неутешно, оплакивая смерть горячо любимой своей супруги, и в то же время не мог без горького чувства стыда подумать о несчастном отце, который ни Бога не убоялся, ни своих седин не постыдился, решившись на такое позорное дело! Старика судили и казнили смертью, а к телу убиенной мученицы собрался весь город, изумляясь безумному поступку грехолюбивого старика и прославляя целомудрие святой Фомаиды.

В это время случилось быть в Александрии преподобному Даниилу, подвижнику скитской пустыни. "Пойдем, — сказал святой старец своему ученику, — посмотрим и поклонимся мощам святой девственницы!" Они пошли и поклонились. Затем старец пошел в один из пустынных монастырей, рассказал там братьям о страдании святой мученицы и сказал: "Пойдите, отцы, принесите сюда честные ее мощи, не подобает телу ее лежать с мирскими людьми, ей место со святыми отцами!" — Некоторые из братии пытались, было, отклонить это и заметили, что неприлично телу жены лежать с святыми отцами-иноками, но преподобный решительно сказал: "Эта отроковица, которой вы не хотите здесь дать место, есть мать и мне, и вам. Помните, что она пострадала за целомудрие!" Не посмели иноки больше противоречить святому старцу, пошли в Александрию, принесли оттуда святое тело мученицы целомудрия и с честью похоронили в монастырской усыпальнице со святыми отцами. Преподобный Даниил ушел с учеником своим в свою скитскую пустыню.

Между тем, случилось одному из братьев много страдать от страсти плотской; пришел он к преподобному и открыл свои грешные помыслы, которые ему не давали покоя. Тогда говорит ему преподобный Даниил: "Ступай, брат, в Октодекатский монастырь, войди там в усыпальницу святых отцев и помолись там, говоря: "Боже, молитвами святых мученицы Фомаиды помоги мне и избави меня от блудной страсти!" И надейся на милость Божию: ты освободишься от искушения бесовского". Брат пошел и исполнил все, что велел ему старец. И блудная страсть стихла, он вернулся в скит и припал к ногам старца, говоря: "Молитвами мученицы Фомаиды и твоими, отче, Бог освободил меня от блудной брани". Старец спросил его: как он освободился? Брат отвечал: "Я сотворил только двенадцать молитв, которые

ты заповедал мне, помазался маслом из лампы при гробе мученицы, положил голову на гробницу ее и заснул. И вот является мне светлая отроковица-мученица и говорит мне: "Отче, отче, возьми это благословение и иди с миром в свою келлию". Я взял от нее благословение и проснулся, и почувствовал, что страсть моя совершенно утихла. Не знаю, что значит данное ею мне благословение, только чувствую, что больше страсть меня не тревожит". Преподобный Даниил сказал на это: "Вот какое имеют пред Богом дерзновение те, которые подвизаются подвигом целомудрия!" И с того времени брат тот никогда не чувствовал брани плотской, и славил Бога и святую мученицу Фомаиду, свою исцелительницу. Впоследствии и другие, страдавшие блудной страстью, притекали с верой ко гробу мученицы и получали отраду и освобождение от этой злой страсти молитвами страдальцы Фомаиды.

Таково сказание о святой мученице Фомаиде. Рассказав ее историю, святитель Димитрий Ростовский говорит: "Смотри, хотя она и была замужем, но в древних святцах именуется девою, не столько потому, что она была юна и только что вступила в супружество, сколько за то, что пострадала ради чистоты и целомудрия, и за то оказалась достойною быть пред Господом в лике чистых девственниц. Великая Четья-Миня называет ее же преподобномученицей. Это название, как известно, приличествует только преподобным женам, за Христа пострадавшим. А святая Фомаида, хотя и не была инокинею, показала истинно иноческую добродетель, за что преподобный Даниил и не усомнился положить ее тело в монашеской усыпальнице вместе с преподобными отцами". (Четья-Миня, 13 апреля).

Как поучительно это сказание, особенно для нашего грешного времени! Какая заповедь Божия чаще всего нарушается ныне, если не всегда делом, то помыслом? — Седьмая, которая гласит: Не прелюбы сотвори. Есть, есть и в наше время грешные старики, подобные оному безумному грехолюбцу, который убил святую мученицу Фомаиду! Стыдно даже и говорить. Но если уж есть люди, которые не стыдятся грешить, то должно говорить, грешно молчать об этом позорном зле, которое губит счастье молодых семей в наших деревнях: муж уходит на заработки в чужую дальнюю сторону, а жена остается дома с свекром своим, и разве не бывает, что старик поддается искушению, коему подвергся свекор святой Фомаиды?

О, берегите себя, юные женщины, если случится такое несчастье с вами! Помните пример святой Фомаиды, молитесь ей, чтобы она вразумила ваших неразумных стариков-свекров! Стойте мужественно против искушения. Кто знает, может быть, вы и стариков спасете своим мужеством! Не забывайте и вы, мужья, историю святой Фомаиды, может и вам представится на чужой стороне подобное искушение. Просите ее, святую мученицу, как просил брат оный, коего она избавила от страсти блудной своими молитвами. Да и юноши, и девы разве не могут найти себе поучения в этой истории дивной мученицы? Недаром святые Отцы, например, наш русский преподобный Нил Сорский, заповедуют то же, что заповедал брату в свое время преподобный

Даниил: "Иди, когда борет тебя страсть блудная, припадай с молитвой к святой мученице Фомаиде, проси Господа, да ее молитвами освободит тебя от сего пламени нестерпимого! Сама она, святая страдальца, была в искушении, она может скоро помочь и всякому искушаемому!"

Господи Иисусе Христе! Молитвами мученицы Фомаиды и всех, победивших Твоею всеильною помощью страсть блудную, помилуй и нас, страстями люте обуреваемых и похотьями палимых! Аминь.

661. Радуйся, Благодатная!

«Радуйся, Благодатная: Господь с Тобою: благословенна Ты в женах»
(Лук. 1; 28)

Кто исчислит все те похвалы, те благоговейные приветствия, коими любовь христианская величает славнейшую без сравнения Серафим Деву Пречистую Богородицу? Но из всех похвал, из всех приветствий нет выше того, каким приветствовал Ее Небесных воинств Архистратиг Гавриил: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах! Святая Церковь и нас учит повторять это приветствие Матери Божией каждый день в молитве "Богородице Дево, радуйся, Благодатная... ". Проникнем же умом и сердцем в глубокий смысл этого сладостного приветствия Богоблагодатной. В нем так много поучительного для ума, так много утешительного для сердца.

Представим, братие, великого Архангела, который сошел с Небес в нашу страну греха и смерти, но посреди тьмы и сени смертной обрел здесь столь светлую и чистую душу, что она могла бы быть украшением самого Ангельского мира. Что должен он изречь такой душе? Именно то, что изрек Гавриил святейшей из всего рода человеческого Деве Марии. Пред небесным взором Архангела открылся прекраснейший рай добродетелей, пред ним во всей красоте блистал цвет непорочности, чистоты душевной и телесной, раскрывалась неизмеримая глубина смирения и покорности воле Божией, горела серафимская любовь к Богу, — как иначе можно было назвать сию Деву, как не благодатной, в высочайшей степени достойной дарований Божественных? Ее святая душа была прекрасным храмом Господа, и не должен ли был Архангел видеть в ней особенное, блаженное присутствие Самого Господа?

Вот почему он и говорит: Господь с Тобою, — Господь в смиренном сердце твоём, Господь в чистой душе Твоей, Господь освящает и все существо Твое! Какой, наконец, жене благовествовал когда-либо Ангел и видел над ней столько Света небесного, столько райских венцов, ее украшающих? Благословенна Ты в женах, — восклицает Гавриил, — блаженнейшая из всех дочерей человеческих!

Но этого мало. Архангел знает, какую великую честь он должен предложить от лица Божия святейшей Деве Марии, честь быть Матерью Сына Божия, и потому называет Ее Благодатной в высшем смысле сего

слова, — по Предвечному Совету Божию Она удостоивается такой великой благодати, какой никто никогда не сподоблялся. Господь с Тобою, — продолжает он, — Господь столь близок к Тебе, столько возлюбил Он святые свойства души Твоей, что Он — Сын Божий, желает нарести Тебя Своею Матерью. Благословенна Ты в женах! Ни одна жена, ни одна мать великих святых мужей не была столь счастливой Матерью, какой будешь Ты; ни одна жена не соединяла чистоты девства с радостью материнской, зачав, как ты, Единого Безгрешного, Всесвятаго: «Дух Святой найдет на Тя и Сила Вышняго осенит Тя: тем же и Раждаемое будет свято и наречется Сын Божий».

Великое дело Божие совершалось тогда в бедном Назарете. Нет сомнения, что великий Посланник небесный предвидел, что воплощение Сына Божия будет источником величайших благ для всего рода человеческого. Он мог помышлять и о том, чем будет Богоизбранная Дева для всего человечества. Всего лучше изъясняют нам слова Архангела наши церковные песнопения, особенно Акафист во славу Матери Божией. Подражая Архангелу, Святая Церковь приветствует ее такими похвалами: Радуйся, Божие к смертным благоволение, радуйся, смертных к Богу дерзновение; радуйся, Еюже облекохомся славою, радуйся, всех родов веселие! Что означают эти и многие подобные приветствия Церкви, как не объяснение слов Архангела: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах? Она — благодатная для всего рода человеческого, чрез Нее во все человечество пришел неиссякаемый источник Благодати, явилось великое Божие к смертным благоволение. Господь с Тобою, — Он с Тобою, и без присутствия Его с Тобою никто из земнородных не имел бы блаженного дерзновения к Богу, люди не имели бы права сказать: Господь с нами! Размышляя о сем священнейшем таинстве, которое видел тогда пред собой Архангел, это было ни что иное, как воплощение лестницы Иаковлевой, которая соединяла небо с землей, Бога с человеками. Поэтому слова его: Господь с Тобою, — выражают то же благоговение, как и слова патриарха Иакова: «несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная» (Быт. 28; 17). Благословенна Ты в женах! Жена первая навлекла на всех проклятие, — Ты первая приносишь всем спасение и благословение. В Тебе уничтожится действие смерти, Тобою введется в человечество истинная жизнь. Ты будешь честью и славой для природы человеческой, Ты будешь для всех истинной радостью! По учению Святой Церкви, Мать Божия почтена благодатию пред всеми Ангелами. Она — высшая всех тварей небесных и земных, честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим, Она — Царица Небесная, пред Которой в благоговении склоняются самые высшие Силы Небесные. Господь с Нею, в самых Небесах нет, кроме Матери Божией, ближайшего духа к Его Престолу, нет высшего и надежнейшего ходатайства о нас. Она благословенна, препрославлена не только между всеми земными, но и между небесными обитателями.

Такова, братие, высота, на которую вознесена из среды нашей одна душа, любящая Господа, любящая и нас, хотя недостойных. Сколько радостного для нас в мысли об этом величии Матери Божией, Заступницы и Ходатаицы нашей и сколько вместе поучительного! Смотри, христианин, вот до какой высоты может возноситься природа человеческая, если будет совершенно покорна воле Божией! Вот как, смиряли себе, вознесется! Познай, сколь непостижимо велика к нам любовь Божия, которая открывает человекам путь к достоинствам Херувимов и Серафимов. Сын Божий приблизил к Себе Пренепорочную Матерь Свою. Он хочет и всякую душу ввести в подобное блаженное соединение с Собой: «Иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже на небесех, той, — говорит Господь, — брат Мой, и сестра, и мати Ми есть» (Мф. 12; 49).

Уподобляйся Матери Божией смирением, послушанием, любовью к Богу, тогда и твоя душа будет благодатной, будет Господь с нею, и она будет благословенна и прославлена во веки. Но не забудем, братие, и того, до какой степени может быть унижена грехами нашими природа человеческая. Какое ужасное расстояние! Быть в сообществе блаженнейших духов, быть вместе с честнейшею и славнейшею Херувимов и Серафимов Матерью Господа, и — быть осужденным вместе с диаволом, вместе с духами отверженными!

Братие возлюбленные! Пока мы живем на земле, двери благодати для нас отверсты. Благодать Божия изливается на верующих в святых Таинствах Церкви Православной. Она касается сердец человеческих в Слове Божиим и благодатных писаниях мужей святых. Она исцеляет наши немощи по молитвам святых Божиих, наипаче же по ходатайству Богоблагодатной Матери Божией, Которая не отрекается быть Матерью и всех, верующих в Ее Сына и Бога. С материнской любовью Она призывает с Небес на скорбящий род человеческий. Потщимся же, братие, со всем усердием и ревностью потщимся воспользоваться еще продолжающимся для нас временем благодати, драгоценным временем, когда Господь с нами — до скончания века, и той благодатью к нам Отца Небесного, которой благословил Он нас всяким благословением во Христе Иисусе (Еф. 1; 3).

Будем возносить чаще Архангельский глас к Пресвятой Матери Божией, будем возносить с теми чувствами, какие должно иметь тем, которые искренно желают быть всегда под ее благодатным покровом, участвовать и в Ее небесной радости. Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Умоли Господа, да пребудет Он благодатию Своею с нами во веки, да не удалимся мы от Него грехами своими невозвратно. Благословенна Ты в женах, как Матерь и Воспитательница Всесвятаго Сына. Даруй, Владычице, чтобы и мы достойно именовали Тебя нашей благодатной Матерью, чтобы и здесь, и в вечности Ты пребывала с нами, была нашей вечной радостью о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

("Воскресное чтение", 1838)

662. О чем плакал Господь наш, входя в Иерусалим

«И яко приближися, виде град, плакася о нем...» (Лк. 19; 41)

За 700 лет до явления обетованного Спасителя пророк Исаия из глубины веков приветствовал град Иерусалим радостной вестью: «рцыте дщери Сионове: се Спаситель твой грядет» (Ис. 62; 11). Прошло 200 лет после этого, и другой пророк, Захария, повторил этот радостный привет: «Радуйся зело, дщи Сионя, проповедуй, дщи Иерусалимля: се Царь твой грядет тебе праведен и спасали, Той кроток и всед на подъяремника и жребца юна» (Зах. 9; 9). Настал час исполнения порочеств, явился давно желанный Царь-Избавитель; ликует Сион, торжествует град Давидов. Тысячи народа устремляются к высотам Елеона, на путь Вифании; все желают с нетерпением скорее узреть великого Пророка, Воскресителя Лазарева. Режут ветви древесные и усыпают ими путь, расстилают одежды по пыльной дороге, высоко поднимают пальмовые победные ветви и повсюду раздается торжествующий радостный привет грядущему Царю: Осанна, помоги, Господи, Сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне Царь Израилев! Благословенно царство отца нашего Давида! Мир на Небеси и слава в вышних! Осанна в вышних — помоги, Всевышний Боже!

Но где же Сам Он, столь желанный, столь давно всеми ожидаемый? Где Он, чаяние всех народов мира и светлая слава Израиля? А вот Он, кроткий и смиренный, восседает на осляти. Вот Он спускается с возвышенности Елеона, сопровождаемый ликующими учениками. О, какой небесной любовью светит Его Божественный взор! Сколько благодати в этих чистых, как само небо, очах! Недаром так любили Его все смиренные, все труждающиеся и обремененные... Но что это значит? Он плачет! И яко приближаяся, виде град, плакася о нем, — говорит святой Евангелист. Да, братие, Господь и Спаситель наш в эти торжественные минуты проливал горькие слезы! Ведал Он, Сердцеведец, что пройдет пять — только пять дней, и этот самый народ, который теперь так радостно приветствует его, грядущего во Иерусалим, будет неистово кричать Пилату: возми, возми, распни его! Знал Он, всеведущий, что этот несчастный народ сам напросится на беду лютую, когда закричит римскому правителю: "Кровь Его на нас и на детях наших!" Как же было Ему не плакать в виду такого легкомыслия и непостоянства, такого губительного безрассудства избранного народа Божия? Знал Он, что придут дни, когда город этот, теперь столь величественный и царственный, будет разрушен до основания, что от этого, блистающего столь дивной красотой храма, не останется камня на камне, что сотни тысяч несчастных иудеев погибнут от голода и меча. Но прежде, чем все это совершится, неслыханные беды постигнут преступный город: его святыни будут осквернены и поруганы, храм обратится в действительный вертеп разбойников, ожесточенные люди превратятся в каких-то лютых зверей и будут зверски истреблять друг друга, а страшный голод заставит родную мать есть своих собственных детей... Все эти ужасы, грядущие на Иерусалим

и богоотступный народ еврейский, проносились пред взором всеведущего Царя. И вот любвеобильное сердце Его исполняется скорбью, и Он плачет, как мать над несчастными погибшими детьми. "О, если бы, — взывает Он, — если бы ты, Иерусалим, хотя в сей день, для тебя столь радостный, уразумел, что служит к миру твоему, к твоему счастью! Если бы понял, что ждет тебя за твое неверие, за твое ожесточение против Меня! Но это сокрыто ныне от очей твоих!"

Вот о чем, братие, плакал Господь наш, вступая во град Иерусалим на вольные страдания нашего ради спасения.

Когда вспоминаешь это событие, эти слезы Христовы, то совесть невольно говорит: "Вот и мы сегодня встречали Его с вайями и ветвями, и с песнями церковными, и мы взывали Ему громкое "Осанна", и мы ликовали с иерусалимлянами о Его пришествии. Ведь Он пришел спасти не одних только евреев, но и всех сынов Адамовых, и меня, и тебя, слушатель мой". Итак, об одних ли нераскаянных евреях Он плакал, смиренно восседая на осляти? Не плакал ли Он и о всех нас, братие мои?! О, конечно, плакал, если мы сегодня взываем Ему "Осанна", а завтра по-прежнему будем распинать Его своими грехами, если наша любовь к Нему ограничится только словами, а не будет оправдана нашими делами. Оглянись каждый на себя. Когда ты взываешь Христу: Благословен Грядый, — не слышится ли в твоей совести этот исполненный Божественной любви упрек кроткого, смиренного сердцем нашего Господа: "Иерусалиме, Иерусалиме, ты, как всякая душа христианская, Мною возлюбленная, Моею Кровью искупленная! Сколько раз Я призывал тебя под крыле Свои, как нежная кокошь зовет птенцов своих под свои крылья, сколько раз и словом Моим благодатным, и неисповедимыми путями Моего провидения, и скорбями, и радостями, и счастьем, и несчастиями касался Я сердца твоего, привлекая тебя к Себе, возбуждая к покаянию, к исправлению твоей порочной жизни! Но ты все остаешься нечувственной, тебе все не хочется расстаться с любимыми греховными привычками, с которыми так сжилось бедное сердце твое... Доколе же это будет? То приходишь ты к подножию алтаря Моего, каешься во грехах своих и получаешь прощение чрез служителя Церкви Моей, то паки изменяешь Мне, снова уклоняешься на путь погибельный, опять служишь своим идолам, своим устарелым греховным привычкам. Доколе же будешь хромать на оба колена? Служить то Мне, то мамоне, — своей грешной плоти и миру? Се дние грядут — идет время, наступает час, когда отовсюду окружают тебя, бедная грехолюбивая душа, скорби да напасти, когда постигнет тебя Суд Мой нелицеприятный, и погибнешь ты навеки, погибнешь за то, что не уразумела времени посещения Моего, когда Я звал тебя, а ты не внимала, предлагал тебе помощь Мою благодатную, а ты отвращала от Меня лице свое!"

Но да не будет сего, Господи наш премилосердый! Се дние грядут — наступают великие, святые дни спасительных страстей Твоих. В эти святые дни Святая Мать наша, Церковь, раскроет пред нами всю дивную картину

Твоего земного с нами пребывания, она повторит нам устами Твоих евангелистов все Божественные Слова Твои, все спасительные заветы Твои, поведает все чудные дела Твоего неизреченного к людям милосердия; она особенно напомним нам грозную участь иссохшей смоковницы и страшное для грешников Твое пророчество о Втором Твоем пришествии на последний Суд. Она приведет на память Божественные притчи Твои о талантах и о десяти девах, мы припадем к ногам Твоим с Марией, сестрой Лазаревой, и омоем их, вместо мира, теплыми слезами покаяния. Мы подготовимся постом и молитвою к Твоей бессмертной Тайной Вечери, еяже и сподоби нас, недостойных, причастится купно со святыми Твоими апостолами. От Сиона мы пойдем за Тобой до Елеона и Гефсимании, а от Гефсимании до страшной Голгофы, мы прольем горькие слезы раскаяния вместе с Твоим кающимся апостолом Петром, будем плакать у Креста и гроба Твоего с возлюбленным Твоим Иоанном, с благообразным Иосифом и мудрым Никодимом, с равноапостольной ученицей Твоей Магдалиной и с Самой Пречистой Матерью Твоей... Мы предварим утро светлого Твоего Воскресения с святыми женами Мироносицами и поклонимся Тебе, Жизнодавцу, яко Царю и Богу нашему! А затем, обновленные духом, бодро пойдем по пути Твоих животворящих заповедей, — только Ты нас не оставляй Своей благодатью, Ты нас поддерживай, Ты укрепляй, без Тебя мы и шагу не можем сделать на этом пути!

О, если бы, братие мои, все так и совершилось! Если бы наступающие спасительные дни Страстной Седмицы стали, действительно, поворотным пунктом на нашем жизненном пути! Но что же мешает этому так и быть? Да все те же наши греховные привычки. Так ужели с этими привычками надо и умирать? Ведь это значило бы, еще живя на земле, уже питать в себе, в своей душе, в своем сердце пламень геенны, который потом будет нас пожирать вечно! Вечно! Можно ли подумать об этом "вечно" без содрогания? А если так, то ради славы Божией, ради нашего вечного спасения будем, возлюбленные, бороться с своими греховными привычками даже до смерти. Если кто и падет в этой борьбе — не отчаивайся, не унывай, ибо вовсе не грешить свойственно только Ангелам бесплотным, а человеку сказано: аще падеши — востани, — только не давай врагу попирать тебя, не давай ему торжествовать над тобой решительную победу! А он торжествует эту победу тогда, когда человек не хочет расстаться с любимой греховной привычкой, не пытается бороться с нею. Христианин — воин Христов, а Воевода его — Сам Христос Иисус. У сего ли Воеводы не достанет силы помочь тебе в твоём подвиге против греха? Он не только оплакал грех твой, но и пролил за тебя Кровь Свою на Кресте, — стой же мужественно под Его благодатным знаменем, а Он Сам будет бороться за тебя врагов твоих, и ты узришь спасение от Господа. Аминь.

Господь плачет о нас... Господь плачет об Иерусалиме, потому что Иерусалим не плачет сам о грехах своих. Это наши слезы, брат возлюбленный, не об одном Иерусалиме они пролиты Господом, но и о нас с

тобою, грешниках сущих! Господь плачет и доселе о каждом грешнике. Как не плакать, когда грешник видимо идет в бездну, из коей нет возврата, и, имея в руках жизнь вечную, безумно меняет ее на суету и тление? Как не плакать о грешнике, когда столько средств, употребленных для примирения его с Богом, остаются туне и без плода? — Не помогли слезы Господа Иерусалиму, не помогут слезы Господа и нам с тобою, если мы, подобно иерусалимлянам, останемся бесчувственны во грехах наших. Для того, чтобы безценными слезами Христовыми омыты были наши грехи, надобно, чтобы к ним примешались наши собственные слезы об этих грехах.

(Иннокентий, архиепископ Херсонский. Слово, сказанное в Троицкой Сергиевой Лавре в Неделю Ваий 21 марта 1893 года)

663. Христов пример смирения

«Аще убо аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе» (Ин. 13; 14)

Не только Бог, но и мы любим смиренных людей. Таково свойство смирения, оно невольно располагает к себе всякого. Смиренных людей мы любим, благочестивые слушатели, а сами смиряться пред другими не любим. Мы думаем, боимся, как бы смирением не унизить себя, боимся, чтобы не почли нас людьми слабыми, когда будем смиряться пред другими.

Так большей частью думаем о смирении мы. Так, видно, сначала думали о смирении и апостолы, ибо как же иначе объяснить спор их о первенстве? А евангелист Лука говорит, что они на Тайной вечери спорили: кто из них должен почитаться большим? Иисус Христос знал мысли Своих учеников о смирении, часто и словом и делом поучал их смирению. Наконец, Он благоволил торжественно показать им высоту смирения. Это было на той вечери, на которой установлено Таинство Святого Причащения. Иисус Христос со Своими учениками возлежал, вечера только что началась. Ноги учеников не были еще умыты, как этого требовало обыкновение. И вот, Иисус Христос встает со Своего места, снимает с Себя верхнюю одежду, берет полотенце и препоясывается им, потом вливает воду в умывальницу и всем по порядку умывает ноги, отирая полотенцем. Когда же умыл им ноги и надел на Себя одежду Свою, то возлег опять и сказал им: "Знаете ли, что я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, Я точно — Господь и Учитель. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги Друг другу. Вот видите, для Меня не унижительно, что я смирил Себя пред вами. И вы не унижите себя, когда будете смиряться друг перед другом".

И никакое смирение не унижит, братие мои. Оно, напротив, возвышает всякого человека.

Да, смирение только представляется нам унижением и слабостью, а в самом деле оно есть обнаружение силы духа и высоты чувствований. Как высокой степенью знания является то, когда человек сознает, что он ничего,

в сущности, не знает, — так и высокая степень нравственного совершенства есть та, когда человек сознает свое несовершенство. Много, очень много знал тот, кто умел сказать: "Я знаю только то, что ничего не знаю". Много, очень много имеет совершенств тот, кто говорит о себе: "Я ничего не имею".

Посмотрим на этих смиренных людей, которые пред всеми себя унижали, посмотрим, кто они были на самом деле. Смирен был патриарх Авраам, он говорил о себе: "Я — земля и пепел". Но кто этот Авраам? Это — отец верующих, друг Божий, которому между патриархами не было равного. Смирен был апостол Павел, он писал о себе: "Я — наименьший из апостолов, я недостойн и называться Апостолом". Но кто этот Павел? Это — один из первоверховных апостолов, который более всех трудился в деле проповедания Евангелия. Смирена была Дева Мария. Она, выслушав от Ангела благовестие о зачатии Сына Божия, говорила: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем, яко призре на смирение рабы Своея». Но кто эта смиренная Дева Мария? Это — Пресвятая Дева, Матерь Божия, высшая Херувимов и славнейшая Серафимов. Впрочем, зачем нам приводить слишком много примеров? Перечислять смиренных — значит перечислять мужей, высоких по духу и святых по жизни. Закончим одним: кем был Христос Иисус, Который во всю жизнь, до самой смерти, непрестанно смирял и унижал Себя, Который не восхотел трости сокрушенной переломить и льна дымящегося угасить? Кто этот кроткий и смиренный сердцем, умывший ноги Своим ученикам? Высочайшая Премудрость, совершеннейшая Святость, Сияние славы Отца Небесного, Образ Ипостаси Его, словом — Бог во плоти.

Что же мы должны сказать о тех людях, которые не хотят смириться пред другими, которые любят гордиться собой? Что сказать о них? Это низкие и ничтожные люди, в них нет истинных достоинств, в них нет ни величия, ни святости. Да, слушатели благочестивые, гордятся только низкие и ничтожные люди. Все тяжелое естественно падает вниз, лежит на земле, а легкое поднимается вверх, летает по воздуху. Люди великие и святые всегда смиряются пред другими, а низкие и ничтожные ставят себя выше всех. И в самом деле, почему некоторые люди ведут себя гордо? Не имея ничего, они хотят гордостью восполнить недостаток совершенств, надменностью думают заменить слабость своих сил. Почему иной человек, заняв важное место в обществе, делается вдруг неприступным? Он боится, чтобы вблизи не рассмотрели его, кто он таков, он неприступностью хочет скрыть свои недостатки, спесью думает восполнить скудость своих заслуг. Так гордость ослепляет человека. Гордые и не видят, как они себя унижают. Именно тем унижают, чем думают возвысить; когда показывают себя другим, то показывают, как они ничтожны; когда скрывают себя от других, то дают знать, как они слабы.

Итак, слушатели благочестивые, если вы увидите человека гордого и неприступного, то не старайтесь много разгадывать, кто он таков. Это просто человек без истинных достоинств, в нем нет ни хорошего ума, ни доброго

сердца. Правда, и люди с великими достоинствами иногда предаются гордости. Но зато надолго ли они остаются великими при своей гордости?

Начать гордиться — значит начинать падать. Кто мечтает о себе много, тот готовит себе унижение.

Рассказывал авва Антоний о себе: "Я видел некогда все сети врага, распростертые по земле, и сказал с глубоким вздохом: увы, кто избежит их? Но я услышал голос, ко мне пришедший: "Смирение!" — Да, смиренные легко избегают и вражиих сетей, тогда как гордые сами опутывают себя своими собственными сетями. Бог оставляет гордых самим себе, а смиренных поддерживает Своею благодатию. И потому-то, слушатели благочестивые, когда вы возмечтаете о себе, — бойтесь, чтобы вам в скором времени не посрамиться. Только при смирении высок и силен человек, а без смирения он слаб и низок. Правда, низкие и слабые люди тоже иногда смиряются, но как они смиряются? Их смирение не лучше гордости. Пред кем смиряются низкие люди? Только пред высшими. Для чего смиряются? Чтобы удобнее возвыситься. В каких слабостях признаются слабые люди? В самых ничтожных, маловажных. Для чего признаются? Чтобы дать другим знать, как маловажны их слабости, которым они подвержены. Таким образом, у низких и смирение всегда низко — истинное смирение для них слишком высоко, оно не по их духу. Истинно смиренный потому и смиряется, что он смирен душою; потому и не возносятся его очи, что не надмеваются его сердце. У него сердце, как невинное, покорное, простосердечное дитя. Оттого-то истинно смиренными всегда бывают только люди с совершенствами, люди святые и великие. Только у таких людей достанет духу говорить о себе: "Я — земля и пепел, я червь, а не человек".

Итак, слушатели благочестивые, смирение вовсе не есть признак слабого и малодушного человека. Гордые люди всегда слабы и малодушны, а смиренные всегда велики и святы. Кто смиренно склонил выю, тот велик духом, а кто гордо поднял чело, тот мелочен душой. И потому не будем смущаться, хотя бы нам довелось отправлять самую низкую должность раба. Низкая служба никогда не унижит высокого человека. Впрочем, смиряя себя пред другими, не будем раболепствовать им, как это делают люди низкие и слабые пред высшими, — истинное смирение и в унижении не унижается, и во мраке сияет святостию.

Господи Боже наш, показывай нам веру смирения в Твоем крайнем снисхождении, облагодати нас в услужении друг другу и вознеси Божественным смирением. Аминь.

(Из поучений протоиерея Р. Путятина)

664. Что такое артос?

Питала нас Святая Церковь со всем избытком в продолжении Светлой седмицы невещественным хлебом Слова Божия и сладких песнопений. А ныне, из снисхождения к слабости нашей, собрала нас для преломления нам

и хлеба вещественного. На раздробляемом хлебе видны священные изображения, это ясно указывает на его духовное значение. Для чего же он раздробляется ныне? В молитве, которая читается при его освящении, сама Церковь говорит, что это раздробление совершается ныне в память Воскресения Христова. Почему же с памятью Воскресения Христова соединяется понятие о хлебе, когда при самом Воскресении не было и не могло быть никакого хлеба? На это есть многие причины.

Во-первых, ветхозаветная Пасха иудейская, учрежденная при исходе израильтян из Египта и служившая прообразом нашей Пасхи, соединена была с семидневным вкушением особенного священного хлеба, называемого "опресноками". Надлежало напомнить и христианам среди Пасхи о сем вкушении, которое у израильтян заключало много поучительного. Ныне же благословляется хлеб в память Воскресения Христова потому, что в сказаниях евангелистов не раз видим воскресшего Господа или вкушающим, или благословляющим вкушение. Так, под вечер того самого дня, в который Он воскрес, Он преломляет хлеб в Еммаусе и познается в этом преломлении двумя учениками Своими, не узнавшими Его во все продолжение пути с Ним. К вечеру этого же дня в Иерусалиме среди учеников Своих Господь Сам благоволил вкушать рыбу и мед в доказательство того, что они видят пред собой не призрак, а истинного своего Учителя, действительно воскресшего из мертвых. Потом в Галилеи, при море Тивериадском, воскресший Господь уготовляет чудесно целую трапезу для утружденных целonoщным напрасным ловлением рыбы учеников Своих, и за сей трапезой троекратно дружески испытывает любовь Петра вопросом: Любиши ли Мя? Вот сколько событий напоминает святым хлебом, который называется "артосом". Много в нем тайн! Много совершено над ним молитв! Много заключено в нем благословений!

Итак, христианин, вкушая хлеб этот, приведи себе на память, во-первых, исход израильтян из Египта, и смотри, где ты сам: не в Египте ли доселе, не фараону ли, богу века сего, работаешь? Токмо там, идеже Дух Господень, там истинная свобода (2 Кор. 3; 17). Если в тебе нет сего Духа, то ты раб страстей. Если тебя не освободит от рабства греха Сын Божий, то ты вечно останешься рабом. Обратись же к Нему с желанием творить волю Его. Начни поражать при помощи Божией врагов своего спасения исполнением десяти заповедей Божиих, как десятью казнями. Когда последней из них — "не пожелай", поразятся самые первенцы Египта, — то есть нечистые мысли и желания, — то узы греха, тебя гнетущие, разрешатся сам собой, и ты изыдешь в свободу Духа.

От Пасхи иудейской, христианин, обратись мыслью при вкушении ныне хлеба к Пасхе христианской. Размысли, для чего и как вкушал хлеб воскресший Господь, и поучайся сам вкушать его таким же образом. Двое из учеников Иисуса Христа не познают своего Господа во все продолжение пути с Ним. Не происходит ли того же, возлюбленный, и с нами, на нашем пути жизни? Быть не может, чтобы не сем пути не было с каждым из нас

Иисуса Христа, ибо Он обещался пребывать с верующими в Него во вся дни. Но познался ли Он каждому из нас, как должно? Узнали ли мы в Нем своего Спасителя и Господа? Убедились ли совершенно, что нет ни на земле, ни на небе, другого имени, которым можно было бы спастись, кроме имени Иисусова (Деян. 4; 12)? Что без Него всякий человек есть враг Божий, есть мертвая ветвь, годная только на сожжение? И твой день жизни, возлюбленный брат, или уже преклонился, или преклонится. Худо будет достигать запада жизни без небесного Спутника; ужасно проходить сень смертную одному — без Спасителя! Спеши же познать Его хотя в преломлении хлеба и по тем чувственным знамениям, в коих Он благоволил являть Свое присутствие в Церкви Своей. Старайся чаще причащаться Трапезы Господней, которая предлагается всем верующим, — преизбыток любви Христовой, в ней открывающийся, согреет твое хладное сердце, и ты начнешь мало-помалу, вкушая, познавать, сколь благ Господь и сколь близок всем призывающим Его во истине.

Пред учениками в Иерусалиме вкушает Господь пищу в удостоверение, что они видят пред собою не призрак, а действительное тело своего Учителя. Смотри, возлюбленный, и ты, — не призрак ли вся вера твоя, не ограничиваешься ли ты одним видом благочестия, не радея о силе его, о том, чтобы не казаться только честным пред людьми, но и быть на самом деле таковым пред Богом, в твоей совести? Признак и доказательство истинного христианства — не обилие познаний, не многоглаголанье и совопросничество, не очищение внешних стекляниц и блюд, а совлечение ветхого человека с его страстями и похотями, возрождение в духе, хождение по образу Христа и внутренний крест. Если в тебе есть все сие, то ты можешь предаться всей радости о Воскресении Его. В противном случае тебе и теперь еще нужны Петровы слезы и мытаревое сокрушение.

Есть чему поучиться и на вечери, бывшей на берегу моря Тивериадского. Верховные из апостолов всю ночь трудятся без успеха в ловлении рыб, пока Сам Спаситель, внезапно явившись, не повелел им снова бросить мрежи в море. Не думай и ты, кто бы ты ни был, без благословения Божия успеть в деле духовного совершенства. Ты можешь стяжать все блага мира, но без Него не можешь приобрести той драгоценной жемчужины, которая дороже всего мира. Можешь украсить себя несколькими добродетелями, каковыми и украшались многие из язычников, но не можешь, никак не можешь переменить своего злого сердца, исторгнуть из него корень греха. Это выше твоих сил, выше сил всех Ангелов. Это дело Его, Его единого. К Нему обращай за сим, Ему молись о сем. Когда Он затворит в тебе источники бездны (Быт. 2; 8), источники природного зла, тогда ничто не разверзет их. Когда Он отверзет в тебе источник добра — любовь к Богу и ближнему, то уже никакая сила ада не заключит его, он будет течь в жизнь вечную.

Не слышишь ли, возлюбленный брат, какой вопрос предлагается на Богом учрежденной вечери Тивериадской? «Любиши ли Мя? Любиши ли Мя?» — говорит Господь. Если Петр, раз изменивший, троекратно слышал

сей вопрос, то сколько раз он должен оглашать наш с тобою слух? Не будем спешить, однако, отвечать на него языком Петровым. Возьмем прежде сердце Петрово, требуются не слова, а дело. «Аще кто любит Мя, — говорит Сам Вопрошающий, — слово Мое соблюдет» (Ин. 14; 23). Вот признак любви! Имеешь ли его? Благо тебе, если имеешь, в таком случае ты можешь еще до смерти видеть Господа и вечерять с Ним. «Аще кто любит Мя, — говорит Он, — слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к Нему приидем, и обитель у Него сотворим».

Вспоминая при нынешнем вкушении святого хлеба все сии Евангельские вечера, можно ли, братие, наконец, забыть и ту блаженную вечерю, которая обещана Спасителем всем последователям Его в Царствии Небесном (Мф. 26; 29)? А вспоминая о вечери, ожидающей нас в сем Царствии, можно ли не припомнить и ту брачную одежду, которая там потребуется от всякого? Ужасна участь раба, изверженного по недостатку сей одежды во тьму кромешную! — Поспешим же, братие, заранее приобрести драгоценную одежду благих дел, заранее покрыть и украсить ее заслугами Христовыми, дабы при первом зове быть готовыми на брак Агнчий. Поспешим, ибо как на земле, так и на небе царские двери не всегда отверсты, будет время, когда они затворятся навсегда, и толкушим в них будет сказано: «не вем вас» (Мф. 25; 12). Аминь.

Артос — слово греческое, оно значит "хлеб". На нем изображается или просто крест, или же образ Воскресения Христова. В память того, что Господь по Своем Воскресении многократно являлся апостолам и вкушал с ними пищу, апостолы и после Его Вознесения на Небо имели обычай оставлять за трапезой незанятым среднее место и полагать пред ним часть хлеба, как бы для Господа, присутствующего среди них. Вот этот-то хлеб и представляет собой ныне употребляемый в Церкви артос. Это — священный хлеб, полагаемый в воспоминание явлений воскресшего Господа апостолам. Сей святой хлеб всю неделю находится в церкви. В монастырях его каждый день носят крестным ходом в трапезу, а в субботу Светлой седмицы он раздробляется и раздается верующим. Его должно употреблять с благовением как святыню, но не следует придавать ему какое-нибудь большее значение. Некоторые думают, будто этот хлеб может заменять Божественное Причащение Святых Христовых Таин. Такое мнение — грешное, христианин должен знать и помнить, что ничто, никакая святыня не может заменить Пречистого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому нет никакой надобности хранить целый год этот хлеб, как делают сие некоторые, приписывая артосу значение, какого он не имеет. Это запрещено и церковной властью (Указом Священного Синода 1723 года, 15 июня).

(Слово пред раздачей артоса Иннокентия, архиепископа Херсонского)

665. Святой Паулин Милостивый

Угодник Божий Павлин в мирском житии бе един от великих сенаторов римских, благочестив верою и бояйся Бога. Творяще же многие милостыни нищим и живяше во граде, нарицаемом Нола, иже есть в северой Италии. Не можаше же надолзе таитися добродетель Павлинова, и тоя ради взять бысть нуждою на престол Поланской Церкви, и неволею прия сан епископский, и управляше паству свою свято и бодренно, яко верный строитель и мудрый: питаше бо их не точию пищею душевною, уча и наказуя, и коегождо на путь истинный наставляя, но и о телесной пище и о всякой потребе их печашеся, нищия и убогия, сироты же и вдовицы питая и одевая, и плененные искупуя на свободу.

Бысть в та лета попущением Божиим нашествие вандалов на италийскую землю, юже всю повоевавши, приидоша и в епархию Павлинову, многие грады и веси опустошающе; плениша же множество народа, и в свою страну Африкийскую за море отведоша. В то время блаженный Павлин епископ, вся, яже имея в епископии, раздаде на искупление пленников и на препитание обнищавших от варварского нашествия, и ничтоже ему остана. Едино же прииде к нему некая вдова нища, с плачем вопиющи: "Сын мой пленен есть от вандал, и слышу о нем, яко обретается у зятя вандальского царя Риги в Африке; молю убо твою святыню, даждь ми, чем искупити сына, едину препитания моего надежду и жезл старости моя".

Человек же Божий со всяким тщанием поискав, аще что обрящет дати просящей, и ничтоже обрет, точию себе самого, глаголя ко убозей вдовице: "Жено, не имам отнюдь, что дати тебе, разве самого мене поими, се бо в твою власть вдаюся; яко раба продаждь убо мене и искупи сына, или мене в работу даждь, замену за сына твоего". Она же, слышавши сие от уст такового мужа, мняще быти паче ругание, нежели милосердие. Но той, словесен сый и премудр, сумнящуюся жену убеди, яко не ругание, но истинно глаголет ей, и обеща, да не устрашится предати епископа в работу свобождения ради сына своего. Идоша убо оба во Африку и к вандалы пришедше, стояху у врат князя оного царского зятя, у него же бяше сын тоя вдовицы. Исходящу же князю из дома некоего, паде пред ним вдовица, молящи его с плачем, да отпустит ея сына. Варварин же оный, горд сый, не токмо сына ее отпустите, но ниже слышати прошения ее хотяще. Вдовица же, показующи служителя Божия Павлина, глаголет: "Се, человека сего даю вместо сына, точию сотвори милосердие, сына отпусти ми, единачаден бо ми есть". Он же, утихнув лицом и на человека возрев, вопроси его, глаголя: "Которое ремесло умеши?" Отвеща ему святой Павлин: "Ремесла никоегоже умею, токмо вертоград добре возделовати свем". Сия слышав, князь рад бысть, ибо такового человека требоваше, и отдаде вдовице сына, егоже она поемши, восвоися возвратися, а Павлин святой в работе оставшиися, прия попечение о вертограде и делаше его, трудяся.

Господин же его нача часто приходити в вертоград, и о неких вещах с вертоградарем своим совещаеся. Премудра же того и благоразумна видево, беседоваше с ним о всем, и множицею оставляя домашние своя и други, того

словесы наслаждашеся. Блаженный же Павлин по вся дни приношаше ему от вертограда зелие различное на трапезу к снеди, и, взимая от рук его хлеб, возвращашеся на свое дело.

В некий же день господину его, с ним беседуящу, Павлин святыи рече к нему втайне: "Блюди, некто обойти тебя хочет, подобает бо тебе помышляти о приятии Вандальского царства, ибо сей царь, тесть твой, умрет внезапно смертию нечаянною. Ты же, аще отыдеси, то иный без тебе царство примет". Сия от вертоградара своего князь слышав, никакоже умолча, но шед, поведат то царю, верен бо ему в зело, понеже паче всех от него любим быше. Царь же, усумневся, рече: "Хошу видети мужа того, о немже глаголеси". Зять же царев глаголя: "Ныне повелю ему, да зелие от вертограда на обед тебе принесет, и узриши его". Седшу же царю обедати, вниде к нему Павлин, несяи зелие на трапезу царскую по повелению господина своего. Царь же, узрев его, абие вострепета, и господина его, своего же зятя призвав, тайну, юже сокрыта хотяще, яви ему, глаголя: "Истинна суть, яже от человека того слышал еси, в нощи бо сей, в видении сонном, видех некия князи на престолех седшыя, и суд на мя творящая. Седяще же и сей посреде их, и тех судом отъят у меня бысть жезл и власть, юже исперва приях. Вопросы убо его, кто есть; аз бо сего мужа не мню быти коего от простых человек, понеже в вел идем видех его сани". Тогда зять царский, поемши блаженного Павлина особь, вопросы его, кто есть; отвеца же к нему человек Божий, глаголя: "Раб твой есмь, егоже за вдовича сына приял еси". Он же с прилежанием вопрошаше, да скажет, не что ныне есть, но что был в своей стране. Заклинаше же его и клятвами многими, да не утаивает пред ним своя тайны, истину да явит ему. Человек же Божий, стужив си и клятвы преступити не могый, епископа себе быти сказа. Господин же его то слышав, зело убоися, и со смирением глаголя ему: "Проси у мене, еже хоцещи, да во свою землю с великими дарами возвратишися". Рече же ему угодник Божий Павлин: "Единогo у тебе прошу благодетельства, еже можещи сотворити. Вся пленники от града и страны моя, zde заведенныя, да отпустиши свободны во своя".

И абие тщанием князя того во всей Африкийстей стране изыскани быша христиане, от Кампанийския земли плененные, и к святому Павлину приведени. И бысть святыи той пастырь отпущен честно со всеми паствы своя словесными овцы, и со многими иными дарами, и с довольным брашном. И приидоша кораблями в свою землю с веселием и радостью. Не по многих же днех умре Рига, царь вандальский, по пророчеству святого, а вместо него зять его прия царство.

Тако Павлин святыи, себе единого в работу предав, многие люди от работы изведе на свободу, последовав Христу Господу, зрак раба приимшему, и человеческий род от работы диаволи избавльшему. Пожив же святыи Павлин по изшествии от работы вандальской лета довольна, и врученное себе стадо, яко пастырь добрый, душу свою за овцы полагали, добре упас, и многие милостыни убозей братии, не щадя себе самого,

сотворив, прииде к начальнику пастырей Христу Господу своему, от Негоже ныне сторицею приемлет и живот вечный наследствует, славящи Его во веки. Аминь.

(Из Четий-Миней, месяца января в 23 день)

666. Почему Господь наш не остался на земле по Воскресении

Не раз, братие, случалось мне слышать вопрос: почему Господу и Спасителю нашему не благоугодно было по Воскресении Своем из мертвых остаться на земле, дабы видимо управлять Своей Церковью? Некоторые вопрошали о сем с сожалением, что Господь не пребывает теперь на земле подобно тому, как Он пребывал до Своего Вознесения на Небо. Если когда и было уместно сказать что-либо в ответ на подобное недоумение, то в настоящий день, в самый праздник Вознесения Господня, когда такое недоумение легко может наводить печальную тень на светлость настоящего праздника.

И Сам Он, и Его апостолы часто указывают на причину и цель, по коим Господь наш не благоволил навсегда остаться на земле. Прежде всего мы видим, что преславное Его Вознесение, подобно смерти и Воскресению Его, точнейшим образом входило в план спасения нашего, а посему это было предсказано и воспето во всем величии еще пророками. Взыде, — говорит, например, святой Давид, — Бог в воскликновении, Господь во гласе трубнем. И он же, приглашая Небесные Силы путесотворить восходящему на небо Господу, взывает: «Возмите врата князи ваша,... и внидет Царь славы» (Пс. 23; 7). Посему-то апостол Петр по сошествии Святаго Духа утверждал для слуха всех иудеев, что подобает Небеси убо прияти Христа Иисуса... до лет устроения всех (Деян. 3; 21), то есть до скончания мира. И точно — подобает! Время уничижения Господа навсегда окончилось Его Крестом и гробом. По Воскресении и приятии Им всякой власти на земле и на небе (Мф. 28; 18) настало для Него время прославления. Но эта грубая, растленная грехами, тяготеющая под проклятием земля наша, конечно, есть место не прославления и покоя, а искушений и странствования. Вот почему Спаситель в самый первый день Воскресения Своего объявил Магдалине, что Он уже восходит к Отцу (Ин. 20; 17); если Он и оставался еще на земле в продолжении сорока дней, то по особенной любви к ученикам и по нужде продолжить с ними беседы о Царствии Божиим (Деян. 1; 3). А когда сие было сделано, то прославляемое за крестный подвиг вочеловечение Спасителя, подобно благовонному фимиаму, само собой устремилось с Елеона к вечному Солнцу — Своему Отцу, туда, где все сообразно Его чистоте и славе, и где Ему надлежит быть дотоле, пока Его же действием и силой и самая земля, освободившись от проклятия, соделается способной быть местом видимого всегдашнего вселения Божия с человеками (Откр. 21; 3).

Спасителю нашему после прославления надлежало соделаться главой всяческих. Но где обыкновенно место главе? Не вверху ли всего тела? По

сему же самому закону (если только закон нужен и для Законодателя) как Глава и Правитель всего мира Богочеловек посажен одесную Себе на небесных: «превыше всякаго началства и власти и силы и господства» (Еф. 1; 20, 21), дабы, по выражению апостола Павла, «возглавити Собой всяческая о Христе яже на небесех и яже на земли» (Еф. 1; 10). Даже если иметь в виду одних собратий наших, людей, то и тогда окажется, что Спасителю нашему надлежало избрать местом пребывания по Воскресении мир не наш земной, видимый и чувственный, а небесный, невидимый и духовный, ибо где более потомков Адама: в нашем или в том мире? Без сомнения, стократ более там, нежели здесь. Там все праотцы, пророки, апостолы, мученики, великие подвижники и бесчисленное множество других людей. Там ныне надлежит быть и Тому, Кто Сам есть наилучший из всех. "Все это справедливо, — подумает иной, — но для нас мало утешительно: на небе нет искушений, нет борьбы непрестанной... С нами, с нами, бедными, бранными, подлежащими всем искушениям и напастям, с нами надлежало бы остаться нашему Спасителю, как искуснейшие врачи остаются с теми из больных, коим грозит большая опасность..."

Но ужели вы думаете, братие, что мы были забыты Спасителем при Его Вознесении на небо? А что, если мы скажем вам, что для нас-то Он, преблагий, и поспешил на небо? Уне (лучше) есть вам, — так говорил Сам Господь ученикам, — да Аз иду: «аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам; аще ли же иду, пошлю Его к вам» (Ин. 16; 7). Не явно ли после сего, что Он пошел на небо для нас и нашего блага?

Как Отец не мог совершить того, что надлежало совершить Сыну, то есть родиться, страдать и умереть за нас, так Сыну не подобало совершать лично того, что принадлежит благодати Духа Святаго, то есть очистить, возродить и освятить нас для новой благодатной жизни. Когда Отец устроил все для искупления нас от греха и приготовил род человеческий к принятию Сына, тогда пришел во плоти и Сын. Когда Сын искупил людей Своею Кровию, примирил их с Богом, приготовил их к принятию даров Духа Святаго, тогда начал великое дело освящения людей и Дух Святой. Сын по искуплении людей Своей смертью, по сошествии во ад и Воскресении видимо и торжественно отошел на небо, дабы превознесением Своим открыть путь невидимому вседействию Духа Утешителя. Сего требовал Божественный порядок нашего спасения: благодатное освящение искупленных подобало производить уже не Сыну, а Пресвятому Духу.

Уне, да Аз иду, — глаголет Сам Господь, — аще бо не иду Аз, утешитель не придет. Без восшествия на небо Сына не могла бы излияться благодать Духа. Тогда могли бы мы сетовать, если бы пребывание в Церкви Духа Святаго не заменило совершенно видимого присутствия в ней Спасителя. Но кто может сказать так? Чего не соделал и не соделает Дух Святой для Церкви и каждого верующего? Вначале нужно было, прежде всего, образовать апостолов; они по сошествии Святаго Духа тотчас сделались другими людьми, начали возвещать слово веры всем и каждому, и

в первый день один Петр обратил ко Христу целые тысячи. Надобно было для распространения Церкви сообщить верующим различные дарования необыкновенные, — и Дух Святой начал раздавать их в таком избытке, что каждому из верующих давалось явление Духа на пользу. Требовалось установить Таинства для видимого освящения верующих, — и при действии Духа Освятителя немедленно восприяли начало семь Таинств, обнимающих и освящающих собой все главные перемены в жизни человека. Для пастырей Церкви необходимо было руководство при дальнейшем устройении ее благолепия и ограждения законами, — и на Вселенских Соборах Дух Святой просветил их умы для отражения всех ересей, для утверждения всех догматов, для законоположения на все случаи. А бесчисленные сонмы мучеников, — кто одушевил их твердостью, как не Дух Святой? А многочисленные сонмы пустынножителей, — кто воспитал и совершил их в смирении и любви, как не благодать Духа? А множество светил Церкви, учителей вселенских, — откуда заимствовали они озарение, как не от Его света? И теперь есть ли хотя один человек, который мог бы по праву сказать, что для спасения его недостает того или другого?

"Конечно, — скажет кто-нибудь, — спасение и теперь легко для желающих; но при Самом Спасителе было бы легче, одно слово Его могло бы остановить многих от греха". Так кажется, возлюбленный, но не так было бы на деле. Много ли людей перестали грешить, когда Спаситель Сам проповедовал на земле? Но тогда, скажешь, Он был в состоянии уничижения, потому Его и не так слушали. А теперь ты думаешь, что Спаситель оставался бы на земле во славе? Но может ли земля наша вместить эту славу? И если бы вместила, то вместе с сим не должно ли было бы уже принять другой вид и все прочее на земле? Тогда уже вовсе не место было бы нынешнему порядку вещей и надлежало бы произойти тому, что будет сделано при кончине мира. Но где бы, в таком случае, было место покаянию, — покаянию, без коего мы все — ничто?

Итак, вместо сожаления мы должны благодарить Спасителя нашего за то, что Он вознесся на небо. Ибо как сходил Он с неба для нашего блага, так восшел на него для нашего спасения, для того, чтобы ходатайствовать о нас пред Отцем, чтобы ниспослать нам Духа Святаго, чтобы с неба управлять всем и все направлять на благо наше. А благодаря Спасителю и Его Вознесению, мы должны готовиться и сами идти к Нему.

Но вот наша странность и наша несчастье, — Его мы хотели бы свести на землю, а к Нему не хотим идти и на небо. Между тем — где лучше? Явно, что у Него, нежели у нас. Отчего же мы с такой неохотой идем к нашему Спасителю, когда нам достается идти, то есть в час смертный? Оттого, что не чувствуем живой любви к Нему, ибо любящий сам бежит к любимому. Оттого, что мы слишком прилепились к земному и не можем разорвать уз мира и плоти. Перестанем быть слишком чувственными и земными, и мы сами тотчас почувствуем стремление к небесному, а со временем будем,

может быть, говорить с Давидом: увы мне, яко пришьствие мое продолжися! Когда прииду и явлюся лицу Божию? Аминь.

(Из слова на Вознесение Господне Иннокентия, архиепископа Херсонского)

667. На 9 (22) мая

«Приспе день светлаго торжества, град Барский радуется...» (Тропарь)

Святая Церковь ныне воспоминает перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в город Бар. Святитель Николай жил и скончался в г. Мирах, в Малой Азии, — там и мощи его почивали до 1087 года. Перед этим на Миры напали сарацены, город разрушили, а жителей отвели в плен. Святитель не пожелал оставить там своих мощей. И вот он является во сне одному священнику в итальянском городе Бар и велит ему свои мощи из Мир перенести в Бар. Священник объявил церковным властям, гражданам, — все очень обрадовались, снарядили три корабля и поплыли. По прибытии в Миры они обрели под церковным помостом раку святителя и увидели, что она полна мира благоуханного, истекшего от святых мощей его. Святое миро с благоговением было слито в сосуды, а честные мощи подняты руками священников и перенесены на корабль. 9 (22) мая вечером, в день воскресный, благополучно прибыли в Бар. Баряне в предшествии церковного клира со светильниками и песнопениями встретили мощи святителя и положили в ближайшем к берегу храме святого Иоанна Предтечи. Чрез три года из этого храма святые мощи 9 же мая были перенесены в новоустроенный великолепный храм в честь святителя и по его указанию, возвещенному чрез одного инока, положены под святым престолом в алтаре, где почивают и доселе, источая чудеса и исцеления верующим.

Почему же, братие, святитель Николай своими мощами не пожелал остаться в Мирах, когда этим городом завладели сарацены? Потому, что там, в лице сарацын, поселилось нечестие, всякий порок и нечистота, а в месте нечистом — как оставаться чистому и святому? Кое общение свету ко тьме? Поэтому и дух святителя не мог витать около того места, и чистейшее благоуханное тело его не могло там оставаться.

Часто грешник упивается грехом, как вином, с жадностью творит грех, не знает себе сытости в греховных чувственных удовольствиях. Он ни в церковь Божию не ходит, ни дома, как должно, не молится, — он с утра до вечера весь в суете, весь во грехе. Но знает ли он, чего лишает себя чрез это? Благодать Духа Святаго в нем погашается, бездействует. Ангел-хранитель отступает и плачет. Святой, имя которого он носит, перестает быть ходатаем за него. "Что ты стоишь и плачешь?" — говорил некогда святитель Христов Нифонт юноше, который стоял при воротах одного дома и плакал. "Я, — ответил юноша, — Ангел, посланный Богом на сохранение человека, который пребывает несколько дней в сем непотребном доме; стою здесь потому, что не могу приблизиться к грешнику; плачу оттого, что теряю

надежду привести его на путь покаяния". Такова сила греха! Он делает из человека какой-то зловонный труп, от которого бежит все святое. Да оно так и есть. Некогда Ангел Божий говорил великому старцу святому Пахомию: "Кто чрез свою худую жизнь сделался мертвым для Бога и добродетели, тот смердит в тысячу раз хуже мертвого тела, так что мы никаким образом ни стоять, ни пройти около него не можем". Вот что делает из христианина грех! Братие, ужели кому-нибудь из нас не ужасно быть в таком удалении от Бога и святых Его? Ужели еще будем оставаться во грехах своих, нами любимых? Ужели не позаботимся, не употребим всех усилий освободиться от них? Да не будет сего с нами!

Но святитель Николай, оставив телом своим Миры, учит и нас бегать не только греха, но даже самых мест беззакония, самых людей нечестивых и развратных. Сколько христианину может быть вреда от знакомств неосмотрительных, от посещения мест соблазнительных! Это — яд, губящий душу, это сети, уловляющие на грех. И сколько от них погибло людей, даже твердо стоявших на пути добродетели! А между тем, многие только и ищут этого. Бывать там, где праздность, где шум и веселье, — это пища их, самое первое утешение для них. Посмотрите, с какой радостью, с какой поспешностью иной идет на зрелище, пусть оно будет самое нехристианское, самое для нравственности оскорбительное, даже в Великий пост или под праздник. Почему же он не спросил себя: что он оттуда вынесет, что приобретет для души своей, для спасения которой он живет? Но он об этом и не думает, ему бы только убить время, усладить зрение, слух. А греховно то или нет, вредно для души или нет, — этих вопросов он не касается. Где же здесь вера? Может ли быть при этом истинное благочестие? Поступать так — не значит ли делать похожее на то, как если бы кто во время пожара, вместо того, чтобы спасти себя и свое семейство от огня, стал бы, напротив, бросаться в огонь?

Говорю это потому, что ныне стремление к разным развлечениям усиливается все более и более. Ныне ищут удовольствий не в среде своего родного семейства, а все на стороне. Вот, может быть, где и кроется одна из причин неустойчивости семейной жизни, раздоров между мужем и женой, нехристианского воспитания детей, растраты состояния. Прежде не знали столько развлечений и жили лучше. Вера их, преданность Церкви были тверже, искреннее, нравственность чище. Но так или иначе — только все мы должны помнить одно: с беззаконным беззаконен будешь и со строптивым развратишься. Если бы людьми, вредными для нашей души, оказались самые близкие наши родные, то и таких нужно удаляться. К кому же пристать? С кем сблизаться? А вот, обратимся опять к святителю Николаю.

Из города Миры, где поселились беззаконные сарацены, он велел перенести свои мощи в Бар, где господствовала вера христианская. В кругу людей, исповедующих веру Христову, нашел святитель упокоение своему нетленному телу. Будем, братие, и мы искать общения с людьми благочестивыми. Испытывали ли вы сладость этого общения? Человек

благочестивый, верующий, это — аромат, от которого веет благоуханием Святаго Духа. С таким человеком нескучно целые часы проводить, все бы слушал и наслаждался беседой его, от него не хочется уйти, с ним хотелось бы жить и не разлучаться. Мало ныне таких людей, тем дороже они, кому придется найти их. А есть, и ныне есть! Не нужно их искать на высотах, — они иногда скрываются в неизвестности, имеют самую низкую долю, будучи самого простого звания. Так, иной цветок растет в долине, никем не примечаемый, многими попираемый, а какое от него благоухание! Не на недостаток таких людей надобно жаловаться, а на нашу неохоту сближаться с ними, иногда на явное нерасположение к ним. "Он — ханжа, лицемер, пустосвят", — ах, как часто так именно обзывают людей истинно благочестивых, обзывают оттого, что не хотят понять их, как должно, обзывают единственно по нерасположению к благочестию, ибо такие люди глаза колят своей жизнью людям нерадивым! Любите, братие, самое благочестие, и тогда полюбите человека благочестивого и найдете, непременно найдете его!

Еще раз обратимся к святому Николаю. Он благоволил перенести мощи свои туда, где процветала вера христианская, где особенно было уважаемо его имя, и чрез то показал нам, чем всякий из нас может приблизить его к себе. Чем же? Любовью к нему, памятью о нем, молитвой к нему, но особенно чистотой жизни, подражанием его добродетелям. Велики и разнообразны его добродетели! Но между ними особенно ярко блестит одна — это милосердие его к бедным и несчастным. Мы знаем, что им сделано по чувству этой любви, которой горело сердце его. В одно время он выручает в крайней нужде обнищавшего богача и помогает ему устроить законным супружеством трех дочерей своих. В другое время он целую страну избавляет от голода; здесь спасает от потопления на море; там невинных освобождает от незаслуженной смертной казни, — всюду и везде видна его пламенная любовь. Вот этой-то добродетели будем подражать, и он будет близок к нам.

Нужно ли говорить и доказывать, как нужна христианину эта святая добродетель? Сам Спаситель на Тайной вечери, прощаясь с учениками, сказал: "Тогда только и будете моими учениками, когда будете иметь любовь между собой". А в нас так мало этого святого чувства! Холодно, спокойно смотрим мы часто на горе и нужду ближнего: "Что мне до других? Было бы мне хорошо!" И вот многие, рассуждая так спокойно, смело приступают к таким предприятиям, которые уж никак не отвечают пользе ближнего... Не так, братие мои, нужно нам жить! Лучше я пострадаю, только бы другие из-за меня не страдали, лучше я потерплю убыток, только бы других не ввести в потерю и неприятность... Вот правило христианина! Вся, елика аще хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде, — сказал Спаситель. Прежде, чем что сделать, надо спросить: а что, желал ли бы я, чтобы другие мне то же сделали? Если бы этим правилом все руководствовались, тогда не

было бы ни ссор, ни жалоб, ни ропота, — везде бы царил мир, согласие и любовь!

Святителю отче Николае, ты был весь проникнут любовью, научи и нас жить, дышать и действовать в духе одной христианской любви! Аминь.

(Из "Поучений" священника о. Петра (Шумова))

668. День светлой радости царевой

«Вознесох избранного от людей Моих, ...елеем святым Моим помазах его. ... И Аз первенца положу его, высока паче царей земных» (Пс. 88; 20, 21, 28)

День светлой радости царевой, день великого всенародного торжества сегодня у нас, православные сыны великой Русской земли! Ныне день священного Миропомазания нашего боговенчанного самодержца Государя Императора. Чтобы лучше оценить и глубже восчувствовать сердцем великую милость Божию, являемую нашему православному народу русскому в священном Миропомазании благочестивейших царей наших, перенесемся мыслью за три тысячи лет назад, в те давно минувшие ветхозаветные времена, когда юный Давид еще пас стада отца своего на полях родного ему Вифлеема.

Вот приходит в этот город пророк Божий Самуил. Он останавливается в доме отца Давидова Иессея и выражает желание видеть всех сыновей его. Иессей представляет ему одного за другим семь сыновей своих, но провидец Божий не довольствуется этим: "Все ли дети здесь?" — спрашивает он. "Есть еще меньший, — отвечает отец, — он пасет овец". "Пошли за ним", — говорит Божий Пророк. И послал Иессей, и привели Давида. И взял Самуил рог с елеем, и помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после. Так совершилось священное помазание юного Давида на царство. До сего времени он был юнейший в доме отца своего, теперь он — Божий избранник. До сего дня был простой пастух овчий, теперь — Помазанник Божий, Царь народа Божия, избранный по сердцу Божию. Мог ли Давид забыть этот священный для него день? Мог ли не вспоминать его каждый год благодарной ко Господу Богу молитвой?

То было, братие мои, во времена ветхозаветные. Тогда еще не было столь явного, столь обильного излияния благодатных даров Духа Божия на верующих, какое возможно стало только во времена новозаветные, когда от исполнения Христова «все мы приняли и благодать на благодать» (Ин. 1; 16), когда живоносные токи благодати Божией текут непрерывно в Таинствах святой Церкви Божией. И однако же вот, Священное Писание свидетельствует, что Дух Божий почивал на богоизбранном царе Израилевом. Это значит, что Он просвещал ум его царственной мудростью, воспламенял сердце его к царственному служению во благо народа своего, укреплял все существо его царственным мужеством на предстоящий ему высокий подвиг сего великого служения. Если такую благодатную силу имел

ветхозаветный обряд помазания на царство, то кто из верующих дерзнет усомниться в сугубо благодатной силе новозаветного Таинства священного Миропомазания боговенчаных царей наших? И если для царя Израилева день помазания его на царство был днем священным и светлорадостным, то какой же день, как не день священного Миропомазания и Богом благословляемого венчания на царство есть самый радостный, самый торжественный, самый священный день во всей жизни нашего православного самодержца всероссийского? До сего дня он царствовал как царь наследственный, по реченному: от плода чрева твоего посажду на престоле твоём (Пс. 131; 11). Но так царствуют и другие цари земные, наследующие свои престолы от царственных предков своих, — отныне наш царь царствует как Божий помазанник, не только Богом избранный, но и Богом превознесенный, по слову Господа: «Вознесох избранного от людей Моих,... елеем святым Моим помазах его» (Пс. 88; 20, 21).

Много царей на земле, но никакой народ в мире не имеет самодержавного царя — Божия помазанника, это великое счастье есть счастье только нашего русского народа, это великий дар Божий — только нашей Руси Православной.. Только над нашим благочестивейшим, воистинну христоролюбивым и богохранимым Государем в день Его священного венчания на царство ношашеся Дух Господень, как Он носился некогда после помазания на царство над богоизбранным сыном Иессея — Давидом (1 Цар. 16; 13). "Как небо, — говорит наш великий Московский святитель Филарет, — бесспорно, лучше земли, и небесное лучше земного, то так же, бесспорно, лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесному. А Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле Царя, по образу Своего вседержительства — Царя самодержавного, по образу Своего царства непреходящего, вечного — Царя наследственного". О, как счастлива ты, наша Русь Православная, что у тебя не такой царь, как у прочих народов земных, — твой царь — один из всех царей земных — Помазанник Божий, один из всех царей имеет вход во святилище Божие, к престолу Царя Небесного, чрез врата царские, один из всех владык земных может причащаться Тела и Крови Господней купно со священнослужителями, у самого престола Божия, яко един от лиц священных! Поистине, к нему единому можно отнести слова Божии: И Аз первенца положу его, высока паче царей земных (Пс. 88; 28).

Какие же дары благодати Духа Святаго сообщаются нашему возлюбленному монарху, нашему Царю — отцу русской земли, в священном Миропомазании при его венчании на царство? — В сущности, те же благодатные дары Духа Божия, какие сообщаются и каждому верующему в этом Таинстве, только в высшей степени, благопотребной для столь превознесенного служения, каково служение царское. Поэтому и священное Миропомазание царей наших не есть повторение сего священного Таинства, а только высшая его степень, подобно тому, как Таинство Священства не повторяется, но имеет разные степени. И во времена апостолов — чрез

руководство апостольское, которое заменило потом Миропомазание, не всем верующим в равной мере сообщались благодатные дары Духа Святаго, иным, например, сообщались дары чрезвычайные: дар пророчества, дар языков и подобные. Подобно сему, и ныне дары Духа Святаго сугубо изливаются на Богом венчанную главу нашего самодержца, освящая и укрепляя его на предстоящий ему великий подвиг царственного служения. При этом Царь торжественно пред всей Церковью исповедует святую веру Православную, а Церковь молится о нем, да благословит его Царь царствующих, да укрепит скипетр его десница Вышнего, да примет он силу и премудрость к правлению и правосудию, да подаст ему Господь все по сердцу Его и да укрепит оружие Его в день брани. Трогательна минута в сем священнодействии, когда сам Император смиренно преклоняет колена и читает царственную молитву, которая так напоминает молитву премудрого царя израильского Соломона! И Царь Небесный, Которым земные цари царствуют, с отеческой любовью внемлет этой смиренной молитве земного Царя и молитвам Церкви за царя, и в священном Миропомазании ниспосылает нашему Царю Свою всемогущую благодать. И эта благодать просвещает ум Помазанника Божия в познании того, что истинно и богоугодно, согревает его сердце, сущее в руке Божией, к добрым намерениям и спасительным делам, и укрепляет его волю вышней силой к совершению великих подвигов царственного его служения.

Вот, возлюбленные, в чем залог нашего всенародного счастья, вот в чем основание нашего русского самодержавия! Народы Западной Европы потеряли это величайшее благо. Их цари — не суть Божии помазанники в собственном смысле. Благодать Божия не почивает на их венчаных главах так, как почивает она на главе нашего православного самодержца всероссийского. И вот, с лишением их государей священного Миропомазания, их цари и владыки лишены и того доверия, той беззаветной преданности со стороны их народов, с какой мы, русские, повергаем себя к подножию престола нашего отца -государя. А без этой всецелой преданности и престолы их колеблются. Разве могут заменить мнимые избранники народа, так называемые народные представители, благодатное осеменение главы царевой сыше, от Духа премудрости и разума Божия? Разве они в состоянии руководить сердцем своих царей так, как руководит сердцем нашего боголюбивого царя Дух совета и крепости Крепкого во бранех Господа Сил? О, как слабы все эти земные, измышленные человеческим самомнением подпорки престолов иноземных владык в сравнении с Таинством священного Миропомазания нашего русского самодержца, с этой несокрушимой опорой нашего самодержавия! Будем же, православные чада великой Русской земли, будем в роды родов благословлять Господа за такой дар Его небесный, — будем молить Его благость, да хранит Он во веки нашу Русь Православную под мощной сенью самодержавия благочестивейших царей наших! Да никогда не коснется сердца русского тот дух недоверия к царям, который уже ниспроверг престолы в некоторых царствах

неправославных! Да царствует царь наш только Божией милостью и помощью, да будет сердце его выну в руке Божией до скончания века! Аминь.

(Слово, сказанное в Троицкой Сергиевой Лавре 15 мая 1893 г.)

669. Поклонение Святой Троице

Вся силы души моя, приидите поклонимся Богу, в Троице единому, Отцу и Сыну и Святому Духу!

Вся мысли сердца моего, приидите, поклонимся Троице, во Единице почитаемой!

Вся чувства тела моего, приидите, поклонимся и припадем, и восплачемся пред Господом, сотворшим нас!

Поклоняются Тебе, Пресвятая, Единосущная, Животворящая и Неразделимая Троице, Отче, Сыне и Святой Душе, верую в Тя и исповедую, славлю, благодарю, хвалю, почитаю, превозношу Тя и молю: помилуй мя, непотребнаго раба Твоего! (Трижды).

Поклоняюсь Тебе, Боже Отче, яко от небытия в бытие привел мя еси, образом Твоим Божественным украсил мя еси!

Поклоняюсь Тебе, Боже Сыне, яко честною Твоею Кровию стяжал мя еси, от законныя клятвы искупил мя еси, Крещением Святым просветил мя еси!

Поклоняюсь Тебе, Боже Душе Святой, яко оживил мя еси, вразумил мя еси, светом веры облистал мя еси!

Поклоняюсь Тебе, Боже Отче, яко дал ми еси душу Божественным и животворящим Твоим вдохновением!

Поклоняюсь Тебе, Боже Сыне, яко душу Твою за мя на Кресте положил еси!

Поклоняюсь Тебе, Боже Душе Святой, яко избавляеши душу мою от смерти, очи мои от слез и нозе мои от посползновения!

Поклоняюсь Тебе, Боже Отче, яко согрешающа мя не погубляеши со беззаконии моими, но долготерпиши, ожидая обращения моего!

Поклоняюсь Тебе, Боже Сыне, яко не хочещи смерти мене, грешнаго, но милосердно на покаяние мя призываеши!

Поклоняюсь Тебе, Боже Душе Святой, яко обращающася мя — не презиравши, припадающа — не отметаеши, но яко блуднаго сына приемлещи и обновлявши дух прав во утробе моей!

Поклоняюсь Тебе, Богу Отцу, очищающему вся беззакония моя!

Поклоняюсь Тебе, Богу Сыну, исцеляющему вся недуги моя!

Поклоняюсь Тебе, Богу Духу Святому, избавляющему от нетления живот мой!

Поклоняюсь Тебе, Богу Отцу, не до конца прогневаемому, ни вовек враждующему!

Поклоняюсь Тебе, Богу Сыну, не по беззакониям моим творящему ми!

Поклоняюся Тебе, Богу Духу Святому, но по грехом моим воздающему ми!

Поклоняюся Тебе, Богу Отцу, ущедряющему мя, якоже щедрит отец сыны!

Поклоняюся Тебе, Богу Сыну, знающему страстное естество мое и слабость!

Поклоняюся Тебе, Богу Духу Святому, врачующему немощи моя и очищающему мя от всякия скверны!

Поклоняюся Тебе, Боже Отче, яко падшаго мя возставляеши!

Поклоняюся Тебе, Боже Сыне, яко погибшаго мя взыскуеши!

Поклоняются Тебе, Боже Душе Святой, яко мертваго мя оживляеши!

Поклоняюся Тебе, Боже Отче милосерде, упование мое!

Поклоняюся Тебе, Боже Сыне долготерпеливе, прибежище мое!

Поклоняюся Тебе, Боже Душе Святой, незлобиве покровителю мой!

Сие, падши ниц, на земли глаголи:

Достойно есть яко воистинну поклоняться, славословити и благодарити Тя, Троице Святая, Юже вся Небесныя Силы, Херувими, Серафими трисвятыми песнями восхваляют, вси святии благодарят, всякое создание раболепно поклоняется, и аз, бранный червь ползющий, пред величеством неприступные славы Твоя бездерзновенен, в надежде милости Твоя державлю, безстыдно припадаю и молю: даждь всегда Тебе, Создателю моему, неосужденно и неленостно кланяться, Тебе единому знати, Тебе любить и бояться, Твоя повеления хранити, Твоих заповедей путем ходити, Тебе хвалити и славити до последняго моего издыхания, да и по разлучении от бреннаго ми тела и паки с ним совокуплении, не лиши мя с угодившими Тебе радостне "Свят, Свят, Свят" восклицати во веки. Аминь.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

Пребывает ли в нас Дух Святой

Чем можем мы удостоверить себя, что Дух Святой в нас присутствует? Апостолы были в том удостоверены видимыми знаменами столь поразительными, что даже неверующие не могли не приметить их, хотя и превратно толковали. А мы чем себя удостоверим в том, когда Бог не являет в нас таких знамений?

От плодов древо познается: доброе древо плоды добрые приносит, а злое древо плоды злые приносит. Плод же духовный, — говорит Апостол, то есть плод Духа Святаго, — «есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера; кротость, воздержание» (Гал. 5; 22, 23). Вот по каким признакам можем мы узнавать, обитает ли Дух Святой в человеке, или нет. Радостен ли ты душой при всех делах твоих, особенно когда стоишь пред Богом на молитве? Чувствуешь ли, что Он — твой Отец, а ты — Его сын? Вот плод Духа Святаго, в тебе обитающего! Мирен ли ты с совестью твоей, а

если знаешь за собой какие-либо немощи, то очищены ли они у тебя покаянием? Вот плод Духа Святаго, в тебе обитающего! Переносишь ли ты терпеливо, безропотно все скорби и напасти? Если не гневаешься, не злобишься, не ищешь мщения, если веришь, что все происходит по воле праведного Бога, то — это и есть плод Духа Святаго, в тебе обитающего! Стремится ли душа твоя всем и всегда, при всяком случае, делать добро, отвращается ли от обиды ближнему, как от дела, Сыну Евангелия несвойственного? Вот плод Духа Святаго, в тебе обитающего! Трогается ли сердце твое несчастьем других, считаешь ли за счастье помочь несчастному? Вот плод Духа Святаго, в тебе обитающего! Веришь ли всем сердцем Слову Божию, считаешь ли и свои, и людские мудрования безумием, если они возносятся выше разума Божия, в Слове Божиим откровенного? Вот и плод Духа Святаго, в тебе обитающего! Тихи ли, кротки ли нравы твои, как пристойно домочадцу Христа, Который, будучи укоряем, противу не укорял и зла за зло не воздавал? Вот плод Духа Святаго, в тебе обитающего! В силах ли ты удерживать страсти твои, когда они стремятся против разума и Закона Божия? Вот плод Духа Святаго, в тебе обитающего!

Плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. Вот несомненные признаки, по которым мы можем узнавать, обитает ли в человеке Дух Божий. Пусть нет ныне дыхания бурна, нет летающих огненных языков, нет дара глаголения разными языками и пророчества, — но когда есть оные плоды Духа Божия, то несомненно, что и Сам Дух здесь пребывает. Одаренный плодами Духа Святаго человек есть сосуд чистый, издающий от себя благоухание святости. Не говорит он разными языками, в чем теперь и нужны нет, но он глаголет тайны, ибо той беседы, которую сердце его имеет с Богом, никто не понимает, кроме Бога и его сердца. Что значат слова апостольские: Дух Святой ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанном (Рим. 8; 26)? Не то ли, что душа, управляемая Духом Святым, пламенно любящая Христа, желающая всегда с Ним быть в соединении, яко невеста Его, по Нем воздыхает? И воздыхание это есть неизглаголанное, потому что это — чувство самое нежное. Понимает его лишь одна таким образом воздыхающая душа и тот Жених, по Коем она воздыхает.

Апостолов, дарами Духа Святаго исполненных, люди мира сего, Духа Божия непричастные, называли пьяными (Деян. 2; 15). Так это и должно быть. Человек плотской не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети (1 Кор. 2; 14). Человек, к миру пристрастившийся, мудрствующий по-мирскому, никогда не полюбит того, кто живет по правилам Духа Божия, почитает его за безумного, потому что он не следует правилам мирским. То же от мира терпят и ныне люди праведные, то же и об них говорят. Упражняйся в уединении и богомыслии, — назовут тебя суемудрым и праздным. Будь кроток и нечестолюбив, — почтут слабым. Истощай имение на помощь нуждающимся, — назовут тебя глупым. Воздерживай свои страсти, удаляясь от мирских увеселений и забав, —

назовут грубым и человеконенавистником. Но как бы вас, чада Божии, не называли, однако вы блажени, егда поносят вам и рекут всяк зол глагол на вы правды ради! Напротив, несчастны те, которые не ощущают в себе плодов Духа Святаго. Кто всегда смущен, кто высокомерен и горд, кто мстителен, кто не обуздывает страстей своих, кто свои мудрования почитает выше истины Божией и взирает к миру и его прелестям, а о Боге не помышляет, — о том с горестью должно сказать, что нет в нем Духа Божия. В нем дух міра, дух лжи и обмана, дух неприязни и погибели!

(Из "Воскресного чтения", 1837)

670. Согласны ли между собой старопечатные книги?

Именующие себя старообрядцами обыкновенно думают, что их старопечатные книги непогрешимы, что Православная Греко-Российская Церковь не исправила их, а только повредила, и потому следует строго держаться книг старопечатных. Но если сии книги непогрешимы, то они должны быть во всем сходны между собой! Между тем, они не сходятся между собой не только в одних выражениях и словах, но и в совершении Таинств.

* * *

В чине Таинства Крещения в "Потребниках" первых трех патриархов и в Иоасафовском 7144 г. положено только пять огласительных молитв, а в "Потребнике" того же Патриарха Иоасафа, изданном в 7147 г., их считается уже до десяти.

Иоасафовский "Потребник" 7144 г. повелевает: "Аще случится два или три младенца крестити, то коемуждо младенцу особо молитвы глаголати и все "Последование Святаго Крещения". А "Потребник" того же Патриарха Иоасафа 7147 г. велит "глаголати молитвы, обще всем, и все "Последование Святаго Крещения", точию имя в молитвах глаголати коемуждо свое". Оба "Потребника" были в употреблении в одно и то же время. Какому же из них должен был следовать священник?

При отречении от сатаны повелевается крещаемому "руце имети горе", а при обещании Христу — "руце имети долу". В "Потребнике" же, напечатанном при Патриархе Иосифе, повелевается напротив: при отречении от сатаны "руце имети долу", а при обещании Христу — горе. Помазание крещаемого елеем в "Потребниках" первых пяти патриархов повелевается совершать единым перстом, а в Номоканоне, напечатанном при Патриархе Иоасафе и Иосифе, повелевается "стопкою тремя персты". Какому же из этих наставлений должны были следовать священники?

В "Потребнике" 7144 г. и других предшествовавших изданиях напечатано: "Крещается раб Божий (имярек), во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь". А в "Потребнике" того же Патриарха Иоасафа 7147 г. и в изданном тем же Патриархом Номоканоне (правило 199), и потом уже в Иосифовском "Служебнике" (1647 г.) к третьему

приглашению: "И Святаго Духа", — прибавлены слова: "И ныне и присно и во веки веков". Так даже в самом существенном действии при совершении Крещения старопечатные книги были не сходны между собой.

В "Потребнике" 7147 г. и в последующих изданиях напечатанно: "И возлагает священник на крестившегося Крест с гайтаном, такоже истиннии христиане имут обычай...", а в "Потребниках" до 7147 г. об этом возложении Креста на крещаемого не было совсем упоминания. Значит священники, руководившиеся сими изданиями при совершении Таинств, не возлагали Креста на крещаемых.

При одеянии крещаемого в срочицу в Иоасафовском "Потребнике" 7147 г. и последующих положено петь ирмос "Ризу мне подаждь светлу", потом следуют прокимен и Апостол, Аллилуиа и Евангелие. А в "Потребнике" того же Патриарха, напечатанном в 7144 г., и в других прежних изданиях ни ирмоса, ни прокимна, ни Апостола, ни Аллилуии, ни Евангелия не положено.

В Таинстве Миропомазания все старопечатные "Потребники" и "Служебники" повелевают помазывать крещаемого святых миром на челе, на очах, на ноздрях, на устах, на обоих ушах, на груди, на руках, на сердце, на плечах и между раменами. А в чине Крещения, от ересей приходящих, в "Потребниках" Иоасафовском 7147 г. и в Иосифовском о помазании на плечах и между раменами не упоминается.

В "Потребнике" 7144 г. после трех молитв разрешительных следует отпуст, а в изданном при Иоасафе же "Потребнике" 7147 г. вставлено здесь чтение Апостола и "Отче наш", потом 31 псалом, "Достойно есть", Трисвятое по "Отче наш", тропари: "Объятия Отча", "В разбойники впадох", Слава, "Слезы ми даждь, Боже". И ныне. "Аз Дево Святая". За сим уже отпуст.

В "Малом Катехизисе", напечатанном при Патриархе Иосифе, на л. 37 читаем: "Разрешая же его в молитвах своих, и употребляет сии словесы, глаголя: "Аз, данную мне властью от Христа, разрешаю тя. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа". По исправленному нашему "Потребнику" священник, разрешая кающагося, так именно и говорит: "Аз недостойный иерей, властью Его (Христа Спасителя), мне данной, прощаю тя и разрешаю от всех грехов твоих во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь". А в старопечатных "Потребниках" не говорится, что священник разрешает его от грехов в силу полученной им от Христа власти вязать и разрешать грехи людей и во имя Святыя Троицы, как того требует "Катехизис", или паче Сам Христос во Евангелии, но говорится только: "И простит (священник) Его (кающагося), глаголя: "Чадо, прощает тя Христос невидимо и аз, грешный". Эти слова подобны употребляемым и простолюдинами: "Бог тебя простит!" Равно и в словах священника: "И аз, грешный", — нет также указания, какой властью он прощает кающагося.

В Иоасафовском "Потребнике" 7144 г. не положено никаких приглашений при вручении перстней брачующимся, невесте показано давать перстень железный. А в Иоасафовском же "Потребнике" 7147 г. и в Иосифовском "Служебнике" есть уже такой чин: "Иерей глаголет:

"Обручается раб Божий (имярек) рабе Божией (имярек), во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь". Подавая перстень невесте, глаголет: "Обручается раба Божия (имярек) рабу Божию (имярек), во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь". И перстень невесте положено давать серебряный. В этих же "Потребниках" положена за сим большая молитва "Господи Боже наш, иже отроку патриарха Авраама...", — тогда как в прежних "Потребниках" положена здесь краткая молитва, всего в четыре строки. Далее здесь положена ектения "Помилуй нас, Боже", которой в прежних "Потребниках" совсем нет.

В чине венчания после Евангелия положены молитвы совсем различные. По возложении венцов на брачующихся священник по "Потребнику" 7144 г. произносит только: "Господи Боже наш, славою и честью венчай их". А в Потребнике 7147 г. положено священнику произносить: "Господи Боже наш, иже славою и честью венчал еси святые своя мученики, Ты ныне венчай рабы Твоя сия (имярек), венцом славы и чести, венцом мира, венцом веселия, во славу Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

После главопреклонной молитвы в "Потребнике" 1744 г. положено Причащение брачующихся Преждеосвященными Дарами, пред этим возглашать: "И сподоби нас Владыко...", — а во время причащения петь: "Чашу спасения прииму...". В "Потребнике" же 7147 г. и Иосифовском

"Службнике" Причащение вовсе оставлено, а стих "Чашу спасения" положено петь при распитии врачующимися чаши с вином.

При обвождении брачующихся вокруг аналая в "Потребнике" 7144 г. положено петь "Святые мученицы" трижды, потом "Слава Тебе, Христе Боже" однажды. А в "Потребнике" 7147 г. и в Иосифовском "Службнике" повелевается пред сим петь еще "Господи, Господи, призри с небесе и виждь, и посети виноград сей, и соверши его, его же насади десница Твоя" и стих "Сильно на земли будет семя Его, род правых благословится".

В старопечатной "Кормчей" о Таинстве брака говорится: "Форма, си есть образ, или совершение ея, суть словеса совокупляющихся, изволение их внутреннее пред иереем извещающая". На сем основании в исправленных "Потребниках" в чине венчания положены брачующимся вопросы, — жениху: "Имаши ли, (имярек), произволение благое и непринужденное и крепкую мысль пояти себе в жену сию (имярек), юже zde пред собою видишь? Не обещался ли еси иной невесте?" — потом невесте вопросы те же: "Имаши ли произволение благое и непринужденное и твердую мысль пояти себе в мужа сего (имярек), егоже пред собою zde видишь? Не обещалася ли еси иному мужу?" И оба они отвечают: "Имам, честный отче, не обещахся, честный отче". В старопечатных же "Потребниках" этих вопросов и ответов в чине венчания не обретается. Такое опущение столь важного действия есть несогласие старопечатных же законодательных и вероучительных книг.

В чине Таинства Елеосвящения в Иосифовском "Малом Катехизисе" положено, дабы молитва, "яже внегда помазуем бывает болящий, глаголема

была над ним, в нейже образ сея тайны воображается: "Рекше: "Отче Святыи, Врачу душам и телом". А во всех старопечатных "Потребниках" при помазании болящего Елеем положено иерею читать не это, а вот что: "Благословение Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа на исцеление души и телу рабу Божию (имярек), всегда и ныне и присно и во веки веков. Аминь". Потом уже после помазания читать молитву "Отче святыи..."".

Вот какие разности в самых чинопоследованиях Таинств находятся в старопечатных книгах. Как же можно эти книги считать непогрешимыми? Можно ли было оставлять такие разности неисправленными? А если Церковь их исправила, то за что же порицать ее? Кому, как не ей, принадлежит право всего исправления!

(Архимандрит о. Павел ("Братское слово", 1893, кн. 2-3))

671. Из грешника — мученик

Покаянию грешника радуются Ангелы Божии на небесах. Но и нашему грешному сердцу всегда отрадно слышать, как подобный нам грешник обращается к Богу Спасителю. Ведь такая повесть говорит нам, что и для нас не затворены двери Божия милосердия, что и наше покаяние с отеческой любовью примет Господь, только бы мы сами того пожелали, да пожелали всем сердцем своим, всем своим существом! Вот умилительная повесть о том, как молодой пьяница и распутник стал праведником, и не только праведником, но и святым мучеником Христовым.

В те давние времена, когда рекой лилась кровь христианская, жила в Риме одна молодая, богатая женщина именем Аглаида. Забыв страх Божий и стыд человеческий, она проводила грешную жизнь с любимцем своим, юным и прекрасным рабом Вонифатием. Этот юноша, хотя и грешил со своей госпожой, но имел доброе сердце и часто томился душой, окаевая свою греховную жизнь. Он находил отраду сердцу в том, что любил подавать нищим, принимал странников, был сердоболен к несчастным. Часто вздыхал он к Богу, чувствуя свое бессилие вырваться из сетей вражеских, которыми был опутан. Бог, наконец, услышал его вздыхание сердечное. Явилось у госпожи его непреодолимое желание — иметь в своем доме мощи какого-либо святого мученика, и вот она призывает своего верного Вонифатия и говорит ему: "Ты знаешь, брат, как мы с тобой грешны пред Господом Богом, как мало заботимся о будущей жизни, как мало думаем о Страшном Суде Божиим. Говорил мне один благочестивый муж, что у кого в доме есть мощи святых мучеников, и кто почитает их, как может, тот получает от страдальцев Христовых великую помощь ко спасению. Окажи мне в этом услугу, пойдись в те страны, где мученики проливают кровь свою за Христа, и постарайся принести оттуда мощи какого-нибудь мученика. Мы положим их с честью у себя, построим ему церковь, а он будет наш хранитель и заступник пред Богом навсегда".

С радостью принял это приказание своей госпожи Вонифатий, она дала ему много золота на выкуп мощей у язычников и на раздачу милостыни, а также и дорогие ароматы и плащаницы для обвитая святых мощей. Прощаясь с Аглаидой, он, шутя, сказал ей: "А что, госпожа, если я нигде не найду мученика, а вместо того принесут тебе мое тело, за Христа замученное? Примешь ли ты его с честью?" — Засмеялась на это госпожа, назвала его пьяницей и грешником и сказала: "Однако теперь не время шутить. Помни, на какое дело идешь, береги себя от всякого греха, — ведь мы с тобой не только коснуться, но и взглянуть недостойны на мощи святые. Иди же с Богом!" Со многими рабами Вонифатий отправился в путь. Он принял к сердцу доброе слово своей госпожи: стал поститься, перестал есть мясо, пить вино, часто подолгу молился Богу. Побуждаемый страхом Божиим, он глубоко жалел о своих грехах и приносил в них покаяние Господу Богу.

Так пришел он в городе Таре, на родину святого апостола Павла, где тогда христиан предавали безжалостно всяческим мукам. Он оставил своих спутников-рабов в гостинице отдохнуть с дальней дороги, а сам поспешил на городскую площадь, где видно было множество народа, который смотрел на истязания мучеников. Тут раскрылась пред ним страшная картина мучений святых страстотерпцев Христовых: один висел вниз головой, а под ним разведен был огонь; другой растянут был крестообразно и привязан к четырем столбам; тому выкалывали глаза, этому отсекали руки и ноги; иной был посажен на кол, который постепенно пронзал все его внутренности, а иного разрезали пилой пополам... И все они терпели эти муки мужественно, и на лицах их светилась радость несказанная, — так укрепляла их благодать Божия! Исполнился Божественной ревности блаженный Вонифатий, он выступил на средину позорища, стал обнимать святых страдальцев, а затем во всеуслышание громко произнес: "Велик Бог Христианский, велик Он, помогающий рабам Своим и укрепляющий их в таких муках!" — И опять стал он лобызать ноги святых мучеников, а у которых не было ног, тех самих прижимал к сердцу своему, назвал их блаженными и молил Бога, чтобы сподобил и его быть участником их подвига и их венцов мученических.

Понятно, что судья обратил на него внимание, приказал взять его и подвести ближе. "Кто ты такой?" — спросил он. "Я — христианин", — отвечал Вонифатий. Судья повторил вопрос, кто он и откуда? И Вонифатий назвал себя. "Принеси сейчас жертву великим богам, — сказал судья, — иначе я прикажу тебя растерзать на части!" — "Делай со мной, что хочешь, — отвечал Вонифатий, — я — христианин". Судья велел повесить его вниз головой и крепко бить. И били Вонифатия так, что тело отпадало от костей, а он как будто не чувствовал боли и только с любовью взирал к святым мученикам, утешаясь, что теперь и он один от них. "Пожалей себя, — уговаривал его мучитель, — принеси богам жертву, иначе хуже будет!" А мученик отвечал ему: "Какой же ты безумец! Я и слышать не хочу о твоих богах, а ты хочешь, чтоб я им жертвы приносил!" — Раздраженный мучитель приказал забить ему под ногти рук и ног острые спицы, — святой молча

вынес и эту пытку. "Растопить олово и влить ему в рот!" — приказал мучитель. Пока готовили этот "напиток", мученик молился Господу и просил у Него помощи в терпении и победы над сатаной, просил и святых мучеников помочь ему своими молитвами. Приступили палачи, влили олово в уста ему, и он Божией силой остался невредим. Тогда народ весь заволновался, отовсюду послышались крики: "Велик Ты, Боже Христианский, велик Ты, Царю Христе! Все мы веруем в Тебя, Господи!" — Толпы устремились было к идольскому капищу, чтоб разрушить его, и мучитель со стыдом должен был поспешить в свой дом, приказав взять Вонифатия под стражу.

На другой день мученик стоял опять на судищи. Судья богохульствовал, а святой смеялся над богами язычников. Мучитель приказал, — и святого бросили в котел с кипящей смолой. Но Господь не оставил раба Своего, — Ангел Божий оросил мученика, огонь из-под котла опалил многих язычников, а он вышел невредим. Тогда судья-мучитель изрек смертный приговор: отсечь святую главу Вонифатию. Усердно помолился святой мученик перед смертью и спокойно преклонил главу под меч: вместе с кровью потекло млеко. До 500 неверных уверовали во Христа, видя это чудо. Так сбылось над юным Вонифатием то, что он сказал своей госпоже в шутку, на прощание с ней.

Между тем спутники его ничего не подозревали и спокойно отдыхали в гостинице. Прошел день, другой, Вонифатий к ним не являлся, и они уже стали думать, не проводит ли он где-нибудь время по своему старому обычаю в корчемнице с какими-нибудь блудницами. На третий день стали разыскивать его. И вот, смотрением Божиим, они повстречались с братом того письмоводителя, который записывал судебное дело Вонифатия. По его указанию они нашли, наконец, обезглавленное тело своего спутника. Велико было их удивление и раскаяние, что они святого мученика подозревали в столь постыдных делах. Они стыдились самих себя. "Прости нам, раб Христов, — со слезами говорили они, — что мы так безумно смеялись над тобой!" — Пятьсот златниц дали они язычникам, чтобы те позволили им взять тело и главу святого Вонифатия; помазали святые мощи дорогими ароматами, обвили чистыми плащаницами и отправились в обратный путь. И вот, когда они уже были недалеко от Рима, Аглаида видит во сне Ангела Божия, который говорит ей: "Прими с честью того, кто был твоим слугой, а ныне — наш брат и сослужитель; прими того, кто был твоим рабом, а теперь — твой господин. Почитай его, как твоего хранителя и заступника". С трепетом радости проснулась Аглаида. Пригласив с собой священнослужителей, она вышла навстречу святым мощам своего Вонифатия и встретила их с слезами радости. В своем поместье, близ Рима, она построила церковь во имя его и положила там мощи его святые. А сама, раздавши все свое имение бедным, отреклась от мира и 15 лет провела в подвигах покаяния. По кончине своей она была положена при мощах святого мученика.

Как трогательна, как поучительна эта история! Счастливы грешники, если душа ваша томится жаждой покаяния! Если сердце ваше тоскует и болит при мысли, что грех разлучает вас с Богом, лишает Божией благодати! О, томитесь душой, скорбите сердцем, — это Ангелы-хранители ваши веют над вами своими крилами благодатными, это они, молитвенники ваши, зовут вас к покаянию, к примирению с Богом! Чем чаще будет посещать вас эта святая тоска, эта печаль по Бозе, тем скорее Господь отверзет вам двери покаяния, тем скорее вы освободитесь от лютого рабства греху. Грех — лютый, жестокий, безжалостный господин! Кто из нас не чувствует этой жестокости? Особенно мучительна для духа и тела похоть плотская, будь то похоть блудная или страсть пьянственная. И той, и другой страдал Вонифатий, но душа его просила, жаждала покаяния, — и Господь утолил эту жажду спасительную — послал ему мученический венец.

Братие мои! Кто из вас страдает теми же недугами? Кто не сможет преодолеть страсти пьянственной или похоти блудной? Не отчаивайся, не унывай: Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки. Помог Он Вонифатию — поможет и тебе. Его сподобил быть мучеником, но есть у Него и для тебя, если хочешь, венец мученический. Восстань против своей греховной привычки, борись с ней до смерти, Господь будет помогать тебе, а за победу над ней дарует и тебе венец мученика. Когда тяжело тебе, когда грешная привычка к пьянству или блуду влечет тебя, как раба купленного, ко греху, — тогда наипаче взывай к Богу, наипаче проси молитвенной помощи у святого мученика Вонифатия: сам искушен быв, он может и тебе в искушении твоём помочь. Только не отчаивайся, не погашай в своём сердце этой тоски, этой скорби, помни, что ты — грешник, что надо тебе с Богом примириться, покаяться. И Бог поможет тебе в этом. Да будет так! Аминь.

672. Лето

1.

«Изыдет человек на дело свое, и на делание свое до вечера» (Пс. 103; 23)

Прошли светлые и великие праздники Господни — Пасха, Вознесение и Троицын день. Настало лето, будние рабочие дни, дни поистине трудовые. Каждый добрый хозяин будто забудет на время свой домашний кров: с раннего утра до позднего вечера станет он проводить в поле, под открытым небом, за полевой работой. Сколько трудов предстоит труженику! Пашня и посев, покос и жнитво, уборка сена, молотба хлеба... Трудовым потом не раз оросится мать-земля сырая, от усталости зануют руки, заломит спину, подогнутся ноги. Иному, может быть, и надоел зимой отдых, а летом рад-рад он будет добраться до ночлега. Сам Господь Бог судил человеку трудиться и в поте лица своего добывать хлеб насущный. А без труда и работы — с голоду умрешь. Без трудов земля сама собой не уродит хлеба. И Слово Божие говорит: «кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом» (Притч. 12; 11); «а если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Сол. 3; 10).

Еще нашему праотцу Адаму Господь определил работать и тяжелым трудом добывать себе пропитание, насущный хлеб. Проклята земля за тебя, — сказал Господь Адаму за то, что он согрешил, — со скорбью ты будешь питаться от нея во все дни жизни твоей, терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб твой, доколе не возвратишься в землю, от которой взят (Быт. 3; 17, 18, 19). Так сказал Господь, и, по слову Его, до сих пор трудятся люди и будут трудиться до скончания века.

Тяжел твой труд, поселянин! Не даром достается тебе твой насущный хлеб! Но в твоём труде есть также много и отрадного. С восходом солнца встаешь ты, даже раннее солнце уже застаёт тебя в чистом поле за работой. Полной грудью вдыхаешь ты свежий, ароматом цветов напоенный воздух летнего утра, под твоей косой послушно ложится трава душистая, или сам-друг со своей лошадкой бороздами взрываешь ты землю рыхлую для посева. С высоты неба ласково смотрит на тебя красное солнышко; над твоей головой весело щебечут птицы небесные; отирая пот с своего лица, тихо произносишь ты молитву святую, славяшь Господа милосердного, Который посылает тебе такую благодать, просишь Его помощи и благословения за твои труды богоугодные. И верь, Он исполнит молитву эту: пронесется над твоей нивой грозная тучка, оросит поле тёплый летний дождик, и жадно станет впитывать земля благотворную влагу дождевую.

Зеленеет поле, пробьется наружу трава, рожь спелая наливается полным зерном, ветер ласково колышет полные колосья. Смотришь — уже и пожелтела она, и жать пора! И вот со своей семьёй опять вышел ты на свою полосу, дружно жнешь свою десятину. Настает час обеда — и как вкусен кажется тебе хлеб с водой, как мягка и просторна постель на земле у снопов, как тих и спокоен твой крепкий сон! Ангел-хранитель твой стоит над тобой, трудовым, рабочим человеком, осеняет тебя своим благодатным крылом... Поздним вечером приходишь ты домой, а лишь займётся заря — ты опять за работу. Да благословит же Господь твой полезный труд! Им ты кормишь себя и семью; трудами вашими, земледельцы, кормится и живет вся наша матушка Русь.

Да и одна ли только Русь? Сколько хлеба русского вывозится за границу! Может быть, ты и не ведаешь об этом? Посмотри: реки и моря покрыты кораблями и судами с русским хлебом, тем самым хлебом, который вырастил ты на полях твоих. Посмотри: на подать твою, сохой, бороной добытую, воздвигаются целые города, содержатся войска, делается все, что нужно в государстве, без чего наша Русь православная не была бы так сильна и могуча. Да, вы — труженики-земледельцы, вы — кормильцы Руси святой! Любите же, не бросайте свой благословенный труд земледельческий! За него благословляют вас, молятся за вас миллионы людей. Благословляет тебя и Бог Своей неизреченной милостью.

А как много поучительного для жизни можешь ты извлечь из трудов своих! Вот ты посеял хлеб, зерно вошло, стало расти и колоситься, созрели

новые зерна, затем колос стал дряхлеть и сохнуть. Приходишь ты, режешь серпом спелые колосья, вяжешь в снопы, перевозишь на гумно и молотишь... Солома идет на корм скоту или на топливо, а зерно — в житницу твою. Вот так же, брат мой, и ты, по воле Божией, возрос, как зерно твое, так же проживешь ты, сколько Господь тебе определил, и станешь, наконец, стареть и дряхлеть. Вот близка пора жатвы, недалеко и жнец, — неумолимая смерть уже стоит за плечами твоими и сводит тебя в могилу... Тело твое предается земле, а душа твоя восходит к Богу.

Но не всегда будет лежать тело твое в сырой земле. Придет время, вострубит труба архангельская, и восстанешь ты из земли на Страшный Суд Христов, восстанешь так же, как оживает вот зерно, брошенное тобой в землю. И явится тело твое тогда в новом, преображенном виде пред Господом, Судьей всех живых и мертвых. Вот и вся твоя жизнь! Припомни же ее за своим полевым трудом. И пред людьми, и пред Богом высок труд земледельческий. Сам Господь наш Иисус Христос в Своем Святом Евангелии часто в притчах уподобляет Себя простому земледельцу. Он говорит: Я сеятель, Мое семя — Слово Мое, Мое поле — сердца людей, Моя жатва — их дела, время жатвы — конец мира, а жнецы — Мои Ангелы. Настанет час этой жатвы — кончины мира, и пошлет Господь Ангелов Своих, которые отделят добрых от злых...

Итак, дорожи своим трудом, земледелец, трудись, молись и поучайся! Приноси от трудов твоих праведных не Каинову жертву, а чистую жертву праведного Авеля. Не скупись подать и на свечечку в Божий храм, уделишь и на помощь соседям-беднякам. За то и благословит тебя Господь все милостивый, и подаст тебе добрый успех во всех твоих добрых делах, в трудах твоих праведных!

2.

Недаром пора рабочая называется страдной порой. Это время труда, то время, когда земледелец запасает себе всего, что дает ему земля, на целый год. Благословен труд твой, добрый труженик! Лишь только займется заря утренняя, выходи ты на родное свое поле, оглянись оттуда на мать свою — церковь сельскую. Вот она виднеется над родным селом, помолись на нее с крестным знаменем и скажи в простоте сердца ту молитву, какую знаешь, какой научился ты от родителей: "Господи, помилуй. Господи, помоги мне, грешному. Отец Небесный, благослови труды мои во славу Твою!" — Так помолись от всей души и принимайся за работу твою. И во время работы помни ты, что с Небес смотрит на тебя Сам Господь, Царь Небесный, видит все мысли твои, что есть на сердце у тебя. Устанешь ты, настанет час отдыха, опять помолись на церковь Божию, опять призови имя Божие и садись за свой скудный обед на приволье полей. О, как вкусен покажется тебе этот обед даже тогда, когда он будет состоять только из куска хлеба да соли, и из кружки простого деревенского твоего кваса!

Нет хлеба вкуснее того, который своими трудами добыт, который вкушается с благодарением к Богу после трудов праведных. Удивлялся

некогда киевский князь, почему в монастыре Печерском вся пища в трапезе так вкусна, что и у него во дворце-тереме княжеском не умеют приготовить так вкусно, и спросил о том преподобного Феодосия. "Потому у нас все вкусно, — отвечал святой старец, — что братия все готовят с благословением и молитвой, а твои, князь, рабы — сорятся да друг друга клянут, когда готовят тебе кушанье". Вот что значит молитва и благословение Божие, вот что значит братская любовь и расположение. Случается, что и вас в поле собирается много, много бывает празднословия, а иногда и ссор из-за дележа покоса, лугов или пустырей. Бога ради, не заводите вы этих споров и ссор. Бог дал нам язык не для грешных речей, не для брани постыдной, — за каждое слово праздное Он от нас отчета потребует. Не бесчестите же сего дара Божия великого, не срамите своего языка. Обходитесь друг с другом дружелюбно; кто старше — поучи младшего; кто сильнее — помощи бессильному с братской любовью и снисхождением.

Часто вы гневаетесь на свой рабочий скот, жестоко обходитесь с ним, бьете и браните его. Грешно и это, други мои! Ведь эти несмысленные животные помогают вам в ваших трудах, ведь без лошади или вола тебе не вспахать нивы своей, не привезти с поля ни сена, ни хлеба, — без этих помощников ты, как без рук. Поэтому и должен ты щадить их, ласкать и жалеть, кормить сытнее и давать им отдых вовремя, и благодарить за них Господа Бога, что Он, милосердный, дал тебе в помощь этих тварей безответных, без которых ничего бы тебе не сделать с твоей нивой. Вот почему и сказано: блажен, иже и скоты милует! Зато и скот работает такому человеку усерднее, он любит своего хозяина доброго, хоть и нет у него разума, как у человека.

Так трудитесь во славу Божию, запасайте себе всего на долгую зиму. А запасая себе хлеба и прочего, не забывайте запасаться и добрыми делами на будущий век, — наша жизнь так же скоро проходит, как лето красное. И не заметишь, как подойдет смерть, и настанет тогда зима — время вечного покоя в могиле сырой... Блажен, кто запасся добрыми делами, с которыми пойдет на тот свет: хорошо ему будет там! Но горе тому, кто не думает о жизни будущей: вечно будет алкать и жаждать его душа бедная, — так умирает с голода тот, кто не имеет ни куска хлеба насущного. Бог да поможет вам, братие, запастись и хлебом насущным для пищи телесной, и добрыми делами на будущую вечную жизнь. Аминь.

673. Отчего засухи и непогода?

Откуда бури и непогода? Отчего бездождие и засуха? Почему в одно время земля сохнет и трескается от несносной жары, от недостатка воды, а в другое — все на ней гибнет и гниет от проливных дождей, от зловредных туманов и холода? Отчего все эти беспорядки в природе, все эти беды и напасти для живущих на земле?

Пусть мудрецы земные ищут ответа на эти вопросы в земле и на земле, в земных явлениях и законах природы. Мы знаем, что все эти законы, как и самая земля, и все живущее на ней — дело рук Божиих. Знаем, что никакие законы не имеют силы без воли своего Законодателя. Знаем, что если в природе нарушается порядок, если зной солнечный палит землю немилосердно вместо того, чтобы согреть ее благотворно, если отверзаются хляби небесные и льется дождь неблагоприятный и тлетворный, вместо дождя благовременного и плодоносного, — то все это бывает не без воли Того, Кто «солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя» (Мф. 5; 45). В Его Слове Божественном находим мы прямой и ясный ответ на все эти вопросы: отчего и почему? Вот этот Божественный ответ: «аще слухом послушаете гласа Господа Бога вашего хранити и творити вся заповеди Его, ...И приидут на тя вся благая сия... Отверзет тебе Господь сокровище Свое благое, небо, еже дати дождь земли твоей во время свое... И будет, аще не послушавши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповеди Его, ...и приидут на тя вся клятвы сия... Поразит тя Господь... стужею, и жжением, и убийством, и ветром тлетворным... И будет небо над главою твоею медяно, и земля под тобою железна» (Втор. 28; 1, 2, 12, 15, 22, 23). Вот — высший закон для самых законов природы, закон вечный, неизменный, закон правды всеправедного Творца и Законодателя всего сущего!

Никакие законы природы не обойдут этого вечного своего закона: они подчинены ему раз и навсегда. По этому великому закону, природа с ее законами должна служить на пользу человеку, — когда сам человек служит и повинуетя Господу Богу, но она же, природа, по воле Бога Творца своего и наказывает человека, когда он выходит из послушания Богу. И если бы не щадило грешников бесконечное милосердие Божие, то она давно истребила бы их с лица земли, как это и действительно было во время страшного Всемирного потопа.

Разительный пример наказания Божия бездождем, засухой и голодом за нечестие людское читаем мы в Третьей книге Царств, в истории пророка Божия Илии. Велико было нечестие народа израильского во дни его. Царь Ахав взял себе в жены дочь языческого царя сидонского Иезавель и ввел в своем царстве языческое идолопоклонство. Нечестивая царица содержала на царском иждивении 450 лжепророков Бааловых и 400 лжепророков Астартиных, а пророков истинного Бога жестоко преследовала и предавала смерти. В это-то время и выступил против нечестия великий пророк Божий Илия Фесвитянин. Его ревность о Боге была как огонь, его слово как пламя. Он пришел к Ахаву и сказал: "Жив Господь Бог Израилев, Которому я предстою! Не будет в следующие годы ни росы, ни дождя, разве когда я скажу". И он ушел за Иордан, по повелению Божию скрылся при ручье Хорафе. Ручей давал ему воду для питья, а вороны утром и вечером приносили хлеб и мясо. Год спустя, от недостатка дождей ручей высох. Тогда Господь повелел пророку идти в приморский город Сарепту Сидонскую к

одной вдове, у которой он должен был найти себе пропитание, а лучше сказать — спастись от голодной смерти. Трогательно читать рассказ о том, как пришел Илия в этот языческий город. Он увидел у городских ворот вдову, собиравшую дрова, позвал ее и сказал: "Принеси мне немного воды напиться". Когда она пошла, он кликнул вслед ей: "Принеси мне и кусочек хлеба". Она отвечала: "Жив Господь Бог твой! У меня нет ничего, а только с горсть муки в посудине и немного масла в кувшине. Вот я возьму поленца два, пойду, приготовлю что-нибудь себе с сыном. Мы поедем, а потом придется умереть с голода". Илия сказал на это: "Не бойся, только сделай прежде из той муки маленькую лепешку для меня, а потом уже испеки себе с сыном. Ибо так говорит Господь Бог Израилев: мука в посуде не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю". Странноприимная вдова поверила Богу Израилеву и исполнила слово Илии, и, действительно, посуда с мукой и кувшин с маслом никогда не были пусты, так что и пророк, и вдова с сыном имели чем питаться в продолжении двух лет с половиной. Кроме этого благодеяния, пророк воскресил умершего сына вдовы.

Прошло уже три года с половиной с тех пор, как Илия объявил Ахаву о наступающем бездождии. Царь израильский с первого раза, конечно, не поверил, чтобы пророк мог своим словом удержать падение росы и дождя. Но засуха, продолжавшаяся год, другой и более, а вследствие засухи и голод, заставили Ахав искать Илию. Царь посылал спрашивать о нем в соседних царствах, но получил один ответ, что нет его. Наконец, по повелению Божию, Илия сам явился к нему. Ахав, только что увидел Илию, сказал: "А, это от тебя столько бед Израилю!" — "Не от меня, — отвечал ему пророк, — а от тебя и от дома отца твоего, это вы оставили заповеди Господни и пошли вслед за Ваалами". И он предложил Ахаву собрать к нему на гору Кармил всех израильян и всех лжепророков Иезавелиных. Ахав собрал. Тогда Илия обратился ко всему народу и сказал: "Долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то следуйте за Ним, а ежели Ваал, то за ним идите". И не отвечал народ ему ни слова. И сказал Илия народу: "Из пророков Господних остался я один, а пророков Вааловых 450, да пророков Астартиных 400. Пусть дадут нам двух тельцов: одного тельца пусть возьмут они, рассекут его и положат на дрова, но огня пусть не кладут; а я приготовлю другого тельца, положу на дрова и огня тоже не подложу. И призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа, Бога моего. Тот Бог, Который даст ответ посредством огня, и есть истинный Бог". Весь народ воскликнул, что это прекрасно сказано. Тогда сказал Илия лжепророкам Вааловым: "Выберите себе одного тельца и приготовьте прежде, потому что вас много. И призывайте имя богов ваших, но огня не кладите". Они вынуждены были взять тельца, приготовили его и стали призывать имя Ваалово. С утра до полудня кричали они: "Ваале, Ваале, послушай нас!" — Но не было ни голоса, ни ответа. В полдень Илия, в поругание суеверию, говорил им: "Кричите громче, известное дело: он — бог, может быть, он

задумался или занят чем-либо, или в дороге, а может быть и спит, — так проснется". Они кричали еще громче, кололи себя, по своему обыкновению, мечами и копьями, так что обливались кровью. До самого вечера бесновались они, но не было никакого ответа. Наконец, Илия обратился к народу и сказал: "Подойдите ко мне". Народ весь придвинулся к нему. И взял Илия 12 камней, и построил из них жертвенник Господу, вокруг жертвенника провел ров, разложил дрова на жертвеннике. Рассек тельца и положил на дрова, потом велел наполнить четыре ведра водой и вылил на жертву; и это велел сделать и в другой, и в третий раз. И полилась вода вокруг жертвенника со всех сторон, и наполнила самый ров. Тогда стал Илия пред жертвенником и сказал: "Господи, Боже Авраамов, Исааков и Израилев! Покажи ныне, что Ты — Бог Израиля, а я — раб Твой и по слову Твоему совершаю все сие. Услыши меня, Господи, услыши меня ныне в огне. Пусть народ сей ведает, что Ты — Господь Бог, и Ты обратишь сердце их к Себе!"

И ниспал огонь от Господа, и пожрал все сожжение, и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду, которая во рве. Увидев это, весь народ пал лицом на землю и воскликнул: "Господь есть Бог, Господь есть Бог!" — И сказал им Илия: "Схватите пророков Бааловых, и чтобы из них не ушел никто". Их схватили. Илия отвел их к ручью Киссон и там казнил всех их смертью, по закону Моисееву, за соращение народа в идолопоклонство. Потом взошел он на вершину горы Кармил, припал к земле и стал молиться. И вдруг поднялся вихрь, небо со всех сторон покрылось тучами и зашумел сильный дождь...

Вспоминая это ветхозаветное чудо, апостол Иаков, брат Божий, пишет: много бо может молитва праведнаго поспешествуема. Илия человек бе подобострастен нам, и молитвою помолися, да не будет дождь: и не одожди по земли лета три и месяц шесть. И паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плод свой (Иак. 5; 16, 17, 18).

Когда и мы своими грехами наведем на себя гнев Божий, когда и для нас будет небо медяно и земля железна. Не будем, братие, много вдаваться в рассуждения: отчего да почему это случилось? Лучше поскорее прибегнем к Богу в смиренном покаянии, будем просить молитвенной помощи у пророка Божия Илии, и его святая молитва, споспешествуемая нашим покаянием и воплями сердечными, низведет и ныне благодатный дождь на наши поля иссохшие, и на них зашумит дождь, как Божие благословение и милость кающимся грешникам! Аминь.

674. Целитель всемилостивый

Кто из православных русских людей не слышал, что на святой горе Афонской есть русская обитель во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона? Много явил милостей русским людям этот воистину "всемилоостивый" (так толкуется по-русски имя его) страстотерпец, и потому

из всех святых безсребренников особенно благоговейно почитает его наш русский народ. Вот краткое сведение о его жизни и страданиях.

Родители его жили в Никомидии. Отец Евсторгий был язычник, мать Еввула — христианка. При рождении ему дано было имя Пантолеон ("по всему похожий на льва"), но за его милости к страждущим Сам Господь наименовал его Пантелеимоном. Благочестивая мать учила малютку-сына верить во единого Бога, но пожила недолго и отошла ко Господу, а отец отдал его сначала в языческие школы, а потом к знаменитому царскому врачу Евфросину, чтобы тот научил отрока врачебному искусству. Часто бывал он со своим учителем в царских палатах и потому стал лично известен самому царю Максимиану.

В то время жил в Никомидии, укрываясь от гонений, святой старец, пресвитер Ермолай. Пантолеон ходил к Евфросину мимо убежища этого старца. Ермолай заметил его и, провидя духом, что из этого юноши выйдет избранный сосуд благодати Божией, раз пригласил его зайти к себе. Пантолеон зашел. Старец подробно расспросил его: кто он, какой веры, чему обучается? Юноша все рассказал ему о себе. Тогда святой старец начал говорить ему: "Поверь мне, добрый юноша, что все эти прославленные врачебные науки Эскулапа и Гиппократы мало помогают людям. Да и самые боги, которых почитают и царь, и отец твой, — только басни и обман один. Есть только один истинный и всемогущий Бог — Иисус Христос. Вот если в Него будешь верить, то одним призыванием Его имени будешь исцелять все возможные болезни. Он исцелял слепых, очищал прокаженных, воскрешал мертвых, одного прикосновения к Его одеждам уже было довольно, чтобы исцелиться кровоточивой женщине. Он и теперь наш крепкий помощник во всех наших бедах и скорбях. Он не ждет, пока мы обратимся к Нему с молитвой, Он предваряет самые движения нашего сердца". И долго ведал старец Ермолай юному Пантолеону о Христе Спасителе и о вере христианской, и юноша внимал с благоговением его словам. В учении старца ему слышалось что-то родное, знакомое. "Я часто слышал об этом когда-то от моей матери, — сказал он, наконец, Ермолаю, — я часто видел, как она молилась тому Богу, о Котором ты говоришь мне". И стал Пантолеон каждый день, возвращаясь от Евфросина, заходить к старцу Ермолаю, и глубоко западало в его кроткую душу слово спасения, как семя благодатное на добрую землю.

Раз видит он на дороге мертвого мальчика, которого ужалила змея. Тут же неподалеку лежала и сама эта гадина. "Вот, — подумал про себя Пантолеон, — прекрасный случай проверить, правду ли говорит Ермолай", — и, возрев на небо, он сказал: "Господи Иисусе Христе! Хотя я и не достоин призывать Тебя, но если Тебе угодно, чтобы я был раб Твой, яви силу Твою: пусть оживет отрок сей, а ядовитая гадина пусть умрет!" — И тотчас же мальчик встал, как бы от сна, а змея разорвалась надвое и стала мертва. Тогда юный Пантолеон с радостью возблагодарил Бога и поспешил к

святому Ермолаю. Рассказав ему чудо это, он просил Святого Крещения и в тот же день был окрещен и причастился Святых Таин.

Семь дней провел он у старца, а когда вернулся домой, отец спросил его: где он был? — ответил ему: "Все это время мы с учителем моим не отходили от больного любимца царского, который лежал во дворце, теперь он стал здоров". Прикровенно назвал учителем своим Ермолая, а под именем больного разумел душу свою, которую возлюбил Христос, Царь Небесный. Спросил его и врач Евфросин: где он был? И ему отвечал Пантолеон: "Отец мой купил хорошее поле и поручал мне осмотреть его", — причем под именем поля разумел истинную веру Христову. И стал святой юноша заботиться, как отца своего привести к вере во Христа. Он предлагал ему разные вопросы, которыми наводил сомнение в богах языческих, например: "Отчего это, отче, все боги как поставлены, так и стоят, и не садятся, а те, которые сидят, никогда не встают?" — и подобное. Отец стал задумываться, перестал почитать своих идолов, а Пантолеон радовался и ждал, пока Бог просветит его доброго отца светом веры истинной.

И вот раз привели к нему как врачу слепого. Несчастный умолял о помощи и говорил, что все свое достояние отдал врачам и никакой от них пользы не получил. "А мне что дашь?" - спросил его Пантолеон. "Готов отдать последнее, что есть у меня", — отвечал тот. "Прозрение подаст Бог рабом Своим истинным, мной, — сказал юный врач, — а что обещаешь мне, то раздай нищим". Услышал это отец его и заметил ему: "Не берись, чадо, за такое трудное дело, которое было не по силам врачам более тебя опытным". — "Но я знаю средство, — сказал Пантолеон, — которое им неизвестно, ведь большая разница между ими и моим учителем". Он разумел святого Ермолая, а отец думал, что сын говорит об Евфросине, и потому заметил ему: "Я слышал, что и учитель твой не помог этому слепцу". — "А вот подожди и увидишь силу моего лекарства", — сказал Пантолеон, и, коснувшись рукой очей слепого, произнес: "Во имя Господа моего Иисуса Христа, просвещающего слепых, прозри!" — И слепец прозрел! И уверовал Евсторгий во Христа, и принял Крещение от Ермолая. И сокрушили они всех идолов в своем доме.

Прошло немного времени, и умер Евсторгий, а Пантолеон отпустил всех рабов своих на свободу, щедро одарив их, и стал раздавать все имение, что осталось после отца, бедным и убогим, сиротам и вдовицам. Он обходил темницы, утешая и исцеляя страдальцев за Христа. Отовсюду приносили к нему больных, и никому не отказывал во врачевании благодатном врач сей все милостивый. И славно стало по городу имя врача Пантолеона, никто не хотел и знать других врачей, кроме сего врача безмездного. Могли ли спокойно смотреть на это врачи-язычники? И вот они оклеветали святого Пантолеона пред царем Максимианом, а еще сказали, что он ходит по темницам и лечит хулителей богов их, то есть мучеников Христовых, что и сам он — христианин... Тогда царь призвал к себе того слепца, которого исцелил Пантолеон, и спросил его: как тот исцелил его? — "Он призвал имя

Христово, — сказал исцеленный, — и я прозрел". — "Не вспоминай имя Христа, — сказал ему царь, — это боги тебя исцелили". — "Сами слепы боги твои, — отвечал тот, — да и ты подобен им, не видишь чуда Божия". Тогда царь приказал отсечь главу сему исповеднику Христа, и позвал к себе самого Пантолеона. Он сначала ласково спросил его: правда ли то, что про него слышал он, будто он хулит богов их, и предложил тут же принести им жертвы. Святой юноша предложил царю на деле испытать: могут ли их боги творить то, что творит Христос: "Прикажи сейчас вот принести какого-нибудь неизлечимого больного; пусть жрецы твоих богов призовут Эскулапа и других, каких хотят, своих богов, и исцелят несчастного. Призову и я Бога моего, и ты увидишь силу Его". Царь приказал, и принесли расслабленного, который был неподвижен, как дерево. Напрасно призывали жрецы своих богов, конечно, не было ни гласа, ни послушания. Призвал святой Пантолеон имя Господа Иисуса Христа, и больной встал здоров...

Но чудо не вразумило царя и его жрецов, хотя многие из народа уверовали тут же во Христа. "Принеси жертву нашим богам", — грозно сказал Максимиан. Пантолеон отказался решительно исполнить это повеление. И начали его мучить: сначала повесили обнаженного на дерево, стали строгать железными когтями тело его, прижигая раны его, а он молился. Тогда явился ему в образе Ермолая Сам Господь и сказал: "Не бойся, Я с тобою". Тут вдруг ослабели руки мучителей, выпали орудия пытки из них... Царь приказал растопить в котле олово и бросить туда страдальца Христова. И опять явился Господь Своему мученику, и погас огонь, когда вошел он в котел, и славил Бога страстотерпец. Тогда царь велел потопить его в море. Исполнено приказание, бросили его в море, но Господь паки явился ему и вывел его на берег невредимым. Вывели зверей лютых, чтобы они растерзали мученика, но и звери не коснулись его. Как кроткие овечки лизали они ноги его, а он ласкал их рукою... Народ, видя это, стал кричать: "Велик Бог Христианский! Отпустить невинного юношу!" — Но разгневанный мучитель приказал убивать тех, кто славил Христа, и избили много сих исповедников, и также и зверей за то, что не коснулись они мученика. "Слава Тебе, Христе Боже, — говорил мученик, — что за Тебя и звери умирают, не только люди!" — Привязали его к страшному колесу с острыми в нем гвоздями, стали вертеть, но и колесо разлетелось, а он остался невредим... "Кто научил тебя такому волшебству?" — сказал царь. "Это вовсе не волшебство, — отвечал он, — это сила Христова. А вере во Христа научил меня пресвитер Ермолай". — "Где твой Ермолай?" — Мученик провидел, что настало время венца мученического и для святого старца, вызвался привести его. И привел. Приведены были еще два раба Божия — Ерпипп и Ермократ. И все эти исповедники Христовы тут же прияли мечное посещение. Настала очередь и Пантолеона. Царь приказал отсечь ему главу. Привязали его к масличному дереву, один воин ударил мечом, но меч согнулся, как восковой, потому что мученик не окончил своей молитвы. Воины упали к ногам его, просили его молитв за себя. Святой стал молиться, и вот с неба послышался

голос, называющий его Пантелеимоном и призывающий в райские селения. Тогда он радостно преклонил главу под меч, и вместо крови истекло чистое млеко... И многие уверовали во Христа. Святое тело его царь приказал сжечь, но оно осталось от огня неврежденным, и верующие предали его погребению. Молитвами милостивого целителя исцели немощи наша, Господи Боже всемилостивый, и помилуй нас! Аминь.

675. Преподобный Прохор Лебедник

Во дни княжения Святополка Изяславовича в Киеве прииде из Смоленска в Печерский монастырь блаженный Прохор, и даде себе воздержание великое, яко и хлеба обычного лиши себе, но собирая зелие лебеду и своими руками стирая, хлеб себе творяше, и тем питашеся. Сие же приготавливаше во время летнее на весь год, яко не требовати ему обычного хлеба во вся дни жития своего, и того ради прозван бысть "Лебедник"; зане, кроме просфоры в церкви, в келлии ниже овощи когда ядаше, но точию лебеду, якоже не ино что пияше, кроме воды.

Видя же Бог терпение святого в толицем воздержании, претвори ему горечь оную хлеба, творимого из лебеды, в сладость, и бысть ему вместо печали радость. Не скорбел бо сей блаженный николиже, но всегда радуяся работаше Господеви, и за зелие то, приготованное на год, укоряше себе, глаголя: "Прохоре! В сию ночь душу твою истяжут от тебе, а же уготовал еси, кому будет?"

Егда же сице подвизашеся святой, наста в российстей земли глад велик, и того ради смерть належаще людем. Бог же, хотя прославити угодника Своего и помиловати люди Своя, умножи тогда лебеду зело паче иных лет. Тем же блаженный Прохор труд болий творяше себе, собирая безпрестанно зелие то, своими же руками стирая и хлебы из него творя, яже раздаваше ниимущим и изнемогающим от глада. Видевше же его нецыи собирающа лебеду, начаша и тии собирати такожде себе, да препитаются во время глада, — но не можаху от горести ясти. Тогда вси требующии обратишися ко святому. Он же всем невозбранно хлеб свой, из лебеды сущий, подаваше, и всем ядение тое сладко, яко бо с медом смешано было, являшеся, — так что не только хотети им хлеба из пшеницы суцаго, но лишь сего, от былия испеченного руками блаженного Прохора.

Обаче и то чудно есть, яко хлеб той, точию с благословением от блаженного дан сый, светел и чист являшеся и сладок в снедь бываше. Но аще кем тайно бывал взят, черн, аки персть, и горек, аки полынь, обреташеся. Ибо некто от братии без благословения взя втайне у блаженного хлеб и хотяще ести, и се обретесе в руках его, яко персть, во устех же горек, аки полынь, — темже не можаше ясти. Сие же многажды сотворися ему, он же стыдящеся поведати блаженному согрешения того и с благословением хлеба просити у него. Обаче гладей сый зело, видя смерть пред очесы своими, прииде ко игумену Иоанну и исповеда ему бывшее, прося прощения. Игумен

же, не веровав реченному, повеле иному брату взяти хлеб у святого отай, да разумеет истину, аще тако есть. Принесену же сице бывшу хлебу обретесе такожде, якоже и первый брат сказа: не можаше бо никто вкусити его от горести. Сему убо хлебу суще еще в руках их, посла паки игумен ко святому, испросити хлеб, да от благословения его будет. "Отходяще же, — рече, — от него, возьмите и другой хлеб отай". Сим же принесенным бывшим, хлеб, втайне взятый, пременяся пред ними и бысть черный, аки персть, и горек, аки полынь, — якоже и первый. А хлеб, взятый от руки его, светел явися и сладок бысть, аки мед. И тако сему чудеси бывшу, пройде слух о блаженном Прохоре всюду, и многи препитав алчным, многим на пользу бысть.

В то убо время велие нестроение сушу и грабление беззаконное, не пустиша купцов к Киеву из Галича и Премышля. И не бысть соли во всей российской земли, и бе видети тогда людей, сущих в велицей печали. Блаженный же Прохор, видев скудость ту, собра в келлию свою множество пепела от всех келлий и, помолився Господу, нача раздавати всем, соли требующим, пепел той, из негоже бываше соль чиста молитвами блаженного; иже елико раздаваше, толико паче умножашесе, яко не токмо довольно бысть монастырю, но и мирстии люди, приходяще к нему, взимах изобильно на потребу домом своим. Не взимаше же святой ничтоже, но туне всем раздавши, елико кто требоваше. Тогда воздвиже враг зависть в продающих соль на торжище, яко не получиша желания своего. Мниша бо в тья дни всего мира богатство приобрести за соль, и се бысть им тщета велия. Приидоша убо ко князю Святополку и клеветаша на блаженного, глаголюще: "Яко Прохор, черноризец Печерского монастыря, отья от нас богатство многое: обрати бо к себе по соль всех невозбранно. Мы же, дани дающе тебе, избыти своя соли не можем, и ради его обнищавом". Посла убо Святополк, да возмут соль всю от Прохора, и егда привезена бысть, прииде сам, хотя видети ю, с теми крамольники, иже клеветаша на блаженного. И видеша вси, яко пепел явися во очестех их. Рече же князь неким, да вкусят, и пепел такожде обретесе во устех. Тогда много дивишася изменению тому и недоумевахуся. И повеле князь сохранити то до трех дней.

Множество же народа, по обычаю, приходях к блаженному, хотяще взимати соль. Блаженный же рече им: "Егда изсыпана будет от князя вон, тогда вы шедше соберите себе". Князь убо, продержав ю до трех дней и ничтоже, кроме пепела, получив, повелел нощию иссыпати вон. Пепел же той иссыпанный абие преложися паки в соль, и уведавше граждане, стекошася и взимаху то радующесе. Сему же предивному чудеси бывшу, ужасесе князь, сотворивый насилие. Не могый скрыта вещи (зане пред всем градом сотворися), нача испытovati, что есть дело сие. Тогда сказаха ему вся творимая блаженным Прохором не токмо о соли той, из пепела бывшей, но и о хлебах из лебеды, имиже множество народа препита, и како сладки обретахуся, егда от рук его принимаше кто со благословением, и како же горьки, егда кто отай взимаше. Сия слышав, князь Святополк устыдесе о деле своем. Прохора же блаженного зело почиташе и блажаше, ведый его раба

Божия истинного быти. Пред нимже и даде слово Богу, ктому не творити насилия никомуже, еще же и слово утверди к блаженному, глаголя: "Аще аз по изволению Божию прежде тебе от мира сего отыду, ты своими руками во гроб мя вложи, да тако беззлобие твое явится на мне. Аще ли ты преставишися прежде мене, то аз, на рамена моя возьму, в пещеру внесу тя, да того ради о многосотворенном к тебе грехе моем Господь прощение подаст мне".

Сице слову утвержденну бывшу, блаженный Прохор поживе лета довольна богоугодно житием непорочным и жестоким. Посем разболеся, князь же Святополк изыде тогда на брань противу половцев. Тогда посла к нему блаженный, глаголя: "Яко приближися уже час исхода моего от тела, аще хочещи убо обещание твое исполните и оставление грехов прияти от Бога, прииди, да прощение возьму, и своими руками вложи мя во гроб; се бо ожидаю твоего пришествия". Сия слышав, Святополк абие воевод оставив, прииде скоро к Прохору болящему. Преподобный же много поучив князя о милостыни, о будущем Суде, о вечной жизни и о бесконечной муке, даде ему прощение и благословение, и целова всех сущих с князем, таже воздев руце свои горе, предаде дух свой в руце Божии. Князь же, взяв с черноризцы тело преподобного, несе в пещеру и во гроб вложи своим руками. По погребении же святого поиде на брань и многую победу прия на безбожные агаряны, плени вся страны половецкие и приведе их в землю свою. Сия же бысть победа, Богом дарованная российской земли, по молитвам преподобного Прохора.

(Из Киево-Печерского "Патерика")

676. Что делать в праздник?

Однажды Иисус Христос, в день субботний учил в синагоге, по нашему в молитвенном доме, куда обыкновенно евреи собирались по праздникам на молитву для слушания как Священного Писания, так и наставлений своих книжников. Там находилась в числе богомольцев одна несчастная женщина, которую злой дух связал тяжким, неизлечимым недугом: она была скорчена и никак не могла выпрямиться. Можно думать, как она с мольбой взирала на великого Чудотворца, почему Господь и подозвал ее к Себе, возложил на нее Свои Божественные руки и сказал: "Жено, отпущена еси от недуга твоего!" — И она тотчас выпрямилась и стала славить Бога. Такое чудесное благодеяние Спасителя, оказанное многолетней страдальце, должно было бы внушить всем, кто был свидетелем этого чуда, глубокое благоговение к Благодетелю. Особенно должны бы, кажется, понимать это книжники иудейские, — ведь они были учителями народа. Но вот они-то и возмутились лицемерным негодованием на Господа — за то именно, что Он совершил чудо в субботу: по их понятиям в этот день нельзя было касаться никакого дела, хотя и самого доброго. Они не посмели высказать свой упрек прямо Иисусу Христу, может быть, совесть не позволяла им сделать это, или же

просто они боялись Его Божественного обличения. Однако начальник синагоги не утерпел, чтобы не сделать выговора всему народу, который собрался в синагогу. "На то шесть дней в неделе, — сказал он, — чтобы делать. В эти шесть дней и приходите исцеляться, а не в день субботний".

Тупоумие и лукавство лицемера не могло остаться без строгого обличения, и Господь сказал ему: «лицемере! кождо вас в субботу не отрешает ли своего вола или осла от яслей и ведь напаяет; Сию же дочь Авраамлю сушу, юже связа сатана се осмоенадесятелето, не dospяяше ли разрешитися ей от юзы сея в день субботний» (Лк. 13; 15, 16)? Нечего было сказать против такого сильного обличения, и враги Христовы должны были со стыдом замолчать.

Какой поучительный урок заключается и для нас, братие, в этих словах Спасителя нашего! Он учит нас, что не только можно, но и должно делать добрые дела в праздничные дни, что праздники не для того установлены, чтобы проводить их в совершенном бездействии и праздности, как проводили и теперь проводят их евреи, что именно в праздники-то, как дни Божии, и следует как можно больше делать добра во славу Божию, потому что Господь гневается на тех людей, которые в праздничные дни сами не делают и других отвлекают от добрых дел. — Какие же добрые дела подобает нам делать в праздники?

Нет надобности говорить, что в праздники православный христианин должен непременно быть в церкви Божией у всех служб праздничных. Это и без того всякий знает. Кто не был в праздник в церкви Божией, у того может ли быть праздник на душе? Но вот, окончилась служба Божия. Пришел ты домой, отдохнул, пообедал, с домашними побеседовал. Что будешь делать потом? Возьми Слово Божие, жития святых, писания святых Отцев, почитай вместе с твоими присными. Напитай ими как свою, так и их душу. Слово Божие и писания богомудрых Отцев дивным образом утоляют жажду души, а жития святых на деле показывают нам, как надо жить, чтобы Богу угодить, как Бога и ближнего надо любить.

Но не весь же день будешь читать, не все дома сидеть. Куда же лучше пойти? А вот послушаем, что советует премудрый царь Соломон. Он все изведal на опыте и свидетельствует, что «благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира» (Еккл. 7; 3). И воистину, благо посетить скорбящего, проведать болящего, утешить печального, облегчить горе несчастного словом теплого сердечного к нему участия! Есть у святых Отцев такое изречение: "И боля, и служай едину мзду примут". Болящий примет награду от Бога за свое терпение и преданность в волю Божию, а служащий болящему, посещающий его, утешающий его будет участником в его награде за то, что делил с ним скорби его, сострадал ему, помогал ему нести крест болезни и скорби нелегкой. Когда ты сердцем сострадаешь ближнему, то и твое собственное сердце невольно смягчается, согревается любовью, отвращается от житейской суеты и стремится в молитве к Богу Спасителю, призывающему к Себе всех скорбящих и обремененных. Испытай, и ты сам

познаешь то великое благо, о котором говорит Соломон. Пойди в день праздничный к постели болящего. Если он бедняк, то снеси ему, что можешь, на утешение, а главное — утешь его своей любовью, почитай ему от Слова Божия, от житий святых, особенно святых мучеников и страдальцев, каковы были Пимен Многоболезненный, Иоанн Многострадальный, преподобный Досифей и другие. Прочитай с ним Канон празднику, акафист Христу Спасителю нашему Сладчайшему Утешителю или Пречистой Его Матери. О, как радостно встретит тебя твой болящий брат! Как тепло помолится за тебя, как за своего доброго Ангела-утешителя!

Но одни ли болящие нуждаются в утешении? Иного гнетет нужда безысходная; нет у иного лошади, чтоб обработать поле и засеять его, да и чем он будет засеивать? Нет в запасе ни зернышка. Помоги ему, брат, чем можешь. Если нет у тебя лишних семян, то, ради праздника, вместо милостыни, обработай ему его полосу, а другой добрый человек одолжит ему и семян на посев, — вот и сделаете его счастливым, и благословит вас Господь за такую братскую любовь к ближнему. У иного изба валится на сторону, а сам он не в силах поправить ее, — великое добро сделаешь, если, хоть в праздник, поможешь ему починить ее, поправить, как умеешь. А там где-нибудь по соседству сиротки плачут: нет у них ни отца, ни матери, а если и есть мать, то больная да хилая. Вот тебе и еще случай Бог посылает сделать доброе дело: помоги им, ради Христа, чем можешь, как тебе Бог на душу положит! Если уж нечем тебе поделиться с ними, то хоть позови кого-нибудь из них в праздник пообедать к себе, приласкай их по-родному, поверь, что они за тебя помолются так, как, может быть, не молятся за тебя и родные детки твои! Не грех, вовсе не грех для праздника и поработать, вспахать или засеять поле этих сироток, привезти им дровец из своего леса, перевезти и смолотить снопы с их поля... Только пожелай, а уж совесть твоя сама подскажет тебе, когда какое доброе дело надобно сделать во славу Божию в день праздничный. Иногда в будни-то у тебя своего дела много, не до того, чтобы на людей работать, а вот в праздник, в Божий день, своего дела нельзя делать, — грешно, Богом запрещено, а для бедняка потрудиться — все равно, что Богу свечу поставить или милостыню подать. Праздник не на то Господом Богом установлен, чтобы проводить его в праздности. Нет, Господь прямо сказал: день же седьмый — всякий день праздничный — отдавай

Господу Богу твоему. Это значит — отдавай его на дела, Богу угодные, а не на твои дела житейские. Поживи хоть один день в неделю по-Божии, потрудись для Господа Бога, а Он сказал: елика сотвористе единому братий Моих меньших — Мне сотвористе! Что сделаешь для ближнего из любви к нему, ради Бога, а не ради твоей корысти, выгоды, то все равно, что для Самого Господа Бога сделал — вот какая великая милость Божия к нам! Хочешь ты Самому Господу Богу угодить, Ему, милосердому, послужить, — послужи своему ближнему, и Он, наш Господь и Спаситель, примет это от тебя, как бы ты Ему Самому послужил.

Есть у вас, братья мои, обычай, собирать так называемую "помочь" по праздникам. Видимое дело: когда-то, в добрые старые времена, наши предки благочестивые в праздники имели святой обычай — по праздникам помогать трудами своими одиноким, престарелым, больным и бедным соседям своим. Это была с их стороны праздничная милостыня для бедняков-соседей. Как жаль, что у нас этот святой обычай совсем извратился: идут на "помочь" не к бедняку беспомощному, а к тому, кто лучше угостит, и думают, что делают доброе дело — ближнему помогают! Нет, это не доброе дело, а греховное, тут не ради Господа Бога люди трудятся, а ради чрева своего, не ближнему своему, а чреву своему служат! Это хуже, чем на себя работать. Кто на себя работает, тот только у Господа Его святой день отнимает, а кто идет на "помочь", чтобы за такую помощь потом даровой водкой воспользоваться да поесть получше — тот не только день святой у Господа отнимает, но и отдает этот день чреву своему, а это уж, как хотите, идолопоклонство! Апостол Христов о таких служителях чрева своего прямо говорит: «Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву» (Рим. 16; 18); «имже бог чрево» (Флп. 3; 19).

Особенно прискорбно видеть эти "помочи" в летнее время. В церкви Божией идет служба праздничная, а в лесу и в поле идет кипучая работа: у человека состоятельного ныне-де "помочь", — косят или жнут, а вот кончится служба в церкви — у этих работников пьянство начнется, хозяин полей угощать их будет... Что это, как не поругание над праздником Господним?

Нет, да не будет сего, братья, да святится день Божий святыми делами: молитвой, чтением Слова Божия и помощью ближнему, а не угождением своему чреву! Аминь.

677. Слово о Царстве Небесном

«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11; 28). «Вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25; 21). Кто это призывает к Себе так милостиво? Это Сам Господь наш Иисус Христос, единородный Сын Божий, это Он пришел к нам с высоты небесной и зовет нас туда. О, Божественного и возвышенного гласа! Кто не откликнется на него, кто не поспешит на эту Божественную вечную радость? Поистине, здесь — плачь, а там — радость; здесь — юдоль плачевная, а там — утешение; здесь — временная гостиница, а там — вечное жилище; здесь — труды, а там — покой; здесь — одни только желания, а там — всех желаний исполнение. Возблагодарим же Благодетеля нашего Бога, восприимем ризы душевные, то есть добродетели, и поспешим в Царство Небесное. Что радостнее сего, как получить от смирения славу, от нищеты — богатство, от смерти — жизнь, от земли — небо? «Око не виде, ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его!» Если Божественный Павел говорит, что он слышал в раю неизреченные слова, которых человеку

нельзя пересказать, — то нам ли постигнуть все небесное благолепие, когда мы и о многих земных вещах не имеем понятия? Невозможно тленному человеку уразуметь нетленное. Говорите, сколько угодно, слепорожденному о солнце, луне и звездах, о цветах полевых и камнях самоцветных, — он не поймет красоты их. Так и нам не постигнуть красоту рая Божия! Мы только веруем, что неложен Тот, Кто сказал: «Вниди в радость Господа твоего. Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира» (Мф. 25; 34). Кого из святых Божиих коснулся хотя один луч этой небесной красоты, тот уже с томлением сердца взывал: «Увы мне, яко прищельствие мое продолжится... когда прииду и явлюся лицу Божию?» (Пс. 119; 5. 41; 3). «Желание имый разрешшися, и со Христом бытии» (Флп. 1; 23). «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко» (Лк. 2; 29).

Дивно, поистине дивно жилище небесное, где уже нет боязни греха, где нет ни ссоры, ни зависти, нет никакого попечения, но во всем вечный покой, тишина, радость и мир. Нет и помина о смерти, о лжи, о клевете, но во всем одна истина и правда. О, как возлюблены и светозарны селения Господни, в которых пребывают души праведных! Как не воскликнуть с Давидом: «Желает и скончается душа моя во двory Господни, сердце мое и плоть моя возрадовастся о Боже живее» (Пс. 83; 3); «яко желает елень на источники водныя, сие желает душа моя к Тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу Крепкому, Живому: когда прииду и явлюся лицу Божию» (Пс. 41; 2, 3)? О пресветлый. Богом украшенный небесный Сион! Какой язык в состоянии поведать о тебе хоть малое нечто? Великий Богослов — сын громов, говорит в своем Откровении, что ты весь построен из чистого золота и камней драгоценных. Но какое это золото, какие камни? Очевидно — не земные, а небесные, нерукотворенные, несказанные. Как солнце превосходит всякий земной свет от огня, так, и еще больше, эта красота небесная превосходит всякую красоту земную. О, граде святыи Преплагото бессмертного Царя, где нет печали и воздыхания, но вечная жизнь и радость! Там вечно воспевается Ангельское пение: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя! Там всегда слышится: Аллилуиа, благословенна слава Господня от места своего! Что сладостнее, что предивнее сего пения досточудного? Не слышно там: «в поте лица твоего снеси хлеб твой; терпение и волчец возрастит тебе земля; не слышится там: в болезнех родиши чада» (Быт. 3; 16-18), — там все мир, радость, благодать, веселие, сладость, кротость, правда, любовь...

Вспомнить ли Адама в раю? Но небесный рай лучше земного настолько, насколько небо лучше земли. Представить ли узника, который вдруг возведен на царский престол? Но и это сравнение не дает никакого понятия о рае Божиим. Светлее лучей солнечных просияют тогда праведники от славы Божией. Малый луч Божества показал Христос на Фаворе, и лице Его просияло, яко солнце, и ризы Его стали белы, яко свет. А Павел апостол говорит, что мы будем сообразны телу славы Его. Когда Моисей сходил с Синая после беседы с Богом, то лицо его сияло так, что евреи не могли

смотреть на него. Но если и в тленной плоти Пророк так просветился от лицезрения Божия, то кольми паче сие надобно разуметь о теле нетленном? Хочешь ли знать о славе праведных? Слушай, что говорит Евангелист: «даде им область чадом Божиим бытии» (Ин. 1; 12). Желает ли иметь понятие о чести их? Слушай, что пишет Павел: «Ведяще, яко воздвигий Господа Иисуса, и нас со Иисусом воздвигнет, и предпоставит с вами» (2 Кор. 4; 14). Хочешь знать об их обителях? Они будут не земные, а небесные, как говорят те же Боговещанные Павловы уста: «восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем» (1 Сол. 4; 17). «Наше житие на небесех есть» (Флп. 3; 20). И Сам Господь говорит: «В дому Отца Моего обители многи суть» (Ин. 14; 2). Хочешь ли знать о богатстве их? Об этом сказано, что они будут сонаследниками Христу, значит — им принадлежать будет все, что принадлежит Христу. Желает ли знать о нетлении плоти их? «Там, говорит Господь, ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть» (Мф. 22; 30), — и как Господь по Воскресении входил к ученикам при затворенных дверях, так и тела праведных будут легки и духовны. Не будет там смерти, не будет голода, болезней, скорбей и тьмы, — там будет вечный свет, непрестающий день от вечного Солнца — Самого Христа. Не будет там зимы и лета, — будет вечная весна. Но какой язык может описать бессмертное блаженство Царства Небесного? Там великая свобода: «вышний Иерусалим, свобода есть» (Гал. 4; 26). Там непрестанное пение и радость: глас радости и спасения в селениях праведных. Там нет зла, нет бедствий: «не приидет к тебе зло и рана не приблизится к телеси твоему» (Пс. 90; 10). Так все чисто, никто не может согрешать: «путь чист и путь свят наречется, и не преидет тамо нечистый» (Ис. 35; 8). Там насытится наше желание: «насыщуся, внегда явити ми ся славе Твоей» (Пс. 16; 15). Там все ублажаются: «Блажени живущии в дому Твоем» (Пс. 83; 5). О преблаженное отечество! «Лучше день един во дворех Твоих паче тысящ» (Пс. 83; 11). Все здешние палаты раззолоченные — игрушки в сравнении с тамошними; все одежды златотканые — только паутина одна! И песни, и музыка, и пенье соловья — все это только плачевные стоны в сравнении с пением небесным!

О, как неизреченно человеколюбие Божие к нам, грешным! Такие награды уготовало оно за маловременные труды на земле! О, какое несказанное богатство щедрот Божиих! Нас, бывших врагами Его, Бог примирил с Собою и показал нам путь на небо, и приготовил там неизреченные блага для любящих Его, — какую славу, какое благодарение вознесем всещедрому Благодетелю, Творцу нашему? Если бы мы и со всех концов вселенной воскликнули Ему гласом благодарения, — и тогда не воспели бы по достоинству Его неизреченное милосердие. Поистине, велика милость и дивны щедроты Его, когда Он, столь пребогатый, благоволил примирить с Собою и сделать нас сынами и сонаследниками Своими — таких ничтожных! Кто не вострепещет душой, помышляя о таком Его милосердии? И кто не восплачет, помышляя при этом о своей лености и

нерадении? Уразумеем это, братие, уразумеем и будем сеять здесь, хотя и со слезами, чтобы там пожать сторичный плод! Кто спит во время битвы, кто нерадив во время жатвы? Позаботимся, други, чтобы не постиг нас вечный голод и неутолимая жажда, как это случилось с тем богачом, который и капли не получил для утоления своей жажды! Поистине, нам следует здесь плакать плачем неутешным. Если мы плачем горько при разлуке с земными родителями, то как не плакать в разлуке с Отцом Небесным? Будем же плакать! Как сами мы утешаем плачущих чад, так и Он утешит нас вечной радостью. Да и как не плакать? Вся красота здешняя — только сон и мечта, вода мимотекущая, трава, скоро увядающая, человек — что свеча, скоро погасающая...

Что здесь на земле — наше? Поистине, ничто не мое! Даже эта плоть, которой облечена душа моя, и та отнимется у меня. Так зачем же я люблю то, чего удержать не могу? Поистине, «не имама бо zde пребывающего града, но грядущаго взыскуем» (Евр. 13; 14), — взыскуем нашего Отечества со слезами и воздыханием. О, как прекрасно и вожделенно наше Отечество Небесное! Ведь все мы на земле — только странники и пришельцы, пребываем здесь, как в гостинице. Зачем же нам так заботиться о здешнем, если оно не наше? Позаботимся о небесном, вот это — наше, иначе как бы и там нам не оказаться пришельцами. Если люди не жалеют трудов для земных дел, то как не потрудиться для Царства Небесного? Ведь оно с усилием берется! Потрудись же, каждый, сколько можешь. Сказано: звезда от звезды разнствует во славе. Не можешь быть солнцем — будь луной, не можешь быть луной — будь звездой, не можешь быть звездой великой — будь хотя малой... Не говорите мне о геенне, ибо лютее всякой геенны для меня лишение Царства Небесного! Увы, душе моя окаянная! Краткие дни жизни дал нам Господь на земле, а мы их проводим в нерадении; придет время — станешь искать этих дней, душе моя, и не обрящешь их. Горе тебе, бедная душа моя, будешь ты горько рыдать, когда увидишь праведных, яко солнце сияющих, в Царстве Небесном, а ты пойдешь за твою леность и нерадение в погибель вечную. Будем же бежать греха, как лютого змия; полюбим добродетель да получим Царство Небесное благодатию Бога, в Троице славимого Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(Из рукописи XVII в.)

678. Христос грешную душу к Себе призывает

Почто ты, человек, Меня оставил?
 Почто Возлюбившего тебя отвратился?
 Почто паки пристал к врагу Моему?
 Помяни, что Я ради тебя с Небес сошел.
 Помяни, что Я ради тебя воплотился.
 Помяни, что Я ради тебя от Девы родился.
 Помяни, что Я ради тебя Младенцем был.

Помяни, что Я ради тебя смирился.
Помяни, что Я ради тебя обнищал.
Помяни, что Я ради тебя на земле жил.
Помяни, что Я ради тебя гонение потерпел.
Помяни, что Я ради тебя принял злословие, поношение, поругание,
бесчестие, раны, заплевывание, заушение, насмешки и позорные страсти.
Помяни, что Я ради тебя со незаконными вменился.
Помяни, что ради тебя Я умер позорною смертию.
Помяни, что ради тебя Я погребен был.
Я сошел с Небес, чтобы тебя на небо возвести.
Я смирился, чтобы тебя возвысить.
Я обнищал, чтобы тебя обогатить.
Я понес бесчестие, чтобы тебя прославить.
Я был изранен, чтобы тебя исцелить.
Я умер, чтобы тебя оживить.
Ты согрешил, а Я грех твой на Себя взял.
Ты виноват, а Я казнь приял.
Ты должник, а Я долг за тебя заплатил.
Ты на смерть осужден, а Я за тебя умер.
И ко всему этому — любовь Моя, милосердие Мое Меня привлекло. Не
мог я терпеть, чтобы ты страдал в таком злополучии.
Ужели ты сию любовь Мою пренебрегаешь?
Вместо любви — платишь ненавистью!
Вместо Меня — любишь грех!
Вместо Меня — работаешь страстям!
Но что же ты нашел во Мне, достойное отвращения?
Ради чего не хочешь придти ко Мне?
Добра ли себе хочешь? — Всякое добро у Меня.
Блаженства ли хочешь? — Всякое блаженство у Меня.
Красоты ли хочешь? — Что прекраснее, паче Меня?
Благородства ли хочешь? — Что благороднее Сына Божия и Сына Девы?
Высоты ли хочешь? — Что выше Царя Небесного?
Славы ли хочешь? — Кто славнее Меня?
Богатства ли хочешь? — У меня всякое богатство.
Премудрости ли хочешь? — Я — Премудрость Божия!
Дружества ли хочешь? — Кто любвеобильнее Меня, Который душу
Свою за всех положил?
Помощи ли ищешь? — Кто поможет, кроме Меня?
Врача ли ищешь? — Кто исцелит, кроме Меня?
Веселия ли ищешь? — Кто увеселит, кроме Меня?
Утешения ли в печали ищешь? — Кто утешит, кроме Меня?
Покоя ли ищешь? — У Меня обретешь покой душе своей!
Мира ли ищешь? — Я — мир душевный!
Жизни ли ищешь? — У Меня источник жизни!

Света ли ищешь? — Аз есмь Свет миру!
Истины ли ищешь? — Аз есмь Истина!
Пути ли ищешь? — Аз есмь Путь!
Вождя ли к Небеси ищешь? — Аз есмь Вождь верный!
Приступить ли не смеешь? — Но к кому доступ удобнее Меня?
Что же, почему же не хочешь придти ко Мне?
Приступить ли не смеешь? — Но к кому доступ удобнее Меня?
Просить ли опасаясь? — Но кому, просящему с верою, Я отказал?
Грехи ли не допускают тебя? — Но Я за грешников умер!
Смущает ли тебя множество грехов? — Но милосердия у Меня еще больше!

«Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11; 28).

(Из творений святителя Тихона, епископа Задонского)

Воздыхания грешной души ко Христу Сыну Божию

1.

Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему!

Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!

Привлецы мене, да прииду к Тебе!

В темнице заключен есмь, Господи, и тьма окружает меня; связан многими узами железными, и несть ми ослабления... Расторгни узы, да буду свободен! Прогони тьму, да узрю свет Твой! Изведи из темницы, да прииду к Тебе!

Даждь ми уши, слышати Тя!

Даждь ми очи, видети Тя!

Даждь ми вкус, вкусити Тя!

Даждь ми обоняние, почувствовать Твое благоухание!

Даждь ми нозе, приити к Тебе!

Даждь ми уста, глаголати о Тебе!

Даждь ми сердце, бояться и любитьи Тя!

Настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей! Ты бо еси Путь, Истина и Живот.

Возьми все мое у меня, и дай мне творить только Твою волю благу!

Отыми ветхое и дай мне все новое!

Отыми сердце каменное и дай сердце плотяное, Тебя любящее, Тебя почитающее, за Тобою последующее!

Дай мне око, да узрю любовь Твою!

Дай мне око, да узрю смирение Твое и последую ему!

Дай мне око, да узрю кротость и терпение Твое и последую ему!

Рцы слово и будет все. Ибо слово Твое — уже дело есть.

Верую, Господи, помози моему неверию!

2.

Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!
Буди душе моей пища и питание!
Буди душе моей жаждущей источник воды живой!
Буди свет помраченной душе моей!
Буди отрада в скорби моей!
Буди веселие в печали моей!
Буди избавитель в пленении моем!
Буди мир и покой в злой совести моей!
Буди премудрость в безумии моем!
Буди ходатай против клеветующих на меня!
Буди оправдание противу грехов моих!
Буди освящение в нечистоте моей!
Буди победа противу врагов моих!
Буди щит противу гонителей моих!
Буди ходатай за меня пред гневом Божиим!
Буди жертва за грехи моя!
Буди крепость в слабости моей!
Буди жизнь против смерти моей!
Буди свет в недоумении моем!
Буди сила в немощи моей!
Буди мне, сироте, Отец вечный!
Буди Судия против оскорбителей моих!
Буди Царь против царства диавольского!
Буди Вождь в пути моем!
Буди Заступник в час смерти моей!
Буди Покровитель по смерти моей!
Буди Жизнь вечная по воскресении моем!
Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!
Даждь славу имени Твоему, мне же спасение вечное!
Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу! Аминь.

3.

«Господи, аще хоцещи, можети мя очистити» (Мф. 8; 2).

«Господи, отрок мой лежит в дому расслаблен, люте стражда..., рцы слово, и исцелеет отрок мой» (Мф. 8; 6, 8).

«Господи, спаси ны, погибаем» (Мф. 8; 26).

«Помилуй мя Господи Сыне Давидов: дщи моя зле беснуется» (Мф. 15; 22). Помилуй мя, Господи, Сыне Божий, душа моя зле беснуется! Господи, помоги мне! Дай мне насытиться от крупниц, падающих от трапезы рабов Твоих!

Господи, Сыне Божий, привел я к Тебе душу мою, имущую бесы — страсти: верую, Господи, помози моему неверию (Мк. 9; 24). Повели им изыти из души моей и не входить в нее!

* * *

Так милосердый Господь наш призывает каждую душу грешную к Себе; так воздыхает и душа кающаяся к своему Спасителю... Но где тот путь, который приводит ко Христу Спасителю? Где душа наша найдет Его, милосердаго своего Господа? — Господь во храме святем Своём (Пс. 10; 3), в Таинствах Церкви Своей, о Которой сказал: «созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей. Ей вверил Он благодать Свою, о ней заповедал: аще же и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко же язычник и мытарь» (Мф. 18; 17). Нигде, кроме Церкви Христовой, не найдешь ты Христа. Пусть разные лжеучители говорят: «се zde Христос или онде, — не ими им веры». Если благодатное призывание Господа коснулось твоего сердца, — спеши в церковь, принеси раскаяние во грехах твоих пред иереем Божиим и от него услышишь слово примирения с Господом, чрез него соединишься с Господом и в Пречистых Таинах Тела и Крови Его, нашего Спасителя. В Таинствах Церкви обретешь ты мир души и силы благодатные для борьбы со своим лютым врагом — привычным грехом...

Господь тебе в помощь, душа кающаяся, Господом призываемая, Господа ищущая!

679. Изречения Варнавы Неподобного

Сокровище вожделенно почует во устех мудраго, — говорит премудрый Соломон. «К словесем мудрых прилагай твое ухо» (Прич. 21; 20.22; 18). «Премудрость поможет мудрому» (Еккл. 7; 20). Хорошо помнили наши предки благочестивые этот завет царственного мудреца Израилева, они любили изречения людей мудрых и святых, собирали их, записывали и из этих записей составляли разные сборники под именем "Цветников", "Изборников", "Пчел" и других книг, в которых помещали все, что считали назидательным и полезным для людей любознательных. Скажет умный человек слово мудрое, полюбится оно людям добрым, станут повторять его, а там и в книгу запишут. Если слово было близко к жизни народной, то оно становилось достоянием народной мудрости, пословицей, поговоркой: так народная речь обогащалась множеством мудрых пословиц, над собиранием которых много трудились любители слова народного. Есть, например, книга, составленная В. Далем, в которой собрано несколько тысяч пословиц на тысяче с лишним страниц. Образцы лучших пословиц, более назидательных и глубоко мудрых читатели "Троицких листков" могут найти в листках под №№ 479, 488, 525, 529.

А здесь мы предлагаем несколько мудрых изречений Варнавы Неподобного, собранных в старинном рукописном сборнике, писанном пятьсот лет назад. Кто был этот Варнава — неизвестно. Вероятно, какой-нибудь смиренный инок, любитель мудрых изречений. Он записал или из старых книг выбрал эти изречения, а себя, по монашескому смирению, назвал "неподобным", то есть грешным, в противоположение отцам

"преподобным" — святым. Так и ученик преподобного Сергия, преподобный Епифаний, на одной своей рукописи подписался:

"Многогрешный раб Божий Епифан", — а другой ученик Сергиев на переписанной его рукою "Лествице" отметил, что она написана "грубым и худым, странным и последним во иноцех смиренным грешником Варлаамом", и в конце книги даже приписал себе в назидание: "О ленивый Варлааме, готовися к ранам: близь есть конец!" Что же записал этот "неподобный" инок Варнава? Вот его изречения, мы приводим их в переводе на современную речь.

Все новое прочно и хорошо, а вечный Бог лучше всего.

Кто не заботится о душе, а больше любит умирающую плоть, тот подобен человеку, который рабу кормит, а госпожу гонит прочь.

Кто ищет земного помимо вечного, тот похож на человека, который желает иметь пахаря, не на ниве работающего, а на стене изображенного.

Грешник несчастнее горбатого; этот носит свое уродство наружи, а тот — внутри.

Кто с большим трудом собирал свое богатство, тот и потерю его переносит с великой болью сердечной.

Многих губит меч, но еще больше гибнет от злого языка.

Слепец счастливее завистника: хотя он и не видит света Божия, зато видит истину умом, а завистник, и видя истину, не видит ее.

Кто величается саном и красотой телесной, а не украшается мужеством и жизнью добродетельной, тот подобен кожаному мешку, который не товаром наполнен, а воздухом надут.

Лучше плавать по морю в утлой ладье, чем сказывать тайны злоязычной жене: ладья только тело потопит, а злая жена всего и с душою погубит.

Кто поддался страстям плотским, тот стал рабом своих похотений. Дети бегают от безумца, а грешники — от трудов спасительных. Нечистый ум не рождает чистого слова.

Мудрый наставник утешает в земных скорбях, но не так, как утешает их смерть.

Пчела на звон летит, а мудрый спешит туда, где слышит полезное слово.

Отец и мать любят тех детей, которые крепко держатся их слова и подражают их добрым нравам, — а Бог любит того, кто исполняет его заповеди.

Трудно сердцу сохранить добро втайне, а проявление зла причиняет человеку погибель.

Уродует свой ум тот человек, который не любит нрава и бесед добрых людей.

Как без торной дороги нельзя ехать прямо и безопасно, так и тот кто живет лукаво, не избежит погибели.

Позднее наставление редко бывает успешно.

Вороны рады трупу, а лукавые люди — падению брата.

Жемчуг бывает в раковине, а Бог — в смиренной душе.

Что играть острым ножом, то и дружбу водить с распутным человеком: и в том, и другом опасность.

Пчела летит прочь от дыма, а Бог удаляется от гордой души.

Кто ленив к трудам, тот не знает и настоящего покоя.

Солнце разгоняет и уничтожает тьму, а тщеславие — добрые дела.

Ленивый хуже больного: больной, если уж не может делать и лежит то и не ест; а ленивый, хотя и лежит и ничего не делает, а все же ест.

Камень неподвижен ни на добро, ни на зло; так и глупый негоден ни на доброе, ни на худое.

Жернова меняют имя пшенице, которая после них уже называется мукой; а человеку меняет имя Святое Крещение.

Как солнце светит всем людям, так и мудрость светит всем их душам.

У того сильна душа, у кого немощна плоть.

Тогда суд убогим право правится, когда их судья не богатеет.

Не тогда город крепок, когда огражден каменными стенами, а тогда, когда граждане его крепки целомудрием и правдою.

У скупого дом — что темная ночь: от многих он скрывает солнечный свет (то есть счастье, которое скупец мог бы дать им).

Счастлив тот человек, у кого ум занят добрым: он стремится от земли на небо.

Молчаливый человек — что сосуд закупоренный, не узнаешь, что есть в нем.

Не прилепляйся к тем, кои не прилепляются к добрым делам. Кто часто вспоминает Бога, тот редко вспоминает грехи. Склоняй очи долу от неподобающего видения, чтобы твои душевные очи простирались к вечному.

Ни волк волка, ни змея змею не губит: а человек человека губит. Кто право судит сиротам и вдовицам, тот Вышнему сотрудник.

Ум мудрого то же, что море: он не только реки, но и ручьи принимает в себя (все принимает к сведению на пользу).

Рысь пестра снаружи, а лукавые люди — внутри.

Пьяный хуже бесноватого лунатика: тот только на новые месяцы беснуется, а пьяный — каждый день и притом добровольно.

Чурбан лучше пьяного: он вовсе не говорит, ни худого, ни хорошего, а пьяный только и говорит одно худое.

Пес лучше злого раба: он лает за господина, а тот на господина.

Лучше ездить на коне необъезженном, чем держать совет с человеком безумным.

Что нготь на теле, то и глупец между людьми: оба ни на что не годны.

Клеветник злее волка: волк ищет только мяса, а клеветник — ищет совсем человека загубить.

Некрасно видеть бедняка на разукрашенном коне, но еще хуже того видеть глупый ум в красивом теле.

Красота лица без ума напоминает скомороха: как тот, хотя и некрасив собой, но личину надевает красивую, так и глупец, хотя и красив лицом, но умом скуден.

Начитанный, но недалекий умом человек похож на слепца: как слепой, идя по дороге, находит путь палкою, а если свести его с дороги, то уже не знает, куда идти, — так и книжный, но не умный человек при людях глупых охотно ведет речь, а при мудрых поневоле молчит.

Мудрый человек без книг, что щит без подпорок, — пока нет ветра, он стоит, а как только подул на него ветер, он падает, потому что у него нет опоры в умных книгах.

Ум да ученость — это два глаза на челе человека.

Кто попал в плен, тот поневоле готов на всякую беду; так и ум, если не устоит в своем чину, готов бывает на всякий грех.

Как мать, и не хотя, лечит больное дитя, — так и Бог, и не хотя, наказывает печалью человека грешного.

Союз духовной любви не расторгается разлукою телесной, но еще больше стремятся их души к общению любви.

680. Была ли нужда в исправлении Богослужбных книг?

В листке 670 приводились указания из статьи отца архимандрита Павла о том, какие несходства и различия представляют между собою старопечатные "Потребники" в изложении даже таких важных священнодействий, как совершение Таинств. Тем труднее ожидать в них согласия в изложении менее важных чинопоследований, о чем и говорится в продолжении этой статьи.

Наши старопечатные книги содержат в себе даже укоризны одна на другую за допущенные в них несогласия. Мало того, не обошлось без укорения даже в еретичестве. Вот, например, во всех патриарших "Потребниках", в том числе и в "Потребнике" Иоасафовском 7144 года, положено священникам особое погребение, а в напечатанном при том же Патриархе Иоасафе "Потребнике" 7147 года это погребение не только исключено, но и напечатано о нем следующее замечание: "А поповское погребение отставлено, по повелению великого господина святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, потому что то погребение учинено от еретика Еремея, попа болгарского, а в греческих переводах его нет, также и в старых харатейных, и в письменных старых, и Малыя России, иже в киевских, нет же, и того ради положено zde, в сей книзе, погребати священника мирским погребением, и никтоже о сем да соблазняется" (л. 301). Вот видите, Патриархом Иоасафом все прежние старопечатные "Потребники", даже им самим изданные в 7144 году, отмечаются здесь в напечатании и принятии в употребление еретического изложения. А потом, при Патриархе Иосифе, этот якобы еретический чин священнического погребения опять внесен в "Потребники".

Еще. В иноческом "Потребнике" того же Патриарха Иоасафа, напечатанном в шестое лето патриаршества его, то есть в 1638 году, в чине иноческого пострижения все прежние "Потребники", старопечатный и даже напечатанный при самом Патриархе Иоасафе, зазираются за одно неправильное действие в сем пострижении, и даже содержится угроза извержением из священства за такое действие. Именно, в прежних "Потребниках" излагался такой чин пострижения в иноки: "И прием ножницы от него (постригаемого), игумен постригает и крестообразно, глаголя: "Брат наш (имярек) постригает власы главы своея во имя Отца и Сына и Святаго Духа, рцем вси зань "Господи, помилуй" трижды". Также и в малый образ повелевалось постригать облеченного в рясу с приглашением Святыя Троицы: "Потом стришет его священник крестообразно, глаголя: "Брат наш (имярек) постригает власы главы своя, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, рцем вси зань "Господи, помилуй" трижды". При пострижении в великий образ, то есть в схиму, снова повелевается: "Таже постригает его крестообразно, глаголя сице: "Брат наш (имярек) постригает власы главы своея, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, рцем вси зань "Господи, помилуй" трижды". Так положено, говорю, во всех старопечатных "Потребниках", даже в Иоасафовском. Но в иноческом "Потребнике", изданном при патриархе Иоасафе в 1638 году, в конце пострижения в великий образ на листе 53 чин вторичного пострижения в великую схиму с приглашением Святыя Троицы уподобляется повторению крещения и хиротонии, за которое виновные подвергаются извержению из сана.

Далее и о пострижении инокинь положено здесь такое поречение о прежде бывших переводах, что в них неразумно указано делать инокиням все пострижение. И однако в этом же самом "Потребнике" именно положено полное им пострижение, а также и во всех последующих это указанное неразумие не исправлено и печаталось по-прежнему.

Видите, сами же наши древлепечатные книги свидетельствуют о их неисправности. Спрашивается, что должен был сотворить в виду такой неисправности книг Патриарх Никон или другой какой тщательный патриарх, приступая к новому их печатанию? Печатать книги была настоящая потребность, но с которого из прежних изданий он должен был печатать, когда книги даже одного и того же Патриарха, изданные в разные годы, одни с другими не сходятся даже в самом существенном, в совершении Таинств! Не должен ли он был прибегнуть к старым харатейным и греческим книгам и по ним привести вновь печатаемые книги к желаемому единству? Это он и сделал с большой осторожностью. Ибо не сам один устремился к исправлению книг, но составил в 1654 г. Собор русских архиереев, доказал им необходимость книжного исправления и получил на то их согласие; потом собрал отовсюду славянские харатейные книги и приобрел из Греции множество греческих харатейных книг. И после этого он не решился сам собою однолично исправлять книги, но опять составил Собор из русских архиереев и им поручил оное великое дело. Собором все это дело

и совершенно. В чем же тут виноват Патриарх Никон? Разве обвинять его за тщание, что он не оставил печатание книжное в том положении, в каком оно находилось прежде, то есть чтобы каждая печатаемая книга различалась от прежних ее изданий даже в чинопоследовании Таинств?

Книги полны были выражений, неправильных грамматически, темных и невразумительных, в выражениях допускали многие несходства, так что иногда один и тот же стих в разных книгах, даже в одной и той же книге, печатался различно. Вот, например, воскресный стих "Христос воскрес из мертвых" напечатан в трех видах. В книгах Патриарха Иова он напечатан везде так, как напечатано потом и в исправленных: "Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав". А в Триодях Иосифа Патриарха в одной напечатано: "Смертию на смерть наступи, и гробньш живот дарова ", в другой: "Смертию смерть поправ, и гробньш живот дарова". Или, вот, в Каноне на Воздвижение Честнаго Христа, в ирмосе седьмой песни "Безумна заповедь мучителя злочестива люди поколеба", в Минеи Патриарха Иосифа напечатано: "но дышушу хладному духу, со онем (то есть, с хладным духом), суще пояху", потом в той же книге под 17-м числом напечатано: "со огнем суще пояху", а в Иосифовской же Минее за август: "Со Ангелом суще пояху". Видите, сколько различий в одном и том же стихе, нарушающих самый смысл церковной песни. Вот третья песнь Канона на Святую Пасху в Триодях Патриарха Иова напечатана так: "Вчера спогребох Ти ся Христе, совостаю днесь, воскрешу Ти", в Триодях, напечатанных в шестое лето Патриарха Иосифа, вместо "воскрешу Ти" напечатано: "совоскрешу Ти". Это уже нарушение догматической мысли. Мы совостаем Христу, а Христос, первенец из мертвых, никому не совоскрес. Или в службе на неделю Фомины, в третьей песне, в Патриарха Иова в "Потребнике" напечатано: "Во гробе затворил еси описанную плоть свою", а в Триоди Патриарха Иосифа напечатано: "Во гробе затворен еси со описанною плотию своею неописанный Христе". Здесь опять нарушение догматической мысли, как будто со описанною плотию затворено во гробе и неописанное Божество Христа.

Еще. В стихирах хвалитных Нерукотворенному образу в праздничной Минеи напечатано правильно: "Радуйся, Божественный образе, егоже Херувимы обстоят и бездны боятся, имже тьма отгнана бысть и диавол упразднися", а в Минеях месячных вместо "имже" напечатано "имиже", и выходит, что безднами тма отгнана и диавол упразднися.

Таких неправильных и неточных выражений было немало в наших старопечатных книгах. Конечно, все такие выражения не были неправым мудрованием издателей старых книг, а только недосмотром их, ибо мудрование есть то, что с настойчивостью проповедуется (как потом проповедовали свои неправые мнения, утверждаясь, впрочем, на старых же книгах, расколоучители), — это были просто описки, требовавшие исправления. Мы не укоряем за них наших православных и благочестивых предков, а только показываем, как необходимо было книжное исправление, и

что Патриарх Никон за свою ревность от исправлении книг заслуживает не осуждения и порицания, а похвалы и благодарности. И Церковь, исправляя книги, не повредила нимало Православия. Исправление совершали православные епископы соборно. Могла ли у них возникнуть мысль повредить Православие? И если бы кто из них недоумевал, то разве не получил бы вразумления от прочих?

Исправление книг одобрено и утверждено восточными патриархами, православие которых ясно засвидетельствовано "Книгой о вере". Значит, никакого повреждения Православия содержать не может. И если заирать и восточных патриархов вкупе с нашей Русской Церковью в отступлении от веры за исправление книг, то это несправедливо потому, что тогда в Греции, во всех четырех патриархиях, никакого исправления не существовало и в догматах веры никакого изменения не произошло. Притом же обвинять всю вселенскую Церковь в падении — значит не веровать самому Христу, давшему о Церкви своей такое обетование: "Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей" (Мф. зач. 67).

681. Власть за послушание

Желание игуменства есть начало и корень властолюбия", — говорил преподобный Сергей. По своему смирению, он и слышать не хотел, чтобы ему принять эту должность. Но таков уж самим Богом установленный закон для обществ человеческих, чтобы во главе их непременно стояла власть, в послушании коей выражалось бы послушание людей Самому Богу — Творцу и Владыке всяческих. Поэтому и сам преподобный, и братия его обители давно сознавали нужду в игумене. В сердцах братии уже давно сложилось желание поставить на игуменство своего возлюбленного авву. С этим желанием они решились, наконец, обратиться к преподобному. Раз они пришли к нему все вместе и сказали: "Отче, мы не можем долее жить без игумена. Исполни наше сердечное желание: будь нам игуменом, не откажи нам в этой милости".

Такое единодушное желание всей братии, конечно, не было неожиданным для угодника Божия. Тем не менее, его глубокому смирению нелегко было выслушать его. Не труда и подвига убегал он, а считал себя недостойным такого сана. Но он хорошо понимал, что решительный отказ глубоко опечалит всю братию, столь горячо им любимую. Поставленный в такое затруднительное положение, подвижник вздохнул из глубины сердечной и смиренно отвечал просителям: "Братие мои, у меня и помысла никогда не было об игуменстве, одного желает душа моя — умереть здесь простым чернецом. Не принуждайте же и вы меня, братия. Оставьте меня Богу, пусть Он, что хочет, то и творит со мною".

Но братия настаивали на своем: "Зачем ты, отче, отказываешься исполнить наше общее желание? Ведь ты основатель обителей сей, будь же ей и настоятель. Ты собрал нас, ты и управляй нами. Вот наше последнее

слово: или сам нам будь игуменом, или пойдя, выпроси нам игумена у святителя. Если же не так, то мы все разойдемся отсюда".

Мысль об ином игумене лично для смиренного Сергия, конечно, была приятна, он готов был сделаться последним послушником у кого бы то ни было, лишь бы самому не быть начальником. Но любовь к ближнему требовала на сей раз забыть себя и думать о пользе братии, а духовный опыт указывал опасность, что новый, чуждый по духу обители игумен задумает вводить новые порядки, что эти порядки могут смутить братию, а отсюда может возникнуть немало искушений для новой обители. Посему преподобный сказал братии: "Идите пока с Богом каждый в свою келлию, лучше помолимся все поусерднее Господу Богу, чтобы Он Сам открыл нам волю Свою, и тогда увидим, что делать".

Братия послушалась и разошлась. Прошло несколько дней и старцы опять пришли к преподобному, опять стали умолять его о том же. Тронутый до глубины души такой любовью братии, преподобный открыл пред ним все свое сердце: он говорил им о своем недостойности, всячески упрашивал и умолял не принуждать к принятию священного сана и игуменства. "Простите меня, отцы мои и господие, — говорил он, — кто я, грешный, чтобы быть мне иереем Божиим? Как дерзну я на такое служение, пред которым со страхом и трепетом преклоняются и самые Ангелы? Нет, это выше меры моей, отцы мои. Я еще и не начинал жить по-монашески: как же я осмелюсь коснуться святыни Божией? Вот мое дело: плакать о грехах моих, чтобы вашими же святыми молитвами спасти свою душу". Сказал сие преподобный и ушел в свою келлию...

Тогда сподвижники его поняли, что им не склонить его кротким словом сыновней любви. И вот, они приступают к своему любимому авве уже не со слезами только, но и с горьким словом упрека и даже угрозы: "Мы не желаем, отче, спорить с тобою, но если уж ты не хочешь пещись о душах наших и быть нашим пастырем, то мы все принуждены будем оставить это место. Мы уйдем от храма Святой Троицы и будем блуждать как овцы без пастыря, а ты отдашь за нас ответ нелицеприятному Судии — Богу!" Наконец, братолюбие победило. "Желаю, — сказал преподобный, — лучше учиться, нежели учить; лучше повиноваться, нежели начальствовать, но боюсь Суда Божия. Не знаю, что угодно Богу, святая воля Господня да будет!" — Это значило, что он больше спорить не будет, и предает все дело в волю Божию.

"Какая прекрасная распря! — замечает святитель Филарет Московский, — распря едва ли не превосходнейшая, нежели самое согласие. Здесь смирение старшего сражается с любовью младших, — единственная брань, в которой ни одна сторона не теряет, а обе приобретают в каждом сражении! Как благополучны были бы общества, если бы члены их также препирались между собою за сохранение подчиненности, а не за домогательство власти!" — "В мирских обществах, — говорит святитель Филарет Черниговский, — люди сражаются друг с другом за власть, и чрез то производят расстройство

в делах, расстройство в сердцах и губят себя и других жаждою власти. А тут — все совершенно обратно: как благотворен закон Твой, Господи!"

"Отцы и братия, — сказал преподобный Сергей своим сотрудникам в подвиге пустынном, — не хочу более прекословить вам, но не нам решать это дело. Пусть решит его святитель, пойдем к нему". Московского первосвященника митрополита Алексея тогда не было в России: в 1354 году он путешествовал в Царьград по делам церковным, а управление делами митрополии на время своего отсутствия поручил Волынскому епископу Афанасию, который жил в Переяславле Залесском. Туда и отправился преподобный, взяв с собой двух старейших братьев. Рано утром, пред самой литургией, явился преподобный к святителю. Он пал к ногам его и просил благословения. Епископ спросил его, кто он и откуда? — "Грешный инок Сергей — мое имя", — смиренно отвечал пришедший. Имя Сергия давно было известно Афанасию, и он был рад видеть у себя такого гостя. С отеческой любовью он принял его и долго беседовал о спасении души. В заключение сей беседы гость смиренно поклонился хозяину и стал просить у него игумена для своей обители.

"Сын и брат мой, — отвечал ему святитель Божий, — Апостол говорит: никто же сам себе приемлет честь, но званый от Бога, якоже и Аарон (Евр. 5; 4). А тебя Господь воззвал от чрева матери твоей. Посему ты и будь отныне отцом и игуменом для братии, которую ты же собрал в новой обители Живоначальных Троицы!"

Подвижник стал было отклонять от себя это назначение, ссылаясь на свое недостоинство, но блаженный пастырь внушительно остановил его, сказав: "Возлюбленный, ты все стяжал, а послушания не имеешь", — и сим словом обезоружил смиренного Сергия, который с покорностью на это отвечал: "Как Господу Богу угодно, так и пусть будет. Благословен Господь во веки!" — И все присутствовавшие при этом единодушно сказали: "Аминь".

Тогда святитель со всеми священнослужителями пошел в церковь, взяв с собой и преподобного. Там он облачился во все священные одежды, велел Сергию гласно произнести Символ веры и поставил его во иподиакона. Началась Божественная литургия, и Сергей был произведен во иеродиакона, а на другой день облечен и благодатью священства. Святитель распорядился, чтобы новоблагодатный иеромонах Сергей на следующий день один совершил Божественную литургию. Нужно ли говорить, с каким сердечным умилением впервые приносил преподобный Сергей безкровную жертву собственными руками? Он весь был исполнен благоговейного страха и весь сиял неземной радостью...

По окончании литургии святитель Афанасий произнес над ним молитвы, совершающие его поставление во игумена, пригласил нового игумена в свои келлии, долго беседовал с ним и, благословив, отпустил с миром. И пошел он, новопосвященный игумен, облеченный теперь свыше благодатью и властью иерейской, в свою родную обитель, чтобы прилагать там труды к

трусам, и, восходя на небо по лестнице хриstopодражательного смирения, вести туда же за собой и всех присных учеников своих.

682. Пророчество Богоматери о Самой Себе («Отныне ублажат Мя вси роди») (Лк. 1; 48))

Так сказала Пресвятая Дева Мария, когда праведная Елисавета при встрече с Ней, исполнившись Духа Святаго, назвала Ее Матерью Господа. Не от собственного разума и сердца возникла в смиренной Марии такая мысль о будущей Ее всемирной славе. Прославляя Господа, прославляющего Ее, Она говорит только о своем смирении, видит Себя только рабой Его: призре на смирение рабы Своея. При таком глубоком чувстве смирения могла ли Она помышлять о будущей славе Своей? Воистину, Дух Святой, приосенивший Ее со времени зачатия Ею Сына Божия, открыл Ей будущее, и вот Она, по Его внушению, изрекает пророчество о том, что ожидает Ее в Церкви Христовой. Если же так, если по вдохновению Духа Божия сказала Она: Отныне ублажат Мя вси роди, то чью волю исполняют все, ублажающие Пресвятую Деву Марию? — Конечно, волю Духа Божия. Кому не повинуются те, которые отрекаются почитать Пресвятую Богородицу? — Не повинуются Духу Божию.

Да, если еврей не ублажает Матери Господа моего, — это понятно, он не верует в Евангелие, он не знает Духа Святаго, глаголавшего в Евангелии. Но если христианин не чтит Благословенной, — не знаю, как назвать его. Грустно, больно, тяжело видеть такого христианина!

«Отныне ублажат Мя вси роди». Кого ублажат? — «Ту, из Неяже родися Иисус», глаголемый Христос (Мф. 1; 16). Иисус — не простой человек, но Богочеловек. Во утробе Девы Марии человечество чистое, безгрешное соединилось с Божеством истинным. Господь с Тобою, — сказал Ангел Марии. Господь с Тобою не только Своею благодатью, но и совершенным в Тебе вочеловечением. Велия есть благочестия тайна:

«Бог явися во плоти» (1 Тим. 3; 16). Нет и нельзя представить себе выше той чести, какой удостоилась Она — Мать Богочеловека. Единородный, Предвечный, Единосущный Сын Превечного Бога Отца приял во чреве Марии человеческое естество. Непостижимо снисхождение Сына Божия! Чудно, несравненно величие Девы Марии! Истинно — Она честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим!

Отныне ублажат Мя вси роди. И как не ублажать Ее всем родам, когда вси роди спасены Сыном Ея? Для чего Сын вечного Бога Отца стал Сыном Ее? Для того, чтобы обновить растленное грехом естество человеческое, для того, чтобы спасти человека от грозного проклятия правды Божией, для того, чтобы принести Себя в жертву Богу Отцу за грешных людей. Мария, Мать Божия, есть Богом избранное оружие спасения людей, Вечным советом Божиим назначенное для дела Божия. Если же Пресвятая Дева Мария удостоена высочайшего избрания Божия быть Матерью Сына Божия и

Спасителя мира, то почему это сделано? По особенной благодати Божией? Точно, это особенная Божия благодать. Но может ли Божия благодать противоречить правде Божией? — Конечно, не может.

Итак, Матерь Божия превыше всех превознесена избранием Божиим потому, что Она выше всех была достойной сего избрания. Не пристанет корабль с сокровищами к берегу, если берег не имеет пристани. И тайна небесная возвратилась бы на небо, если бы Дева Мария не была достойна принятия сей тайны. Спаситель явился не прежде, как явилась Богоизбранная Мария. Разве не нужно было, чтобы среди людей грешных явилось достойное вместилище для Бога воплощенного? И долго очищалось и освящалось человечество в святых Божиих ветхозаветных, пока, наконец, явилась чистейшая Агница среди чистых агнцев Божиих — родилась святая Дева Мария, достойная соделаться вместилищем Божества.

«Како будет сие, идеже мужа не знаю?» — говорила Она Ангелу, возвещавшему Ей о рождении от Нея Сына. Если не знает Она мужа, хотя и была уже обручена с мужем. Если не знает мужа до того, что не считает возможным рождение Сына, то ясно, что Она была Дева, обрекая Себя в Невесты единому Господу. Из сих слов Ее видно, что Она Сама признавала Себя чистой Девой, посвятившей Свое девство Господу.

«Дух Святой найдет на Тя, и Сила Вышняго осенит Тя», — говорил Ей небесный вестник. Значит, и он почитал ее чистой Девой. По его откровению, рождение Марией Сына есть рождение беспримерное, единственное рождение женой без мужа, рождение по действию Духа Божия. Возблагодеем пред Девой беспримерною, возблагодеем пред тайной Духа Божия.

Святые евангелисты мало говорят нам о Матери Божией. Но можно ли сказать что-нибудь выше того, что говорит о Ней благовествующий Ангел? Он указывает в Ней ангельскую чистоту и непорочность, он говорит о Ней, как о Деве-Матери Сына Божия. Евангелисты говорят о Ее великом смирении и тем показывают, что вся слава Дщери Царевы внутрь, что величие Ее духа тем особенно велико, что оно скрывалось в глубине духа. «Яко призре на смирение рабы Своея», — свидетельствует Сама Пресвятая Дева пред лицом Божиим в своей вдохновенной песне. И это подтверждает вся Евангельская жизнь Ее. Она не искала делить славу Сына Своего, когда народ славил Его за чудеса, когда встречал Его с восклицаниями восторга: Осанна Сыну Давидову! Когда же ослепленные враждой бесславят Божественного Сына Марии, когда они кричат: «Духа нечистого имать, — тогда видим с Иисусом и Матерь Его» (Мк. 3; 21,30). Она же стоит при Кресте Его, в виду ожесточенных врагов Его, стоит тогда, когда самые близкие ученики оставили Его. Вот — Ее путь к славе небесной! Не больше ли говорят нам евангелисты о высоких достоинствах Пресвятой Девы Марии своим молчанием, чем сколько они могли сказать своими словами? В молчании соблюдала Она вся глаголы Сына и Бога Своего (Лк. 2; 19). Прежде, нежели чудесами явил Он славу Свою и вероваша в Него ученицы Его (Ин. 2; 11), Она уже столько веровала в чудодейственную силу Его, что

убедила Его совершить первое чудо в Кане Галилейской. Так ранее других и совершеннее других веровала в Него Мать Его и знала Его, и однако же оставалась в своем глубоком смирении мало заметной. Какое дивное величие смирения!

«Блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал» (Лк. 11; 27), — воскликнула в восторге духа некая жена, усладившаяся беседой Христовой. Что это значит? Ясная похвала Матери Иисуса Христа, и похвала, замеченная евангелистами. Никто не посмеет сказать, что эти слова жены, слушавшей Спасителя, исходили не от благочестивого сердца; никто не скажет и того, что Евангелист записал эти слова без всякой цели. Напротив, соображая слова сей благоговейной жены с пророческим изречением самой Девы Марии о будущей славе Ее, мы видим в словах жены начало исполнения пророчесственных слов Самой Матери Божией о Ее всемирной славе.

Итак, святые евангелисты не скрыли от нас ни высоких достоинств, ни славы Матери Божией. Они сказали о Ней столько, сколько было сие угодно Господу Богу. Сын Божий считал нужным, чтобы до прославления Его человечества небесной славой не говорили о Его земной славе. Тем более так подобало быть в отношении к Матери Его. Только теперь, когда Она переселилась на небо, подобало исполниться во всей полноте Ее пророческому слову: отныне ублажат Мя вси роди. Теперь как не ублажать Ее, когда Она, пребывая в славе Сына Своего, ходатайствует за нас пред Ним как Мать всех верующих в Сына Ее? Она любит нас, как братьев во Адаме, как детей в Сыне Ее Иисусе Христе. Она ходатайствует о нас пред Сыном по праву Матери, молит Отца Небесного по праву любви Своей и Его к бедным странникам земли. Сын любит Ее как Мать; Он показал Ей любовь Свою и на земле, когда в самых болезнях крестной смерти Своей заботился о Ней и сказал возлюбленному ученику: «се, Мати твоя!» (Ин. 19; 27). Он исполняет прошения Ее как Матери, коей повиновался в земной жизни Своей (Лк. 2; 51). Как же не быть Ей сильной ходатаицей за нас, грешных, на небе? Если Ангелы молятся за нас и молитвой своей преклоняют Господа ко услышанию наших молитв, то ужели ходатайство Матери Сына Божия не будет услышано пред Престолом Сына и Бога Ее?

О, как велико Ее ходатайство за нас! Кто прибегал к Ней и не услышан был? Кто не испытал на себе милостей Ее? Сколько знамений Ее помощи небесной! Сколько икон, чрез которые Она являет дивные чудеса Свои! Нет града, нет веси в православном отечестве нашем, где бы не славились благодеяния Ее, где бы в честь Ее не было храмов. В глубине севера, среди льдов, согревает Она веру благодеяниями Своими; каждый день мы испытываем помощь Ее — там или здесь, явно или тайно, в кругу семейном или в глубине уединенной уши. Обратимся же к Матери нашей с верой теплой, с надеждой крепкой и с простотой детской: "Мати Божия, Мати всех уповающих на Тя! На Тя уповаем мы, немощные чада Церкви Православной, не остави нас в скорбях наших, спаси сильным предстательством Своим!"
Аминь!

(Из Слова Филарета, архиепископа Черниговского, на Рождество Богородицы)

683. Горе нашему нечувствию!

«Сия глаголя, возгласи: имейя уши слышати, да слышит» (Лк. 8; 8)

Почему Иисус Христос так часто в Евангелии употребляет сии слова? Разве не все Его слушатели имели уши? Или среди их много было глухих? Но зачем было глухим и ходить слушать Его проповедь? Впрочем, у Него и глухие слышали, как о том пишет святой евангелист Лука (7; 22). Как же надобно понимать сии, столь часто повторяемые в Евангелии Его слова: «имейя уши слышати, да слышит»? — Когда я рассуждаю о сем, то приходит мне на мысль пророк Исаия, он как бы так говорил: "Не знаешь ты, каким людям проповедывал Христос! Это были люди, которые и слыша не слышали, и видя не видели...". О, помню, помню, Пророче Божий, что ты предсказывал о народе том: слухом услышите, и не уразумеете: и видяще узрите, и не увидите: «Одебеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не когда узрят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся» (Ис. 6; 9,10). Итак, вот что понуждало Христа Спасителя так часто повторят эти слова: «имейя уши слышати, да слышит!» — ожесточение и нечувствие Его слушателей, они не веровали слову Его и как бы вовсе не слышали ничего. Это же нечувствие заставило Его проливать слезы: «и видев град, плакася о нем» (Лк. 19; 41). Оно же заставляет и ныне многих проповедников Слова Божия воздыхать, ибо теперь на многих исполняется пророчество апостола Павла: «Будет время, егда здраваго учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешеми слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся» (2 Тим. 4; 3, 4). Устарел недуг, потеряно чувство, не только увещаниями и угрозами, но и самыми казнями не может смягчиться сердце, грехом ожесточенное. Скорее можно извести воду из камня или мертвеца воскресить, чем тронуть словом такое сердце. Моисей ударяет жезлом своим по пустынному камню, повелевая ему словом Господним дать воду жаждущему Израилю, и камень послушно изводит потоки воды. Но тот же Моисей целых сорок лет старается внушить своему жестокосердому народу заповеди Господни, и никто из этого народа, кроме Иисуса Навина и Халева, не входит в землю обетованную, — все умирают в пустыне за непослушание Господу... Значит, лучше с камнем говорить, чем с человеком ожесточенным. Скорее услышит мертвец, чем такой человек. Вот, стоит в видении пророк Иезекииль на поле, которое полно костей человеческих. «Кости сухия, — взывает он, — слышите слово Господне!» (Иез. 33; 4) — и повелевает им ожить и стать на ноги; и, повинувась гласу Господа своего, ожили эти сухие кости. А сколько трудился тот же пророк Иезекииль и другие пророки Божии, чтобы обратить живых иудеев на путь добродетели, но все напрасно! Господи, — жалуется пророк Исаия за себя и за всех других пророков, — кто

верова слуху нашему; «и мышца Господня кому открыся» (Ис. 53; 1). Непрестанно повторял Предтеча Господень царю Ироду: «не достоин тебе имети жену (Филиппа) брата твоего» (Мк. 6; 18), — но не мог восставить умершей во грехе том души его. Мало того, сам от него за это обличение смерть восприял.

Но зачем много приводить примеров? Всем известно, сколько Сам Христос заботился о спасении неблагодарного народа еврейского, сколько увещевал их, молил, говорил: "Покайтесь, покайтесь", — наконец, и Ему пришлось сказать: «Иерусалиме, Иерусалиме, ...колькраты восхотех собрата чада твоя, якоже кокош гнездо свое под крыле, и не восхотесте» (Лк. 13; 34). Вот как мало действуют увещания на ожесточенное во грехе сердце человеческое! Но одни ли увещания тут бывают бессильны? Грозил Бог чрез пророка Илию нечестивой Иезавели: «пси снут ю в предградии Иезраеля» (3 Цар. 21; 23), но покаялась ли она после такой угрозы? Нет, осталась так же крепка в злобе своей, пока самым делом не сбылось на ней слово пророческое. Грозил Бог чрез Пророка Иеровоаму, когда этот нечестивый царь приносил жертву идолам, а Пророк воззвал к его жертвеннику: «олтарю, олтарю, еще глаголет Господь: се сын рождается дому Давидову, Иосия имя ему, и пожрет на тебе жерцы:... и кости человеческия сожжет на тебе» (3 Цар. 13; 2). Но послушал ли Иеровоам? Каменный жертвенник от слова пророческого развалился, а Иеровоам простер руку, приказывая взять Пророка. И конечно, он жестоко поступил бы с Пророком, если бы рука его тотчас же не засохла. Впрочем, и это явное наказание Божие не вразумило его: «по глаголе сем не обратися Иеровоам от злобы своея», — говорит Священное Писание (3 Цар. 13; 33). Так трудно бывает увещать или устрашить нечувственного, ожесточенного грешника. Лучший пример такого ожесточения представляет нам фараон. Бог не только грозил ему словами, но и делом насылал на него разные казни: и всю воду в реках прелагал в кровь, и насылал мух песиих, жаб бесчисленных, бурю и град великий, и тьмой непроглядной помрачал весь Египет, наконец, истребил всех первенцев египетских, от человека до скота, но ничто не склонило гордого фараона добровольно исполнить волю Божию, пока Бог не потопил его самого в водах морских. Не видно ли из сего, что правду сказал Блаженный Августин: "Удобнее Богу было целый мир создать, нежели одного грешника ожесточенного обратить"? Бог творил мир одним словом Своим, а для обращения грешника нужно произволение самого грешника, его желание покаяться, а этого-то и не было у фараона.

Однако же, пора нам обратиться к самим себе. Бог все сотворил и доселе все делает ради нас. Создал Он небо, утвердил землю, проливал воздух, наполнил водами море, давал законы, посылал пророков, апостолов и других учителей, — и все это для нас. «Вся, — говорит апостол Павел, — вся бо ваша суть. Аще Павел, или Аполлос, или Кифа, или мир, или живот, или смерть, или настоящая, или будущая: вся ваша суть: Вы же Христовы» (1 Кор. 3; 21-23). Все, значит, устроено Богом на пользу нашу, чтобы чрез все то

мы познавали Бога, любили Его и спасали свои души. Но что же? Таковы ли мы на деле, какими Бог желает нам быть? О, как далеко отстоим мы от намерения Божия! Что же тому причиной, как не бесчувственность наша? Вся тварь вопиет против нас, что мы оставили Творца и Господа своего и стали служить тем вещам, которые даны Богом на служение нам самим, — а мы того и знать не хотим. Все пророки, апостолы и учителя громко зовут нас к покаянию, а мы того и знать не хотим. Множество примеров страшного гнева Божия на грешников устрашают нас, а мы того и знать не хотим. Угрызает нас совесть наша, обличает нас, что мы забыли свои обязанности пред Богом, что нам грозит гибель вечная, а мы того и знать не хотим. Умирают на наших глазах наши родители, наши друзья, сродники и знакомые, их смертью Бог напоминает нам о нашей собственной смерти, чтобы мы убоялись того, в руках Кого дыхание и жизнь наша, — а мы того и знать не хотим. Вот уже Бог начинает посещать тело наше болезнями, душу — скорбями, жизнь — бедами, чтобы мы хотя чрез это пришли в чувство, вспомнили, что все это за грехи наши с нами делается, и обратились к Нему с сердцем сокрушенным, — а мы того и знать не хотим... О ты, нечувствительный человек! Кажется, Бог как бы так говорит тебе: что Я ни делаю с тобой, сколько не промышляю о пользе твоей — все тебе ни во что! смотри же, вот Я Сам, ради твоего спасения, схожу на землю, беру на Себя грехи твои, стражду за них и распинаюсь; ужели и после этого ты будешь сопротивляться столько любящему и милующему тебя Господу? — кажется, самое каменное сердце должно бы растаять от такого пламени любви Божественной, а мы остаемся нечувствительными, не расстаемся и не хотим расстаться со своими грехами и беззакониями, так что на нас воочию сбываются слова пророка Иеремии: «ожесточиша лица своя паче камени, и не хотеша обратиться» (Иер. 5; 3). Что же будет дальше? Чего нам ждать, как не гибели вечной? О, братие! Помним ли мы, что говорит апостол Павел в Послании к Евреям: «Земля бо пившая сходящий на ню множицею дождь, ...а износящая терние и волчец непотребна есть и клятвы близ, еяже кончина в пожжение» (Евр. 6; 6-8). Помним ли мы эту угрозу? Подумаем же, в какое бедственное состояние приводит нас это ожесточение и нерадение! Осмотримся, пока есть еще время, пока не отринул нас вовсе, пока не затворил для нас двери милосердия Своего Господь! Я знаю, что трудно нам расстаться с греховными своими привычками, но у Бога вся возможна суть (Мк. 10; 27). Мы знаем примеры, что спасались много лет в блудном грехе жившие, до глубокой старости в разбоях жизнь проводившие. Разве не один и тот же Бог у нас, что и у них? Он отвергает человека, когда сам человек отвергается благодати Его, а когда человек обращается к Богу, то и Бог обращается к человеку. Доколе же будем нечувственными? Ужели до конца жизни? Но ведь мы — христиане, за нас Кровь Сына Божия проливалась, нам Царство Небесное обещано. Пробудимся же от сна нашего греховного! О, Господи, Боже, премилосердый наш Отец и Создатель! К Тебе мы прибегаем, Тебе вопием с умилением: отыми от нас сердце каменное, дай нам сердце

плотяное, как обещал Ты чрез Пророка Твоего (Иез. 11; 19), пошли нам в помощь Духа Твоего и сотвори, да в заповедях Твоих неутруженно ходим, и хотя в них живот вечный наследуем! Аминь.

(Из "Поучительных слов" Гедеона, епископа Псковского)

684. В поучение невесткам и свекровям

Есть в Библии одна священная Книга Ветхого Завета, которая представляет нам прекрасные образцы, как должна жить свекровь со своими невестками, и как невестки должны любить и уважать свою свекровь. Книга эта известна под именем Книги Руфи. Вот что в этой книге рассказывается. Во времена судей был голод в земле Израильской, и один житель города Вифлеема — того самого, в котором впоследствии родился Иисус Христос, пошел жить на полях Моавитских, в чужой земле. Звали этого человека Елимелех, а жену его Ноемиль. С ним пошли и два сына его. Сам Елимелех скоро умер в земле Моавитской, а сыновья его женились на моавитянках: один взял за себя Орфу, а другой — Руфь. Так жили они там около десяти лет. После того оба сына умерли; остались три вдовы — Ноемиль и две невестки ее: Орфа и Руфь. Видно, Ноемиль была добрая, благочестивая женщина, видно, она с материнской любовью обращалась со своими невестками, потому что когда Ноемиль услышала, что Бог посетил милостью народ Свой и послал ему хороший урожай, и решила вернуться на родину, то обе снохи пошли с ней и не захотели покинуть ее. "Подите, возвратитесь каждая в дом матери своей, — уговаривала их Ноемиль, — да сотворит Господь с вами милость, как вы поступали с умершими и со мною. Да даст вам Господь, чтобы вы нашли пристанище каждая в доме своего нового мужа!" — И она, как любящая мать, поцеловала их. Такие речи, такое сердечное прощанье показывало, что она любила их от всей души, что она искренно благодарна им за их любовь к ее сыновьям и желает им всякого добра.

Но как Ноемиль была прекрасной свекровью, так Руфь и Орфа были Достойными ее, добрыми невестками или, лучше сказать, — родными дочерьми. Они подняли вопль и плакали, и сказали: "Нет, мы с тобою возвратимся к народу твоему". Такая привязанность тронула сердце матери — свекрови, но она не видела для них счастья, если они пойдут за ней в чужую для них страну, и потому продолжала их уговаривать: "Возвратитесь, дочери мои; зачем вам идти со мною? У меня нет больше сыновей! Мне очень жаль вас, видите, рука Господня постигла меня!" — Но они опять подняли вопль, опять стали плакать. Так расстаются только те, кто искренно, всем сердцем любят друг друга.

Однако же Орфа простилась со своей доброй свекровью и возвратилась к народу своему. А Руфь ни за что не хотела расстаться с любимой свекровью. "Не принуждай меня, — говорила она Ноемини, — не принуждай оставить тебя и возвратиться в свою землю. Куда ты пойдешь, туда и я пойду; где ты

жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом. И где ты умрешь, там и я умру и погребена буду. Одна смерть разлучит меня с тобой". Каким великим утешением были эти слова Руфи для удрученной скорбями старицы — Ноемини! Кто мог ожидать такой беззаветной детской привязанности от язычницы-моавитянки? Руфь пришла с своею свекровью в ее родной город Вифлеем; она стала кормить трудами рук своих свою нареченную мать, и Господь благословил ее за это неожиданным счастьем: она вышла замуж за близкого родственника Ноемини, богатого и благочестивого жителя Вифлеема по имени Вооз, и родила от него сына Овида, который был дедом царя и пророка Давида. И вот, когда старица Ноеминь пестала внука своего, носила его в объятиях своих и была для него нянькой, то женщины-соседки говорили ей: "Благословен Господь, что Он не оставил тебя ныне без наследника! И да будет славно имя его в Израиле! Он будет тебе отрадой и питателем в старости твоей, потому что его родила сноха твоя, которая любит тебя, которая для тебя лучше семи сыновей!"

Вот как в Ветхом Завете хорошие свекрови жили со своими невестками, и как хорошие невестки почитали и уважали своих свекровей. Не правда ли, есть чему поучиться у них и новозаветным свекровям и невесткам? В самом деле, — как снисходительна была праведная Ноеминь к их немощам! Орфа и Руфь были язычницы; добрая Ноеминь не упрекает их, не бранит даже за то, что они кланяются своим идолам. Нет сомнения, что за эти десять лет, пока живы были ее сыновья, она не раз говорила со своими снохами-моавитянками о Боге Израилевом; но не столько учила она их вере истинной словом, сколько делом — жизнью своею благочестивой. "Пусть, — рассуждала она, — пусть смотрят, чему учит наша вера святая; у них сердце доброе, они и сами поймут, какая вера лучше: моя или их, языческая. И не ошиблась добрая Ноеминь; по крайней мере, одна из ее невесток так полюбила ее, так полюбила и веру ее, что решительно заявила, что ни за что с ней не расстанется: "Твой Бог будем моим Богом, твой народ — моим народом". Вот что может сделать любовь родственная. А у нас что бывает? Заметит свекровь, что невестка не по ее обряду персты слагает, и вот, вместо кроткого слова любви материнской, начинаются попреки да укоры. Достается при этом и родителям невестки: "Они-де еретики, сами не умеют молиться и тебя не выучили; с такими еретиками-де и есть вместе не следует". Ну, скажите, Бога ради, от любви ли говорится такое слово?

Ноеминь умела ценить любовь своих невесток и к ней самой, и к умершим ее сыновьям. "Да сотворит Господь милость с вами, — говорила она на прощание своим снохам, — как вы поступали с умершими сыновьями моими и со мною". А у нас и это не часто можно встретить: невестка старается всячески угодить мужу и свекрови, а свекровь на нее и не глядит; мало того, придирается ко всякой малости, ко всякой ошибке молодой, неопытной в жизни снохи, и вместо того, чтобы с любовью материнской научить ее, как и что надобно сделать лучше, бранит ее на каждом шагу. А

молодое сердце ко всему восприимчиво: и к ласке, и к брани; когда бранят, оно черствеет, холодеет и делается готовым само на брань; а когда обращаются ласково, с любовью, со снисхождением, оно привязывается чувством благодарности к старшим. Невестка оказала тебе услугу, как добрая дочь, — ты похвали ее и скажи: "Вот спасибо тебе, моя родная; дай Бог тебе здоровья", — и она с радостью будет всегда готова исполнить все, что тебе надобно.

Вот если бы нынешние свекрови походили на эту ветхозаветную свекровь, праведную Ноеминь, то как хорошо жилось бы тогда в наших семействах! Свекровь в доме — мать всей семьи; от матери, как от души, в семье все зависит; ее пример, ее жизнь, ее обращение — все это служит образцом для подражания дочерям и невесткам. Где в семье добрая, умная, благочестивая мать, там мир и любовь.

И для невесток есть немало поучительного в истории Руфи и Ноемини. Ноеминь благодарила своих невесток за то, что они старались угодить ей и покойным мужьям своим. Видно, они были кротки и послушны как к мужьям, так и к свекрови своей. Быть не может, чтобы Ноеминь вовсе ни слова никогда не говорила им, когда замечала в их языческой жизни некоторые обычаи и привычки, несогласные с верой в истинного Бога. С кротостью, с материнской любовью она делала им внушения, наставления, а они, видимо, все принимали тоже с кротостью, во всем были послушны ей, за все ее любили и уважали. Они были по происхождению язычницы, истинного Бога не ведавшие; но вот, они пришли в добрую семью, которая поклонялась Богу истинному, в своей свекрови видят пример святой, чистой жизни, светлой и просвещающей веры. Как ни сильна была в них привязанность к вере своей родины, к тем богам, которым они поклонялись с детства, но они сумели оценить то благо, какое нашли в семье Ноемини, и привязались к этой чужестранке всей душой.

По милости Божией, в наше время невестки не встречаются в доме своих свекровей того, что затрудняло бы их совесть: их свекрови — такие же христианки, как и они сами, у них те же добрые обычаи христианские, к каким они привыкли в доме своих родителей, та же святая вера Православная, в какой они сами родились и воспитались. Только враг спасения мутит их души и посеивает в них злобу и ненависть. И из-за чего? Чего не поделили вы, молодые невестки, со своими матерями-свекровьями? Или вам хочется быть в доме большими, старшими хозяйками? Но достанет ли у вас на то опытности? Ведь всякое старшинство требует умения, знания, немалых забот; не лучше ли вам поучиться у свекрови своей этой опытности в хозяйстве? Ведь недаром же она свой век прожила, ваших мужей вырастила? Да и зачем обижать ее, старушку? Она стала для вас второю матерью родной; вы обязаны законом Божиим любить и почитать ее как родную мать. Да и к чему эти неразумные мечты о старшинстве в доме? Христос Спаситель всем нам говорит: кто хочет быть старшим и первым, тот будь всем слуга! Если хочешь, чтобы тебя все уважали и любили и слова

твоего слушались, то сам умеи быть послушным, сам заслуживай любовь и уважение у добрых людей! Вот если бы все мы помнили это святое слово Христово, то не стали бы мечтать о старшинстве, и какой мир царил бы в наших семьях тогда! Дай-то, Господи, всем нам это помнить и на деле исполнять! Аминь.

685. Господь любит праведных

«Господь любит праведники» (Пс. 145; 8)

«Хранит Господь вся любящия Его» (Пс. 144; 20)

Еще в юности своей познал праведный Авраам Бога истинного, на Небесах живущего, повсюду сущего и все содержащего, и возлюбил Его всем сердцем своим. У историка Георгия Кедрина записано предание, что учителем Авраама был Ангел Господень, и ученик был достоин своего учителя! Как сам он научился познанию единого истинного Бога и вере в Него, так и отца своего, и братьев своих старался привести к такому же Богопознанию и вере истинной. Но труды его были напрасны: только любезная супруга его, Сарра, и племянник Лот молились вместе с ним Богу истинному. Предание говорит, что на шестидесятом году своей жизни Авраам разжегся такой ревностью Божественной, что однажды ночью тайно зажег храм идольский. Его братья бросились спасать своих идолов от огня, и старший брат Арран обжегся при этом и скоро умер. Идолопоклонники, отомщая Аврааму за гибель своих идолов, бросили его самого в огонь, но он силой Божией вышел из огня невредим. Видя это чудо, отец его, Фарра, начал познавать Бога истинного и потому, когда Бог повелел Аврааму покинуть родину и идти в землю Ханаанскую, пошел с ним и отец его, но на пути умер. И возлюбил Бог Авраама, угодника Своего, и дал ему великие обетования. Он сказал ему: "Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты благословен, благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну, и благословятся в тебе все племена земные". Как бы так говорил Господь: кто тебя, Аврааме, возлюбит, того и Я возлюблю, а кто тебя возненавидит, того возненавижу и Я, твой друг будет Моим другом, твой враг — Моим врагом; кто будет почитать тебя, тот почтит Меня; то похулит тебя, тот Меня похулит; кто тебе окажет благодеяние, тому Я воздам сторицею, а кто тебя обидит, тот обидит Меня, и Я отомщу ему; сделает ли тебе человек добро или зло, он Мне это сделает, и от Меня получит награду или наказание; и благословятся в семени твоём все народы земные. Объясняя последние слова обетования Божия, апостол Павел говорит: "Не сказано: и потомкам, как бы о многих, но как бы об одном: и семени твоему, которое есть Христос" (Гал. 3; 16).

Вот какие великие обетования изрек Господь Своему избраннику, изрек и исполнил их самим делом. Он покрывал его на всех путях его и избавлял его от всех бед. Так, случился голод в земле Ханаанской, где странствовал

Авраам, и нужда заставила его идти в Египет, где было во всем изобилие. Зная незаконные нравы страны той, угодник Божий велел прекрасной супруге своей, Сарре, не называть себя женой его, а сестрой (она и действительно была его недалняя родственница, что в Ветхом Завете допускалось), Авраам боялся, чтобы египтяне не убили его за жену. И действительно, целомудренная Сарра была взята в дом фараона, царя Египетского. Но рука Божия удержала фараона, чтобы он не дерзнул коснуться святой жены святого мужа, который в то время слезно молился Богу о супруге своей и поручал ее сильной защите Господа. И коснулась рука Господня не только фараона, но и всего дома его: тяжкие болезни вдруг поразили фараона и всех слуг его, и даже весь скот его. Никто не знал, за что обрушились на них такие беды; жрецы египетские стали умолять богов своих, чтобы открыли им причину бед. И вот, повелением Божиим, бесы, живущие в идолах, против своего желания сказали истину, что эта казнь на царя и дом его послана Богом Небесным за чужую жену, взятую в дом фараона. Тогда фараон, убоявшись Бога Небесного, возвратил Аврааму жену его чистой, и многими дарами почтил их. Подобное случилось с Авраамом в Герах, куда он ушел после истребления Богом Содомы и Гоморры. И здесь царь Герары Авимелех взял к себе в дом Сарру, так как Авраам опять назвал ее своей сестрой; и здесь Бог порастил Авимелеха и весь дом его болезнями тяжкими, а потом Сам явился ему во сне и грозил смертью, если не возвратит жены мужу. И Авимелех смиренно просил Авраама помолиться за него, возвратил ему Сарру, и по молитве Авраама Бог исцелил Авимелеха и всех болящих в доме его. Достоин замечания, что Авимелех взял Сарру с чистым намерением, чтобы жениться на ней, как сам он и оправдывался пред Богом в сонном видении: "В простоте сердца моего и чистоте рук моих сделал я это, потому что Авраам сам сказал мне: она сестра моя, и она то же сказала: он брат мне". Поэтому Авимелех был чист от греха прелюбодеяния, но он был наказан уже за то одно, что взял Сарру к себе против воли ее и тем обидел ее. А Господь не терпит, когда рабов Его обижают, и творит скорое за них отмщение. Если земной господин не терпит обиды своим слугам и мстит за них, тем паче Господь Небесный не потерпит сего. Рабы и служители Господа — Его други искренние; так Сам Господь говорит им в Евангелии: «вы други Мои есте, други любимые, Аз возлюбил вас. Они — други, которым Он открывает тайны Свои: Не ктому вас глаголю рабы (Я уже не называю вас рабами), яко раб не вестъ, что творит господь его: вас же рекол други, яко вся, яже слышал от Отца Моего, сказал вам» (Ин. 15; 14,15). Такими друзьями Божиими и в Ветхом Завете были святые праотцы и пророки, которым Бог открывал Свои тайны, как говорит о себе, например, Давид: «безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси» (Пс. 50; 8). ,

Теперь рассудим, — если у земного царя есть любезный друг, верный хранитель его тайн, и кто-нибудь оскорбит или обесчестит этого верного царского друга, то разве царь не прогневается на обидчика? разве не защитит своего друга? Тем паче гневается Царь Небесный на тех, кто обижает Его

друзей, верных хранителей Его Божественных Таин. Рабы Господа — Его возлюбленные чада, как говорит Он им в Евангелии: «Чадца, еще с вами мало есмь» (Ин. 13; 33). Не мстит ли отец за своих детей, когда их обижают? Тем паче Отец Небесный строго накажет тех, кто обижает чад Его. Рабы Господни столь любезны Христу Богу нашему, что Он говорит о них: «Иже бо аще сотворит волю Отца Моего, иже есть на небесе, той брат мой, и сестра и мати Ми» (Мф. 12; 49). Кто может равнодушно стерпеть обиду матери, брата или сестры, чтобы не отомстить обидчику их? Как же строго накажет Христос Господь наш тех, которые преследуют рабов Его, бесчестят их, наносят им тяжкие оскорбления и насилия!

Господь и Владыка наш любит рабов Своих, как зеницу ока. Слышите, что говорит Моисей о возлюбленном Богу Израиле: Удовли его в пустыни, в жажди зноя в безводне: «обыде его и наказа его, и сохрани его яко зеницу ока» (Втор. 32; 10)? Поэтому и Давид молится: солрани мя, Господи, яко зеницу ока (Пс. 16; 8). Каждый человек хранит зеницы очей своих со всяким опасением, как бы чем-нибудь не повредить им, чтобы не лишиться зрения, и нет ничего человеку милее его очей: в них свет для жизни человеческой. Вот так же и Господу Богу любезны рабы Его; они дороже для него всего видимого — и дольного, и горнего создания; ради них Он оставил горня и сошел на землю, и хранит их, как зеницу ока Своего. И если кто обидит их как-нибудь, такому Он не потерпит. Мы слышим, что говорит Он рабам Своим в книге пророка Захарии: «касайся вас касается в зеницу ока Моего» (Зах. 2; 8). Потерпит ли кто, чтобы ему выкололи глаз? Так и Господь Бог не потерпит, чтобы кто-нибудь сделал насилие или обиду служителям Его. Сам Христос засвидетельствовал эту истину, когда изрек Пречистыми устами Своими: Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защитит их, сказываю вам, что подаст им защиту вскоре (Лк. 18; 7, 8). Какое же это будет отмщение? Это видно из слов царя Давида, который в молитве своей к Богу говорит: «погубиши вся стужающыя души моей, яко аз раб Твой есмь» (Пс. 142; 12). Так все стужающие рабам Господним, все оскорбляющие их, погибнут с шумом, казнимые праведным гневом Божиим.

(Из "Летописи" святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

«Мир мног любящим закон Твой» (Пс. 118; 165).

«Возвеселятся вси уповающи на Тя, во век возрадуются, и вселишися в них, и похвалятся о Тебе любящим имя Твое» (Пс. 5; 12).

«Возрадуются и возвеселятся о Тебе вси ищущии Тебе, Боже!» (Пс. 69; 5).

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится» (Пс. 90; 1).

«Якоже щедрит отец сыны, ущедрит Господь боящихся Его» (Пс. 102; 13).

«Блажени вси боящиеся Господа» (Пс. 127; 1).

686. Благовестие Архангела отцу Предтечеву

Как благовременно настал настоящий праздник, принесший радость всему миру! Я разумею явление Архангела Гавриила и священнодействие Захарии. Вы слышали, как евангелист Лука повествует, что случилось с Захарией: как он вошел в храм Господень для каждения, а все множество народа молилось на дворе храма во время каждения; тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного, на таком месте, которое доказывало, что явление истинно, а не обманчивое привидение. Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. И сам Ангел, удаляя страх, сказал: "Не бойся, Захарие, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит сына тебе, и наречешь ему имя Иоанн!" О, преславного таинства и ужасного чудесе! Справедливо Захария усомнился и противоречил Ангелу: он об одном просил, а другое получает; он о людях молился, а называется отцом будущего младенца; он о прощении согрешений умолял, а приемлет обетование разрешения бесплодной утробы! Поистине, он естественно смутился, так как человек был, хотя и облеченный священническим достоинством. Он помышлял в душе своей: "Что это за странное и удивительное видение мужа! Что за странное обещание его глаголов! Кто сей, дерзновенной ногой вошедший во святой храм и ставший одесную алтаря кадильного, как будто ни единому греху непричастный? Кто сей, изумительный по виду, блистающий лицом и устрашающий мою душу? Никогда я не видел более ужасного! Что же это значит? Недоумеваю; думаю, что это какой-нибудь соглядатай, мешающий моей службе. Там — множество людей молящихся ожидает меня, как служителя Небесного Царя; а сей задерживает меня здесь. Через меня люди вознесли молитвы Царю Небесному, испрашивая прощения согрешений своих; а сей является, принося мне новую весть. Отойди, наконец, ты, устрашающий меня! Если бы ты был от Бога посланный Ангел, ты был бы сотрудником моего дела, ты помог бы моей молитве и сжалился бы над теми, что стоят там со слезными мольбами. Отойди отсюда, устрашающий меня! У меня и мысли нет о дитяти, которого ты мне обещаешь. И что приобретет народ, если я буду иметь сына? Какая польза будет людям, если Елисавета воспитает младенца? Какая кому будет выгода, если я оставлю наследника своему дому? Мы с женой устарели уже, прошло время брака, от старости угасла теплота плотская, и чего юность не произвела, как проведет то старость?"

Так размышлял в душе своей Захария. Ангел же говорит ему: "Не бойся, Захарие, не смущайся помыслами: я — Ангел света, а не тьмы, я — Гавриил, один из вождей Царя Небесного, я Его повеление приношу, а не своею властью повелеваю; я послан благовестить тебе, а не утратить; не для утращения тебя явился в этом образе, но чтобы не поразить тебя подлинным существом ангельским, ибо не может плотяный видеть бесплотного, и Пославший меня к тебе щадит твою жизнь. Не бойся, Захарие, я послан принести тебе добрую весть, а не повергнуть тебя в страх и сомнение. Ты

ссылаешься на старость и на бесплодное ваше сожитие, и на заматарелую утробу. Но кто своею волею раждает? Чадородие есть Божий дар, а не человеческое изобретение. Или ты не слышал Господа глаголющего: «Аз есмь творяй человека и созидаю дух человека в нем» (Зах. 12; 1)? Или ты не веришь тому, как создан Адам, как создана Ева? Вспомни, Авраам получил обетование и поверил, и не обманулся в надежде; а ты, священник, не веруешь! Ты выставляешь естественную немощь и не даешь значения Божию слову! Ты просил малого, а приемлешь великое, и возражаешь, как будто обманутый. Ты лишь об Израиле молился, и я благовествую тебе то, что всему человечеству будет во спасение".

Выслушав это, Захария в смущении возразил Ангелу, говоря: "Что ты вещаешь мне, Ангел Божий? Жена моя родит, да разве я об этом молился? Ради сего ли я приношу кадильницу и фимиам трачу? Совершая служение свое, я прошу оставления грехов людям, а не разрешения своему неплодствию. Я народу облегчения желаю, а не Елисавете зачатия и беременности. Что ты вещаешь мне, Ангел Божий? Жена моя родит, какая же от этого польза молящимся со мною? Услышав об этом, не побьют ли они меня камнями, восклицая, что я молюсь не о них, а о себе самом, и что я испросил не им милость от Бога, а себе чадородие. Но у меня нет никакого желания к чадородию. Да не будет этого! Не хочу!

Мы не можем ходить без жезла, а ты говоришь нам о супружеском долге. Я прошу спасения людям и благоденствия народу нашему, а не младенческого плача и пелен и повивания. Как я могу быть отцом родному сыну, когда я едва хожу! Ты видишь, что мы оба состарились и к земле склоняемся, и уже ничего другого не ожидаем, как только серпа смертного... Если же, о Ангел Божий, ты истину вещаешь, дай мне в залог какое-нибудь знамение, чтобы я поверил обещанию. Дай знамение, чтобы не посмеялась надо мной Елисавета, как некогда Сарра. Иначе, как мне убедиться в твоих словах? Ты нарекаешь имя младенцу, ты исчисляешь добродетели еще нерожденного, — покажи же мне что-либо вышеестественное, чтоб я поверил рождению вышеестественному!"

Ангел отвечал Захарии: "Ты не веришь Богу всемогущему и Божие обетование считаешь несильным; ты говоришь, как убедиться тебе; говоришь, что Бог выше законов природы ничего не творит. Скажи же мне, чем поддерживается тягота земная? На чем укреплен свод небесный? Где облака имеют свое хранилище? Где собираются капли дождя? Где раздробляются снежные тучи? Кто дает быстроту течению солнечному? Кто полагает предел лунному росту или ущербу? Кто исчисляет все множество звезд? Как удерживается песком свирепеющее море? Как во утробе матерней зарождается человек и душа, Богом созданная, как вдруг является в зачатом младенце? Как тебе убедиться, говоришь... Неужели ты не веришь, что всякое создание покорно своему Создателю? И если захочет Бог, природа производит и то, что выше ее сил. Если ты не веришь, что неплодная может родить, то что скажешь, когда услышишь, что непорочная Дева чудесно

раждает? Если же ты знамения просишь, чтоб поверить словам моим, то вот тебе знамение: ты онемеешь и не скажешь ни слова, пока не исполнится то, что я сказал".

Какое человеколюбивое наказание! Только голос, выразивший неверие, связывается Ангелом! Только язык, дерзнувший противоречить Ангелу, обуздывается. Захария сделался нем! Его молчание ожидало звука новорожденного; Захария ожидал Иоанна, старец — младенца, священник — пророка. Ожидал молча, по властному слову Ангела: ты будешь молчать и не скажешь ни слова до тех пор, пока не сбудется сказанное мною! Услышав слова эти, Захария вышел из церкви, пораженный немотой за свое неверие. О, какое странное чудо! Он пришел, было, во храм, чтобы других освободить от грехов и суда, а исходит сам осужденный, как согрешивший. Люди ожидали его, надеясь благословение услышать от него; а он только помавал (кивал), и этим помаванием давал понять, чтобы никто не подходил к нему и не расспрашивал ни о чем...

О, дивные явления! Захария молчит смущенный, а Елисавета веселится. Язык связывается, а утроба обременяется. Красноречивые уста бессильны сказать слово, а неплодная — становится матерью... Захария молчит, а Иоанн во чреве матери играет. Ибо чуть увидела непраздная Елисавета пришедшую к ней Пречистую Деву, вдруг взыгрался радостно Иоанн в утробе матери и своим движением как будто говорит: "Почему не исхожу я отсюда на свет? Я — Предтеча Владыки, я узнаю Его, предпославшего меня, чтоб я шел пред лицом Его, уготовить Ему путь". О, дивные явления! То, чего еще не знали Ангелы на небесах, то узнал Иоанн, носимый во чреве! От небесных сил утаилась тайна Божия, а Иоанну во утробе матерней открылась!

Наконец, Елисавете настало время родить, и она родила сына. И услышали соседи и родственники ее, и радовались с ней, что по природе и выше природы она зачала и родила: как жена — она зачала по природе, а как престарелая — она явилась выше природы. Рождение Иоанна совершилось не столько от плотских родителей, сколько от благодати Святаго Духа, ибо Иоанн нужен был не столько родителям, сколько Божию Слову. И родившийся младенец приял благодать Божию от самой матерней утробы: едва он родился — и голос отцу подает. Когда собравшиеся спрашивали знаками у Захарии, как бы он хотел назвать новорожденного, он потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему. И тот, кто не поверил словам Ангела, теперь принужден был писанием открыть бывшее ему видение и, дав младенцу имя, вдруг получил дар слова! И все удивились, ибо в ту же минуту разрешились уста его, освободился язык его, и он стал говорить, благословляя Бога... О, новое и удивительное чудо! Имя младенцу пишется, и доселе немые уста отца его являются вещающими и пророчествующими, нарекается имя — "Иоанн", — и нарекающего язык получает свободу; одно имя праведного разрешает немоту, и доселе неподвижный язык движется и благословляет Бога!

Так родился святой Предтеча Господень.

Так появился на свет Глас, которому предстояло вопиать в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему. О, чудо! Слово приходит, и голос предвещает Его пришествие; Владыка грядет, и раб предпосылается; Царь приближается, и воин впереди идет.

Да возрадуемся все и возвеселимся, что Елисавета родила, и Захария заговорил, что Предтеча родился, и мир весь возрадовался. Воскликнем же и мы с Захарией: "Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Своей и сотворил избавление ему". Богу единому подобает всякая слава, честь и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

(Слово святого отца нашего Иоанна Златоуста)

687. "Немощи немощных носить" (Рим. 15; 1,2)

«Должны есмы мы сильнии немощи немощных носящи, и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созиданию» (Рим. 15; 1,2)

Таковыми словами приглашает святой апостол Павел всех тех, которые сильны верой, наукой, разумом, здоровьем, достатком и прочими благами, чтобы они во всем помогали ближним своим в их немощах и недостатках, исправляли бы их и во всем братски заступались за них. Иной думает: "Я делаю свое дело, забочусь о нем, а до соседа — что мне за дело? Я хожу каждый праздник, каждое воскресенье в церковь, я посылаю своих детей в школу, я не жалею для них денег на разные полезные книжки, учу их послушанию, приучаю к труду и всему, что для жизни полезно; я не пьянствую, не ссорюсь, не трачу напрасно своих трудовых грошей, не вхожу в долги; а как там живет мой сосед — мне какое до того дело? Может быть, он вовсе не ходит в церковь, не говееет, худо живет со своей женой, не приучает детей ни к церкви, ни к школе, пьянствует, любит чужим пользоваться, бранится и дерется — что мне до того? Разве я за него буду отвечать пред Господом Богом? Каждый сам ответит за себя". — Не хорошо, не по-христиански так рассуждать, братие мои. Если Господь сподобил тебя, человеце, исповедовать святую веру Православную, если ты чтить свой закон и живешь по-христиански, да если при этом ты видишь, что сосед твой нарушает закон, сошел с прямой дороги, то обязан исправить его и научить добру. Представь, что дом соседа горит. Хотя бы ты и не боялся, что огонь перейдет на твой дом, однако же — ужели ты не пойдешь гасить огонь и скажешь: "Пусть его горит"?! А если душа соседа погибает, а с ней гибнут и души всей его семьи, — разве эта беда не хуже пожара? Разве ты не обязан позаботиться, чтобы эти бедные души не впали во власть диавола и не погибли навеки? Вот почему и пишет святой апостол Павел: должны есмы мы сильнии немощи немощных носить, и не себе угождати. Не из милости только ты должен слабому помогать, невежду наставлять, грешника исправлять: нет, это — твой долг, твоя святая обязанность!

Когда видишь, что твой сосед не любит в церковь ходить в праздники, то походи к нему и скажи ему: "Пойдем, сосед, вместе Богу помолимся!" Когда видишь, что твой сосед не посылает детей своих в науку, скажи ему: "Грех тебе будет, сосед, за деток твоих, что растут они у тебя без науки, не будут знать грамоты. Посылай-ка их, пусть ходят и в церковь, и в школу вместе с моими!" Если видишь, что в избе у твоего соседа идет ссора, что один другому не уступает, или, сохрани Бог, началась драка, — походи туда, скажи им разумное христианское слово, с братской любовью укажи на то, что они тяжкий грех на душу берут, что привлекают на себя гнев Божий. Вот если так будешь поступать, то будешь делать доброе дело: ты, более их сильный верой, будешь помогать слабому верой ближнему твоему. И если он тебя послушается и исправится, то это будет твоя великая заслуга пред Господом Богом, и Бог простит тебе какой-либо твой грех за то, что ты избавил от греха душу ближнего твоего, что ты его просветил, вывел на правый путь. А если дал тебе Господь Бог силу в достатках, то и достатком твоим помогай слабым, бедным братьям и ближним твоим. Это не значит, чтобы ты был обязан раздать все твое имущество бедным, а сам остаться ни с чем; это значит только, чтобы ты не отказывал в помощи такому ближнему, который дошел до нужды не по своей вине, не чрез пьянство, лень и распутство, а от недобрых людей или по какому-нибудь несчастному обстоятельству. Вот такому человеку помоги в нужде, если можешь, дай ему в долг без процентов, а Бог заплатит тебе за него таким процентом, какого ты и не ожидаешь. Вот что значит: немощи немощных носить. Если заболит твой сосед, не говори: "Чем я ему помогу?" — Нет, ты походи к нему, утешь его, разговори, послужи ему, как умеешь. К нему беда пришла, его нива не вспахана, не засеяна, это тревожит его. Ах, как он обрадуется, когда ты придешь к нему и скажешь: "Не тужи, соседка, будем живы-здоровы и вспашем, и засеем твою ниву!" И такое доброе, ласковое слово твое будет для него лучшим лекарством. Когда он выздоровеет, он не забудет твоей услуги и, может быть, оплатит тебе такой услугой, а если и умрет — о, как приятно будет сердцу твоему подумать, что ты его вдове и детям-сиротам хлебушка припас! Велика будет тебе награда на небе у Бога!

Вот если ты будешь так о ближних твоих заботиться, будешь их добру учить, от греха отводить, в нужде им помогать, то ты исполнишь волю Господа Бога и будешь справедливо называться христианином. Ибо и Христос не Себе угоди, — говорит святой апостол Павел, — но якоже есть писано, поношения поносящих тебе нападоша на мя. Христос Спаситель пришел на нашу землю не для того, чтобы Себе угождать, не затем, чтобы господствовать, хотя и мог господствовать, если бы захотел, — но Он терпел поругания и муки для нас всех. Поэтому и мы — не должны ли идти по следам Иисуса Христа и везде, во всем оказывать любовь к ближним нашим? Да если бы пришлось и нам лишиться чего-нибудь, только бы послужить в нужде ближнему нашему, разве мы не обязаны были бы это сделать? Разве мы не должны заботиться о благе ближних наших всеми силами души

нашей? Но так ли бывает у нас? И прежде всего, — помогаем ли мы друг другу по-христиански в общежитии? Большею частью бывает у нас так: я — темный человек, — будь и ты темный. Я живу худо, и ты живи так же. А кто любит в церковь ходить, над тем иногда смеются, называют его богомолком. А вот апостол Павел не тому учит: кийждо, — говорит он, — ближнему да угождает к созиданию. Каждый старайся послужить ближнему, научить его уму-разуму, показать ему добрый пример. А у нас что бывает? Идешь полем, видишь: скотина зашла в рожь или пшеницу, затоптала целую полосу, а ее усталый хозяин уснул на меже. Рядом пашет его сосед, он будто не видит ничего. Говоришь ему: "Послушай, любезный, что же ты не сгонишь скотину с нивы? Видишь, что она наделала!" — А он отвечает: "Это не моя скотина". — "Хотя и не твоя, а все ее согнать надобно". — "А что мне, — говорит, — за охота чужой скот пасти? Чего хозяин-то спит?" — Вот как у нас умеют немощи немощных носить! Он не только не хочет оказать услугу своему соседу, — он еще злорадствует, что у того беда приключилась!

Бывает грех, когда в душе радуются, если сосед обеднел, если в долги вошел, если стал пьянствовать... Иной радуется, что вот, когда соседу есть будет нечего, то он возьмет с него втридорога, отберет у него хлеб на корню за целый год вперед, оберет его кругом — вот вам и любовь к ближнему, вот как помогают ему в беде, несут немощи его, подают ему добрый пример! И все это оттого, други мои, что мы мало знаем веру свою христианскую, что мы только называемся христианами, а вовсе не думаем исполнять закон Христов! Стыдно сказать: жид жиду охотно помогает; немец неправославный выручает из беды своего соседа-немца, — а у нас находятся люди хуже их, хуже всякого неверующего в Бога язычника! Не так было во времена апостольские. В том же Послании, из которого мы привели слова апостола Павла "немощи немощных носите", — он пишет Римлянам, что рад бы прийти к ним, но еще не имеет свободного времени: вот, — говорит, — когда пойду в Испанию, то по дороге и к вам зайду, а теперь должен идти в Иерусалим, послужить святым, то есть тамошним христианам: Благоволиша бо Македония и Ахаия общение некое сотворити к нищим святым живущим в Иерусалиме. Это значит, что в Македонии и Ахаии христиане сделали сбор на бедных христиан, живущих в Иерусалиме, а святой Апостол взялся отнести собранные пожертвования в святой град. Где Иерусалим? Где Македония и Ахаия? Это страны, отдаленные одна от другой, народы — разные; в Македонии и Ахаии жили греки, а в Иерусалиме — иудеи, а вот все любили друг друга по-братски и помогали друг другу, как родным. Славу Богу, еще не оскудела совсем эта чистая, святая любовь христианская и ныне; и теперь, во дни скорби и нужды, как, например, было во время голода в некоторых местах России, собирали немалые суммы и посылали голодающим. Собирают, добрые люди не отказывают жертвовать на нужды веры Православной и в далеких странах, как, например, в Японии, в Сибири для новокрещенных, и дай Бог, чтобы эта любовь никогда не оскудевала, ибо если она оскудеет, то погаснет в нас и самая вера! Братие! Будем любить

друг друга по-христиански, в любви найдем свое счастье здесь, на земле, и вечное спасение на небе! Аминь.

(Из книги о. Иоанна (Наумовича) "Наука")

688. Сергиев день

«Поминайте наставники ваша, ...их же взирающе на скончание жительство, подражайте вере их» (Евр. 13; 7)

Давно ли мы светло праздновали 500-летие блаженной кончины преподобного отца нашего Сергия? А вот уже гол прошел; пройдут и еще годы, пройдут сотни, тысячи лет, а память праведника пребудет с похвалами, потому что сказано: в память вечную будет праведник (Пс. 111; 6). Как счастливы мы, православные, что Святая Церковь наша празднует памяти святых Божиих! И всегда близки к нам угодники Божии, но мы-то бываем от них далеки. И вот, настает день, посвященный памяти того или другого угодника Божия, и он восстает пред нашими духовными взорами как бы живой: мы созерцаем все его духовные совершенства, мы славим Бога, прославляющего тех, которые славили Его своей святой жизнью, и чрез то, незаметно для самих себя, сами становимся лучше, приближаясь в молитвенном общении к святым Божиим, а чрез них — и к Богу Самому... Кто из нас, иноков, обитающих под благодатным покровом преподобного отца нашего Сергия, не носит святого имени его в своем благодарном сердце, кто хоть раз в день не возносит к нему вздоха молитвенного? Но и в обители иноков бывает немало суеты житейской, которая заслоняет от нас светлый облик нашего небесного игумена, и вот, настает день — преимущественно Сергиеев: все Богослужение посвящается прославлению его дивных подвигов, храмы Божии наполняются благоговейными чтителями его священной памяти; среди всенощного Богослужения читается житие его, и тогда — что за дивный образ великого в своем смирении старца-подвижника является пред нами во всей своей неземной красоте!

Вот он, еще 20-летний юноша Варфоломей, покидает мир и уходит с родным своим братом Стефаном в непроходимую чащу лесную, с одним заветным желанием — укрыться навсегда от мира так, чтобы мир не мог найти его и совсем бы забыл об отшельнике, чтобы быть ему наедине с единым Богом, непрестанно молиться, неустанно трудиться и очищать свое сердце от греховных страстей при помощи Божией благодати. Вот, братья построили церквицу, и, с благословения святительского, на ней нарекается имя Живоначальная Троицы. Вот, старший брат покидает младшего и уходит в столицу: не вынес он скорбей пустынного жития, и юный Варфоломей остается одиноким отшельником в глухом, непроходимом лесу. Вот он приемлет от руки некоего игумена Митрофана ангельский образ и весь отдается подвигу иноческому. Возможно ли в кратком слове изобразить сей дивный подвиг его уединенного в пустыне пребывания? — "Кто изочтет его теплые слезы и воздыхания к Богу, его стенания молитвенные и плач

сердечный, его бдения и ночи бессонные, продолжительные стояния и повержения себя пред Господом? Кто сочтет его коленопреклонения и земные поклоны, кто расскажет о его алкании и жажде, о скудости и недостатках во всем, об искушениях от врага и страхованиях пустынных?" — Так говорит о своем учителе его достойный ученик, преподобный Епифаний, писатель жития его, кто же лучше и ближе мог оценить подвиги своего возлюбленного аввы?

Но вот, изволением Божиим, настает время мужественному подвижнику послужить своим опытом духовным к спасению ближних. К нему идут за советом и утешением, у него ищут руководства и наставления в жизни духовной. Ведь с таким наставником все можно понести, всякую скорбь вытерпеть: только открой ему с Детской простотой все сердце твое, поведай, что томит тебя, пожалуйся ему на себя самого, как дитя жалуется нежной матери на своего обидчика, и верь: он скажет тебе в утешение иногда только два-три слова, но зато какие это чудные, теплые, благодатные слова! Они прольют мир в смущенную душу твою, согреют ее такой любовью, какой только мать согревает свое грудное дитя, — и все пройдет, как рукой снимет, и станет на душе так тихо, ясно и тепло...

И вот, проходят годы, и множится число учеников Сергиевых. Его имя с благоговением произносится во всех концах Русской земли и становится известным на православном востоке. Его словом дорожат князья и вельможи, его совета ищут первосвятители Русской земли, а он, уже игумен, уже убеленный сединами старец, — он по-прежнему ходит в одежде, ушитой заплатами, по-прежнему служит братии, как раб купленный: он для нее и повар, и пекарь, и мельник, и дровокол, и плотник, и портной... Чем более восходит он от силы в силу, преуспевая в духовном просветлении и приближаясь к Богу, тем более нисходит он во глубину смирения. Глубокое смирение и детская простота — вот два прекрасных свойства его святой души, которые мы видим во всех его действиях, с его раннего детства до глубокой старости. Эти две святые добродетели составляют основные черты его нравственного облика; они, так сказать, окрашивают в свой цвет все прочие его добродетели: его благодатное ко всем отношение, его голубиное незлобие, все его великие подвиги. В соединении с духовным рассуждением, как плодом опыта духовного, они образуют в нем тот цельный нравственный характер, красота которого невольно влечет к себе человеческое сердце. Когда ближе всматриваешься в святолепный образ сего дивного старца Божия, то сердце переполняется каким-то неземным чувством красоты, и душа рвется в умилении упасть к стопам угодника Божия! О, священная главо, преподобие отче наш Сергие! Вот мы и припадаем к стопам твоим, как любящие дети, — припадаем наипаче сегодня, в твой нареченный и святой день, и радуемся, и веселимся духовно, ибо веруем, что ты присно с нами, а наипаче ныне с высоты небесной призираешь на нас, грешных, во славу Божию тебе празднующих, и благословляешь, и озаряешь нас тихим светом твоей славы небесной!

Но, возлюбленные братие, одна ли чистая радость чувствуется в сердце в то время, когда нашей душе предносится святолепный образ великого подвижника Божия? Не смею судить о других по себе. Может быть, есть немало среди вас таких чистых душ, которые радуются ныне полной, светлой радостью во славу Божию и в честь угодника Божия. Но, думаю, что у многих, подобных мне грешников, к чувству радости в сей день примешивается некое чувство грусти, — не той безотрадной, томительной грусти, которая гнетет душу тоской и подрывает духовные силы, а той спасительной грусти, с которой начинается печаль яже по Бозе, печаль спасительного покаяния, жажда нравственного очищения, скорбь души о потерянной чистоте, о разлуке с Богом... Невольно думается: вот каковы были наши духовные предки — истинные последователи Христова учения! А мы — что? Господи, какая пропасть отделяет нас, плотяных, от них — одухотворенных, нас, оземлянившихся рабов греха, от них — святых, чистых, свободных граждан горнего Иерусалима! Удивляться ли после этого, что у нас на Руси находят себе последователей разные безбожные лжеучения, что охлаждается любовь к ближнему, и растет самолюбие, что умножаются пороки и беззакония, и распространяются ереси и отступления от Матери — Церкви? И кто же тому виной, братие, мои? Кто, кроме нас самих?! Не помним мы своих предков духовных, забываем их заветы священные, и вот — сами становимся хуже и хуже... А ведь святые Божии такие же люди были, что и мы, той же плотью были облечены, те же немощи имели, те же скорби несли; значит, и нам никто не помешал бы такими же стать, какими они были, если б только сами мы пожелали, — да пожелали всем сердцем, всей душой, всем помышлением своим!

Поминайте наставники ваша, — заповедует Апостол Христов, — их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их (Евр. 13; 7). Во исполнение этой заповеди апостольской сегодня мы и творим память великого наставника нашего, преподобного Сергия. Но не сегодня только, а и всегда мы должны взирать на скончание жительства и подражать вере святых Божиих. Каждый день Святая Церковь чтит память того или другого угодника Божия. Будем же чаще всматриваться в дивные образы их, недаром ведь сказано в Писании: с преподобным и сам преподобен будеши, с благодатным и сам облагоухаешься ароматом благодати, исходящей от одеяния души его! Аминь.

(Слово в день Преподобного отца нашего Сергия, произнесенное 25 сентября в Троицкой Сергиевой Лавре)

689. Читайте, братие, Слово Божие

И Сам вниде в весь некую: жена же некая именем Марфа прият Его в дом свой. И (сестра ей бе, нарицаемая Мария, яже и седши при ногу Иисусову, слышаше слово Его (Лк. 10; 38, 39)

Сын Божий, Избавитель наш, странствуя по земле ради нашего спасения и переходя от града во град, от веси в весь, пришел в весь некую, в которой некая благочестивая жена, именем Марфа, приняла Его в дом свой с великой радостью. Она хотела угостить столь желанного Гостя как можно лучше и всячески заботилась о том. Но так как Сын Божий затем и в мир пришел, чтобы возвещать волю Отца Небесного, то и в доме Марфы не преминул проповедовать Слово Божие. У благоговейной Марфы была благоговейнейшая сестра Мария, которая оставила все попечение домашнее, каким в таких случаях обыкновенно бывают заняты женщины, села у ног Спасителя и с любовью стала слушать Слово Божие. Как вы думаете, братие, о сих двух христоролюбивых сестрах: которая из них больше Христу услужила — Марфа или Мария? Марфа старалась угостить Спасителя, Мария всем сердцем приложилась к слушанию проповеди Христовой. Многие, пожалуй, похвалят больше Марфу, чем Марию, ибо она трудилась, беспокоилась, чтобы угодить любимому Гостю; а Мария без труда наслаждалась слушанием Слова Божия. Посему Марфа и жаловалась Христу на сестру свою: Господи, не брежеш ли, яко сестра моя едину мя остави служити: рцы убо ей, да ми поможет. Но слышите, что говорит Христос заботливой Марфе: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе: едино же есть на потребу. Мария же благу, то есть лучшую, часть избра, яже не отыметя от нея. Так вот, видите, — Христос не по-нашему рассудил. Хорошо делала Марфа, что старалась угостить Христа; но еще лучше делала Мария, что прилежно слушала Слово Божие. Марфа заботилась о телесном угощении, а Мария о духовном: Спасителю, как пища сладкая, приятно, если кто святое Слово Его с благоговением слушает. Будем же, братие, и мы подражать прилежанию боголюбивой Марии, будем усерднее поучаться в Слове Божиим!

От незнания Слова Божия происходят все заблуждения и пороки. Кто лишился зрения или ходит в глубокой теме, тот не знает куда идет, не видит, где ему грозит опасность, часто спотыкается, падает в яму, не видит на самом себе нечистоты, хотя бы весь замаран был, — так и человек, который не имеет разума, Словом Божиим просвещенного, не видит истинного пути спасительного, блуждает во тьме неведения, часто падает и — тем он несчастнее, что не чувствует своего падения. Весь осквернен пороками, но, к несчастию, не видит их. Постоянно грешит, но не знает грехов своих. Хотите ли увериться в том? Возьмите в пример пьянство. Какой это скверный и вреднейший порок! Он губит и душу, и тело человека, почему святой Златоуст и говорит, что никого так не любит диавол, как пьяницу: ведь никто так воли его злой не исполняет, как пьяница. Слово Божие страшно гремит против этого порока: не льстите себе, ни блудницы, ни пияницы... Царствия Божия не наследят (1 Кор. 6; 10). Так оно обличает и все другие пороки. В Слове Божиим открывается воля Божия, благая и совершенная: кто хочет волю Божию исполнять, тот должен ее познавать из Слова Божия. Как можно исполнить волю царя, если не знать указов царских? Как можно по воле Божией жить, если не читать Слова Божия, в котором она открывается? На то

и дано Слово Божие, чтобы поучаться в нем. Всяко писание, — говорит Апостол, — Богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде: Да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован (2 Тим. 3; 16, 17). Для сего и Сам Христос повелевает: Испытайте писаний! (Ин. 5; 39). Господь велит непрестанно поучаться в законе Своем: да не отступит книга закона сего от уст твоих, и да поучаешься в ней день и ночь, да уразумеешь творити вся писанная: тогда благоуспеши, и исправиши пути твоя (Нав. 1; 8). Священное Писание есть свеча, в темном месте сияющая: Свотильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим (Пс. 118; 105). Это — путеводитель, ведущий нас к Богу, Создателю нашему, зеркало духовное, показывающее душе нашей пороки, дабы мы могли очистить их покаянием, благовонная аптека, в которой есть разные врачества против немощей душевных. Страждет ли кто недугом гордости и высокоумия, — там он найдет, что всяк возносясь, смирится: и смиряясь вознесется (Лк. 14; 11), станет рядом с мытарем и, не смея очей возвести к небу, будет стенать о грехах своих. Болит ли кто недугом сребролюбия, — он услышит Божий глас: безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси — кому будут (Лк. 12; 20) — и, утрашенный гласом сим, отыдет исцелен. Малодушествует ли кто, сомневается ли в чем, страждет ли недугом неверия — найдет там себе врачество; в отчаянии — он найдет там надежду на милосердие Божие и увидит, что милосердый Отец Небесный распростертыми руками приемлет блудников, прелюбодеев, мытарей, разбойников и прочих великих грешников, с сокрушенным сердцем к Нему приходящих, и повелевает радоваться обращению их всем Небесным Силам: радость бывает пред Ангелы Божиими о едином грешнице кающемся (Лк. 15; 10), — говорит Христос, ободряя нас, малодушных, таким милосердием. Словом сказать, кто бы ни имел какую душевную немощь, в Святом Писании он найдет несомненное врачество себе. Оно просвещает разум в вере, укрепляет волю на добрые дела, вселяет надежду и, таким образом, все три богословские добродетели — веру, надежду и любовь, без коих нельзя спастись, насаждает в нашем сердце с помощью Того, Кто предал нам сие Писание по благодати Своей.

Когда желаем слушать или читать Слово Божие с пользой для души, то надобно очистить сердце свое от всего, что не допускает в него Слово Божие. Напоенная губка ничего в себя не может принять, пока не выжмут из нее то, чем она напоена. Так и сердце человеческое, занятое разными похотями и попечениями, не может допустить в себя Слово Божие. Итак, надобно, чтобы наше сердце не было дорогой, по коей идут разные похоти и суетные помышления, на которой посеянное Слово Божие поедают птицы небесные, то есть духи злобы поднебесной. Надо, чтобы сердце наше не было каменное, то есть бесчувственное, дабы от печалей житейских попечений не посохло семя Слова Божия. Надобно, чтобы оно не было заглушено терниями сребролюбия, любочестия, сластолюбия и прочих прихотей. Значит, сердце

должно быть для него доброй землей, дабы оно могло принести плод во сто, или в шестьдесят, или, по крайней мере, в тридцать. Очистив таким образом сердце, надобно приступать к слушанию Слова Божия со страхом и радостью. Со страхом, — помышляя о величестве Того, Кто дал его, ибо Он — Бог, Царь Небесный. С радостью. — помышляя о благодати Того, Кто чрез Слово Свое святое благо изволил беседовать с нами, бедными, нищими и отверженными, и не возгнушался послать нам Писание Свое, как друг посылает своему другу письмо. Судите сами, какова должна быть эта радость: если земной царь напишет кому-нибудь от себя письмо, знаете ли, с каким восторгом читает это письмо тот, кто получит его? Сколько раз он его перечитывает, целует, почти из рук не выпускает, день и ночь им утешается, друзьям и соседям своим хвалится: "Сам государь-де меня удостоил своим письмом!" И в самом деле, — есть чем хвалиться, потому что это — знак особенной к нему царской милости, царь жалуется ему паче других, как верного слугу своего. А вот Царь Небесный, Бог и Творец наш, послал человеку Писание Свое чрез пророков и апостолов, как письмо к другу Своему, и в нем объявил, как Он человека любит, хранит и к чему его ведет, зовет его к Себе, обещает ему с Собою вечное Царство Небесное. Читай же и слушай, человеце, Писание сие, как бы к тебе самому писанное; читай, как письмо от Царя Небесного, от Бога и Создателя твоего, к тебе присланное в знак любви и милости Его к тебе. И ты будешь читать или слушать Слово Божие с великой радостью. При этом прилежно молись с святым Давидом: Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего (Пс. 118; 18). Сия молитва твоя будет беседой к Богу, а твое чтение или слушание Слова Божия — будет Божией беседой с тобой: чрез свою молитву ты будешь к Богу говорить, а Бог чрез Слово Свое святое будет наставлять, вразумлять, увещевать, утешать тебя. Какое сладостное и желанное собеседование, — Бог с человеком, Создатель с Своим созданием, Господь с рабом Своим беседует! Приступая к слушанию Слова Божия, возьми себе в пример ту самую благочестивую Марию, которая оставила всякое попечение домашнее и, сев при ногам Иисусовых, слышала слово Его. Аминь.

(Из Слова святителя Тихона, епископа Воронежского, на день Введения во храм Пресвятой Богородицы)

690. Четыре святые Параскевы

Имя Параскевы у нас на Руси есть одно из любимых имен. Слово это греческое, по-русски оно значит "пятница". К сожалению, многие христианки, носящие имя Параскевы, знают разные суеверные сказания о почитании двенадцати пятниц, и вовсе не знают, кто были те угодницы Божии, которых имена они носят. А Святая Церковь чтит память четырех угодниц Божиих — Параскев, но никаких пятниц в честь их не установила. О суеверном почитании 12-ти пятниц читайте наш листок № 559, а здесь мы предлагаем краткие сказания о четырех святых Параскевах.

1. Параскева мученица

В святом Евангелии рассказывается, как Христос Спаситель беседовал с Самарянкой, которая уверовала в Него и потом пострадала за Него вместе с пятью своими сестрами и двумя сыновьями. В числе этих сестер-мучениц была и святая Параскева. Все они пострадали в Риме при императоре Нероне, который приказал отбить им руки молотом на наковальне, потом распять на крестах. Три дня висели страдальцы на крестах вниз головой, причем каждый день их били воловьими жилами, затем содрали им кожу с головы, отрезали сосцы и, наконец, отсекали им святые главы. Только старейшая сестра, святая Фотиния Самаряныня, еще страдала после того 20 дней в мрачной темнице, а потом брошена была в колодезь. Память их 20 марта.

2. Параскева преподобномученица

Сия святая Параскева была родом из Рима, дочь христианских родителей. По смерти родителей она раздала все имение их убогим, приняла монашеский образ и пошла из Рима с проповедью Евангелия, обращая многих ко Христу. Иудеи оклеветали ее правителю Антонину, который сначала ласками и угрозами заставлял ее отречься от Христа, потом приказал надеть ей на голову раскаленный медный шлем и бросить в кипящее масло. Но Бог сохранил ее невредимой, и правитель обратился к вере во Христа.

После того святая Параскева снова пошла проповедовать веру Христову. Правитель одного города, некто Асклиций, потребовал, чтобы она отреклась от Христа, и когда святая Параскева не согласилась на это, приказал отвести ее за город к одной пещере, где гнезился страшный змей, чтобы сей змей растерзал ее. Но святая убила его крестным знаменем, и Асклиций, пораженный сим чудом, уверовал во Христа. А святая Параскева вновь пошла на подвиг апостольский. И опять в одном городе правитель Тарасий стал принуждать ее поклониться идолам. Много лютых мук претерпела от него святая Параскева и, наконец, была усечена во главу. Память сей преподобномученицы совершается 26 июля.

3. Параскева преподобная

Преподобная Параскева была родом из родной нам стороны — из Сербии. Ее благочестивые родители отличались милосердием и воспитали ее, голубицу Христову, в том же духе любви к ближнему. Еще при жизни своих родителей она проводила жизнь подвижническую, много постилась и молилась по ночам. А по смерти их совсем решила покинуть мир, все

бросила и ушла в пустыню. Питалась она там былием пустынным, терпела и летнюю жару, и зимние морозы, и разные страхи бесовские. Одному Богу всеведущему известны все ее подвиги. Спустя несколько лет, однажды ночью, когда она стояла на молитве, является ей Ангел Божий в образе пресветлого юноши и говорит: „Оставь пустыню и возвратись на родину; Богу угодно, чтобы ты там предала свое тело земле, а дух — Богу." Возрадовалась преподобная, что настает время ее отшествия к Богу; но в то же время сожалела, что надобно оставить безмолвие пустыни. Однако, исполняя волю Божию, она пошла в Царьград, помолилась там в славном храме Софии Премудрости Божией и в церкви Пресвятой Богородицы, что во Влахернах, и пошла оттуда на родину, где прожила недолгое время и предала свою блаженную душу Богу. Ее тело было погребено в пустынном месте.

Прошло много лет после ее кончины; близ места ее погребения подвизался один столпник. В одно время около его столпа скоропостижно умер какой-то моряк, и непогребенное тело валялось, издавая нестерпимый смрад. Столпник вынужден был сойти со своего столпа и попросил соседних жителей закопать тело. Когда стали копать могилу, то нашли нетленное тело преподобной Параскевы. По простоте своей они рассудили, что если бы это были святые мощи угодницы Божией, то Бог прославил бы их чудесами. Но чудес они не видели, и потому снова закопали нетленное тело в одной яме со смердящим трупом. И вот, в ту же ночь один из них, более благоговейный муж, видит во сне сидящую на светлом троне Царицу, окруженную множеством светлых воинов. В страхе он пал на землю пред дивной Царицей. Тогда один из светлых оных воинов поднял его за руку и сказал: „Георгий! Зачем вы без внимания оставили тело преподобной Параскевы и похоронили с ней труп смердящий? Бог хочет прославить рабу Свою на земле." И сама Царица сказала ему: „Положите поскорее мои мощи в нарочитом месте; не могу я терпеть смрада от трупа." То же самое видение было и одной благочестивой жене именем Евфимия. Наутро они рассказывали свое видение соседям; немедленно мощи были с честью взяты и перенесены в храм Апостолов Петра и Павла, в той самой веси, где родилась преподобная. Много чудес совершалось по молитвам преподобной у святых ее мощей. Впоследствии болгарский царь Иоанн Асеня перенес их в свою столицу — Тернов, а потом, спустя много времени, турки перенесли их вместе с другими награбленными сокровищами в Царьград. Султан турецкий Селим поставил их в своем дворце, но множество чудес смутило поклонников Магомета. Из опасения, чтобы сами магометане не обратились к вере Христовой, султан отдал святые мощи христианам, которые положили их в Патриаршей церкви. Впоследствии молдавский государь Василий испросил царьградского патриарха Пареевения дозволение перенести их в Яссы, где они почивают и доныне. Память преподобной Параскевы празднуется 14 октября.

4. Параскева великомученица

Сия святая великомученица пострадала при царе Диоклетиане, в городе Икони. В юности осталась она сиротой после своих родителей. Воспитанная ими в страхе Божиим, не захотела она выйти замуж, богатое наследство раздавала бедным, словом Божиим обличала идолопоклонников, из коих некоторые уверовали во Христа, а другие возненавидели сию невесту Христову, как свою обличительницу, схватили ее и посадили в темницу. Когда прибыл в Иконию правитель, чтобы мучить христиан, язычники-граждане передали ему святую деву Параскеву, как проповедницу Распятого. Правитель потребовал ее на суд, с радостью пошла святая Параскева, так что лицо ее сияло необычайной красотой, и правитель невольно сказал своим: „Напрасно оклеветали такую прекрасную девицу“, — и, обратившись к ней, спросил, как ее зовут. „Я — христианка, раба Христова“, — отвечала она. Правитель сказал: „Твоя наружность располагает меня говорить с тобой кротко, а твои речи возмущают меня.“ Святая отвечала: „Судья праведный должен радоваться, когда слышит правду, а ты гневаешься. Я сказала тебе мое имя вечное: да, я — Христианка, раба Христова; а мое земное имя — Параскева, потому что мои родители почитали постом и молитвами шестой день недели — пятницу (по-гречески "пятница" называется "параскева"). как день вольных страданий Господних. Вот Господь и дал им меня, недостойную, в этот день, они нарекли меня Параскевою — пятницую.“ — „Перестань говорить пустое, — сказал правитель, — принеси жертву нашим богам, и я женюсь на тебе.“ — „У меня есть Жених на небесах, Иисус Христос, — другого я не желаю“, — отвечала невеста Христова. „Пощади молодость свою“, — сказал правитель. „Себя пожалей, — отвечала святая дева, — тебя ведь ждет вечная мука.“ Разгневался мучитель и приказал жестоко бичевать ее. Она молчала. Когда же он стал опять ее уговаривать, она плюнула ему в лицо. Рассвирепел нечестивец и приказал повесить мученицу, строгать железными когтями, растирать раны власяницей, а потом бросить ее в темницу. Еле дышащая лежала она там, как вдруг, в полночь, явился ей Ангел Божий; в руках у него были орудия страстей Господних: крест, терновый венец, копьё, трость, губка. Он сказал ей: "Восстани девице, Христовых страстей общнице! Исцеляет тебя Христос Господь!" И встала святая, как бы от сна. Ангел отер губкой все раны ее, и она стала совершенно здоровой и облобызала все орудия страданий Господних, после чего Ангел стал невидим. Настало утро. Темничные стражи известили мучителя, что Параскева исцелилась непостижимым образом от ран и молится своему Христу. Немедленно приказал правитель привести ее. "Видишь, — сказал он, — как милостивы наши боги к тебе: они исцелили тебя". Святая отвечала: "Покажи мне своих богов". Правитель велел отвести ее в капище идольское. Думали, что она хочет поклониться богам их. Но святая, помолившись Богу, взяла за ногу идола Аполлона и сказала: "Тебе говорю, бездушному, и всем с тобою идолам: так повелевает вам Господь мой Иисус Христос, — падите на

землю и рассыпьте в песок!" И с этим словом в прах рассыпались все идолы... Со страхом побежал народ из капища и кричал: "Велик Бог Христианский!" Тогда правитель грозно спросил мученицу: "Какими волхвованиями ты сделала это?" Она отвечала: "Я призвала Господа Иисуса Христа, и Он явился мне; твои боги, увидев Его, с трепетом пали и разбились. Себе не могут они помочь; как же помогут другим?" — Мучитель велел повесить святую и свечами палить ее ребра. Святая молилась. Вдруг явился Ангел Божий, и, по его мановению, огонь от свеч попалил много неверных. Народ опять стал взывать: "Велик Бог Христианский!" Тогда мучитель, опасаясь возмущения, приказал немедленно отсечь голову мученице. И слышали некоторые достойные люди при этом голос с неба: "Радуйтесь, праведные, мученица Параскева получила венец!" На другой день мучитель отправился на охоту; испуганный конь сбросил его в пропасть, и он разбился до смерти... А тело великомученицы было с честью погребено в ее доме в Икони. Память святой великомученицы Параскевы празднуется 28 октября.

691. Что такое великая ектения?

Кто внимателен к службе Божией, тот знает, что в начале великой вечерни, в начале утрени и литургии диакон или священник провозглашает целый ряд молитвенных прошений, на которые клирос отвечает пением: Господи, помилуй! Это и есть ектения великая. Слово "ектения" не русское, а греческое, оно значит по-русски "распространение". Кратка, но все содержит в себе молитва "Господи, помилуй". Чего же мы просим у Господа Бога этой краткой молитвой? Вот, великая ектения и служит как бы распространением и полным толкованием, что значит эта молитва — "Господи помилуй", и чего мы должны и можем просить у Господа Бога для нашей жизни, для нашего вечного спасения. Самое нужное, если мы хотим, чтобы Господь услышал нашу молитву, это то, чтобы мы сами были мирны со всеми: мир с Богом, мир со своей совестью, мир с нашими ближними — вот без чего не дойдет к Богу наша молитва! Но где найти этот желанный мир, как не в церкви Божией, и как обрести его, если не теплой, смиренной ко Господу Богу молитвой? Только в церкви Божией найдешь ты, мирской человек, ту тишину и спокойствие, где можно забыть о суете земной, где никто не помешает тебе всем сердцем беседовать с Богом. Тут видишь ты только святые иконы, лики святых Божиих, Пречистой Матери Божией и Самого Господа Иисуса Христа. Вот священнослужитель и приглашает тебя к такой молитве: "Миром Господу помолимся!".

Но и в храме Божиим не обретет человек мира душевного, если совесть его будет обличать его в злобе и вражде против ближнего, в тяжких грехах против заповедей Божиих. Такому человеку стыдно взглянуть на икону Христову, на лики святых Божиих. Его душа нуждается в том мире, который свыше, от Бога ниспосылается душе кающейся, оплакивающей свои грехи. И

святая Церковь просит нам у Господа этого мира свышняго в следующем прошении великой ектении: "О свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся!" Любовь христианская требует, чтобы мы не себе только желали и просили у Бога добра, но и всем ближним нашим, каждому человеку, даже врагу нашему, и вот слышится прошение: "О мире всего мира и благостоянии святых Божиих Церквей, и соединении всех, Господу помолимся!" — Помолимся, братие, Господу Богу, чтобы во всем Божием мире, во всем свете царил мир и тишина, чтобы цари и народы не воевали, чтобы людской крови не проливали. Помолимся, чтобы наша святая вера Православная крепко стояла, чтобы все Церкви Божии, по миру рассеянные, хранили единение духа в союзе мира, чтобы христиане не делились, не враждовали между собой, а те, которые не имеют с нами общения, которые уклонились в расколы и ереси, снова к Церкви Православной обратились бы, чтобы все мы вместе были единым стадом, как един у нас Пастырь Христов.

Нет ничего на земле для христианина дороже храма Божия: здесь он беседует с Богом в смиренной молитве, здесь освящается благодатию Таинств церковных, здесь преискренне приобщается Пречистого Тела и Крови своего Господа и Спасителя во оставление грехов и в жизнь вечную. Посему Святая Церковь прежде, чем молиться о каких-нибудь потребах земных, молится: "О святем храме сем, и с верою и благоговением и страхом Божиим входящих в онь Господу помолимся!" — Помолимся, чтобы Господь хранил наш родной приходский храм, и все храмы Божии, чтобы милостиво принимал в них молитвы и приношения от всех, кто с верой, с должным благоговением и страхом Божиим приходит в них помолиться. Внимай, христианин: Церковь молится только за тех богомольцев, которые приходят сюда, в храм Божий, с благоговением и страхом Божиим, а кто пришел сюда не для молитвы, кто здесь стоит, как на торжище, не молится, а только смотрит по сторонам, отвлекает других от молитвы, занимается разговорами, пересудами ближнего, — такой человек сам лишает себя молитвы церковной, сам исключает себя из числа тех, за кого молится Церковь Божия. Далее священнослужитель возглашает: "О Святейшем Правительствующем Синоде", о местном архипастыре — митрополите или епископе, о честном пресвитерстве, во Христе диаконстве, о всем причте и людех Господу помолимся!" Помолимся о наших архипастырях и пастырях, чтобы Господь помог им и вразумил их право править слово истины, помолимся о служителях Церкви Божией, чтобы они с чистой совестью, усердно и благоговейно проходили свое служение к нашей духовной пользе и своему спасению.

Помолимся и о всех людях, о всех православных христианах, в мире сущих, и, по заповеди апостольской, прежде (чем) творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки, — за Царя, и за всех, облеченных властью. Церковь приглашает к молитве "о благочестивейшем, самодержавнейшем, Великом Государе нашем Императоре, о супруге его, о благоверном государе наследнике цесаревиче, о всем царствующем доме, о

всей палате и воинстве их Господу помолимся! — О еже пособити и покорити под нозе их всякаго врага и супостата Господу помолимся". Чтобы помог Царь царствующих царю нашему благочестивому и всем верным слугам царским смирить врагов веры Православной и царства нашего Русского, обуздать всех злых людей, чтобы они добрых и честных людей не обижали, чтобы всем жилось под властью нашего царя хорошо, тихо и спокойно — о царствующих градах, о граде или веси сей, где мы живем, "о всяком граде, стране и верою живущих в них Господу помолимся!" Помолимся, чтобы все люди, носящие святое имя христиан, жили по-христиански, чтобы каждый исполнял дело своего служения по совести, со всем усердием, трудясь не для себя, а как пред Богом, исполняя каждое дело как дело не свое, а Божие.

Попросим у Бога себе и всем людям всего, без чего нельзя жить на земле, с тех пор, как нашему Адаму сказано: проклята земля в делах твоих; терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную (Быт. 3; 17, 18), — "о благорастворении воздухов, о изобилии плодов земных, и временех мирных Господу помолимся!" Помолимся, чтобы Господь послал на землю благорастворение воздуха, чтобы не было никакой заразы в нем, ни для людей, ни для скотов, чтобы земля родила нам изобилие плодов своих, чтобы дал нам Бог жить в мире, ни с кем не воевать, дабы спокойно пользоваться дарами благодати Божией. Помолимся и о тех, которые не могут вместе с нами разделить молитву, но так же, как и все мы, нуждаются в помощи Божией — "о плавающих, путешествующих", — чтобы Господь даровал им мирный, безопасный путь, здравие и благополучие; "о недугующих", чтобы исцелил их недуги и болезни; "о страждущих" и скорбью томимых, чтобы облегчил Господь скорби их, послал им Свое небесное утешение, помог им нести тяжелый крест; "о плененных", которые на войне или иначе как попали в тяжкую неволю, чтобы Господь избавил их от этой неволи, вернул в родные дома, к родным семьям, "и о спасении их" — о спасении душ всех этих несчастных братьев наших — "Господу помолимся!"

Что может быть трогательнее этой молитвы любящей Матери — Церкви, о чадах своих? От ее милосердых очей не укрылось ни одно бедствие человеческое, не забыт ни один несчастный; она всех помнит, за всех молит милосердаго Отца Небесного. Она предвидит возможность и таких бедствий, о которых мы не думаем, которых не ожидаем: мало ли бывает в жизни разных непредвиденных огорчений, лишений, которые могут нарушить наш мир, поколебать наше благосостояние, воспрепятствовать нашему спасению, ввести нас в искушение? И вот заботливая Мать наша, Церковь, возглашает: "О избавится нам от всякие скорби", от всякого посещения "гнева Божия", и от всякия "нужды Господу помолимся!" Но как слабы и нечисты наши молитвы, как ничтожны наши заслуги пред Богом! Ничего не посмели бы мы просить у Господа Бога, если бы Сам Он не заповедал нам: просите и дастся вам! А потому, если и просим, то просим единственно в надежде на великую милость Божию, и потому последним прошением

великой ектении Церковь за всех нас взывает к Божью милосердию: "Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию!" — И на каждое прошение клирос отзывается краткой, но трогательной молитвой, которая в сущности заключает в себе все прошения, все молитвы: "Господи, помилуй!" А чтобы еще более укрепить нашу веру и расположить наше сердце к смирению пред Богом, священнослужитель напоминает нам о том, что есть у нас пред Богом теплые ходатаи и молитвенники, что, поручая себя их небесному заступлению, мы должны предать себя совершенно во власть Божию: "Пресвятую, Пречистую, преблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга — всех тех, о ком мы молились теперь, — и весь живот наш — всю нашу жизнь, всю судьбу — Христу Богу предадим!" И певцы на это отвечают: "Тебе, Господи!" В Твою святую волю, Господи, предаем себя, а священник возглашает славу Богу, в Троице славимому: "Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков". Клирос от лица всего народа отвечает на это возглашение заключительным: "Аминь" — да будет так!

692. Церковное пение

«Пойте Богу нашему, пойте... пойте разумно» (Пс. 46; 7, 8)

Херувимы и Серафимы непрерывными гласы взывают: Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф! Полны суть небеса и земля величества славы Твоя! Вот первая, известная нам песнь первых певцов первого хора в Божием мире — это песнь бесплотных Сил Небесных! Этот чудный хор ликовал от радости уже тогда, когда Господь еще только полагал основание земли (Иов. 38; 7). Немолчно славословит он Господа этой песнью и донныне. Его Трисвятую песнь слышал в Откровении Исаия пророк. Слышала пение этого небесного хора и грешная земля. Когда в смиренном граде Вифлееме родился от честнейшей Херувимов Девы Марии Господь наш Иисус Христос, хор Ангелов-певцов сошел на землю и в тишине ночной вифлеемские пастыри услышали чудную песнь: Слава в вышних Богу и на земли мир: «в человецех благоволение!» (Лк. 2; 14).

Прошло 440 лет и снова человек услышал ангельскую песнь над землей. В Царьграде, во время страшного землетрясения, совершался крестный ход; вдруг при тихой погоде поднимается сильный вихрь и на глазах всех уносит одного мальчика за облака. Все считают мальчика погибшим, но через несколько минут он невредимо опускается на землю и рассказывает всем о чудной, неслыханной дотоле песни Ангельской, которую он слышал на небе. Песнь эта "Святой Боже, святой Крепкий, святой Бессмертный!" Весь народ единодушно воскликнул тогда: "Помилуй нас!" И бедствие прекратилось. Вот две ангельские песни во славу Господа.

Самая древняя, известная нам, песнь человека Богу записана в самой старинной книге, которая только существует на свете, и ей мы славословим

Господа почти три с половиной тысячи лет. Богодухновенный составитель и первый певец этой песни был великий пророк Божий Моисей. Он воспел ее по переходе народа Божия через Чермное море, а народ повторял ее, припевая за ним: Помощник и Покровитель бысть мне во спасение: сей мой Бог, и прослаблю Его: «Бог Отца моего и вознесу Его» (Исх. 15; 2). Не смолкла еще эта торжественная песнь Моисеева, как выходит на средину народа Божия его сестра-пророчица Мариам и поет: «Поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море» (Исх. 15; 1). И запели с нею все женщины и дети еврейские. Тот же пророк Моисей оставил нам молитву-псалом 89-й: Господи, прибежище был еси нам в род и род. Прекрасную песнь воспела святая Анна, мать пророка Божия Самуила, когда Господь разрешил ее неплодство, и она привела своего первенца-младенца в храм на служение Господу (читай в 1 Книге Царств, глава 2). А сколько оставил нам дивных песнопений-псалмов славный царь и пророк Божий Давид! Всех Ангелов, всех людей, всякое творение Божие призывает он к прославлению Господа. Хвали, душе моя, Господа, — поет он, — «восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь» (Пс. 145; 1-2). Пойте Богу нашему, пойте, пойте Царю нашему, пойте (Пс. 46; 7). Хвалите имя Господне, хвалите, рабы Господа (Пс. 134; 1-2). Хвалите Господа с небес, «...Царие земстии и вси людие, князи и вси судии земстии, юноши и девы, старцы и отроки с юнотами» (Пс. 148; 1,11, 12). Всякое дыхание да хвалит Господа!

Царь-певец составил хоры искусных певцов, которые пели его псалмы в храме Божиим. Славили Господа псалмами и дома, и в пути. Вот отовсюду несметными толпами идут израильтяне в свой святой город Иерусалим на праздник Пасхи. И стар, и млад поет псалмы царя Давида. Вот они увидели вершины гор Иерусалимских. «Возведох очи мои в горы, — поют они, — отнюдуже приидет помощь моя... Не даждь во смятение ноги твоя» (Пс. 120; 1, 3). Вот выделяется из прочих гор славная гора Сион. Надеющиеся на Господа, — поют путники, — как гора Сион, не подвигнутся... А вот виден и храм Божий, — и забыты путниками усталость и трудность пути. Сеявшие со слезами, — поют они, — будут пожинать с радостью. Исполнилось, наконец, заветное желание путников: они уже в обширных притворах храма Соломонова, и из уст их раздается торжественно умиленная песнь: Се ныне благословите Господа все рабы Господни, стоящие в храме Господнем, стоящие в притворех дома Бога нашего! Не только днем, но и ночью простирайте молитвенно руки ваши к святилищу Божию, и благословляйте Господа! Так во времена ветхозаветные славили Господа во всякое время и на всяком месте. К прежним песнопениям пророки присоединяли и свои вдохновенные песни. Пел богоглаголивый Аввакум, пел дивный Исаия; пел Иона во чреве китове; пели в пещи отроки, Троице равночисленные, среди пещного пламени: Благословен Ты, Господи Боже отцев наших, препетый и превозносимый во веки! Воспел Господа и праведный Захария, отец Предтечев.

Занялась заря Нового Завета. Уже Архангел возвестил Препоблагословенной Деве Марии зачатие от Нея Сына Божия, Спасителя мира. Вот спешит Она радостно к своей праведной родственнице, святой Елисавете, матери Предтечевой, и на ее Богодухновенный привет: Благословенна Ты в женах, и благословен Плод чрева Твоего, — по внушению Духа Божия отвечает прославлением Господа в этой дивной песни, которую и доселе повторяет Святая Церковь почти ежедневно на утрени: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух мой о Бозе Спасе Моем» (Лк. 1; 39-56). Наконец, пел псалмы Давидовы и Сам Господь наш Иисус Христос со Своими святыми апостолами, когда закончилась Тайная Вечеря, и пошел Он из горницы Сионской в Гефсиманию на Свои вольные страдания за нас, грешных. И святые апостолы заповедали христианам поучать и вразумлять друг друга псалмами и духовными песнопениями, во благодати воспевая в сердцах своих Господу (1 Кор. 3; 16).

Видите, братие, что церковное пение есть святая обязанность каждого христианина, а не одних только певчих и псаломщиков. Это дело Божие, Богу угодное. Поют на небе Ангелы Божии, пели пророки, пела Мать Божия, пел Сам Господь наш Иисус Христос с Своими святыми апостолами. Вот почему за каждой службой и молится Церковь за поющих. Еще молимся, — взывает она, — о плодоносящих и добродееющих во святем и честнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатыя милости! Есть даже особые молитвы за поющих, например: Твоя песнословцы, Богородице, живой и независтный (неоскудевающий) источниче, лик себе совокупльшия духовно, утверди в Божественней Твоей славе, венцев славы сподоби! Так Святая Церковь молит Богородицу, чтобы Она своих певцов сподобила в будущей жизни венца славы. А эта такая неоцененная награда от Господа, ради которой следует отдать и всю нашу земную жизнь со всеми ее радостями. Ведь участвовать в Божественной славе Богоматери, приукрашенной Божественной славой, получить в награду венец этой славы — есть полное совершенное Царство Небесное.

Но и здесь, еще на земле, Господь не оставляет без награды поющих во славу Его святого имени. Так, один угодник Божий видел во время службы, как Ангел Господень возлагал на главы искренно молящихся по цветку дивной красоты, а на главы благоговейно поющих возлагал он по прекрасному венку из этих дивных цветов. Вспомните также умилительный рассказ об Иоанне Кукузеле, которому Сама Мать Божия подарила златницу за его усердное пение во славу Ее (читайте листок № 290). Златница эта и поднесь находится в одном Афонском монастыре. Вот какое богоугодное дело — церковное пение! С каким же благоговением должны вы исполнять его, братие-певцы церковные! Сказано в Святом Писании: проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением! Напечатлейте слово сие святое на сердцах своих. Помните, что вы исполняете в храме Божиим послушание Ангельское. Пойте же Богу разумно, благоговейно, с сердечным вниманием к

тому, что поете, с усердием, с любовью ко Господу Иисусу и Пречистой Его Матери и угодникам Божиим.

К несчастью, нельзя не сказать слова правды о тех певцах недостойных, которые только оскорбляют Церковь Божию своим самочинием, неприличием в пении и поведении. Забывают они, что церковь Божия — не театр, не место какого-либо зрелища, что это место — святое, дом Божий, где Ангелы Небесные со страхом предстоят Престолу Божию, благоговая пред совершаемым Таинством Тела и Крови Господней. В храме стояще славы Твоя, на небеси стояти мним, Богородице, — поет Церковь в своих молитвенных песнопениях. Значит, храм — небо земное, жилище Божие. И вот, в этом жилище Божиим, в этом святилище нередко видишь, как певцы стоят задом к алтарю, пересмеиваются, как их регент машет руками; слышишь, как они выкрикивают недостойные храма Божия ноты, употребляют напевы, чуждые слуху православных русских людей, да еще потом требуют себе платы за такое пение! Не оскорбление ли это храма Божия? Уж пусть бы лучше пел один певец — какой-нибудь старый дьячок, чем эти "любители" пения: по крайней мере, мы слышали бы привычное церковное пение и не соблазнялись бы чуждыми сердцу нашему напевами. А еще лучше, если бы в наших храмах пели православные, общенародно, как это и повелось в некоторых церквях у нас на Руси. Как много говорит душе это общее, простое, иногда не совсем стройное, но такое задушевное, от сердца идущее пение! Слышатся тут и нежные детские голоса, и чистые, сильные голоса юношей и дев, и слабый, дрожащий, но так же, как и сильный, до Бога доходящий голос старца, преклонного летами. Душа слышится в этом общем церковном пении: не звуки тут слушаешь, а голос сердца, голос верующей, Бога призывающей, Бога славящей души. Чувствуется, что этих людей к пению наставляет Божия благодать, что они просят у Господа этой благодати, чтобы достойно воспевать Отца и Сына и Святаго Духа гласы преподобными, благоговейными, вышняя Силы подражающе. О, если бы во всех церквях наших все верующие единым сердцем славили Господа, не было бы тогда нужды в этих разных певчих-любителях, не было бы надобности тратить церковные лепты, подаваемые добрыми прихожанами на свечку Богу, — на подачки этим "любителям"... Увы, называют себя "любителями пения", а за пение просят подачки: что же это за любители? Они не пение церковное любят, а вот эти подачки... И допускать таких любителей на клирос не подобало бы...

Братие-читатели мои! По милости батюшки царя теперь везде заводятся школы церковные, а в этих школах наравне с Законом Божиим обучают детей и церковному пению. Бог даст, пройдет немного лет и все, кто в этих школах обучается теперь, будут певцами в доме Божиим, будут и других учить церковному пению. Учитесь же и вы пению церковному, пойте хвалу Богу в церкви Божией, пойте все совокупно, и стар, и млад, мужчины и женщины, и вы сами сердцем почувствуете, как это душе сладостно, и еще усерднее будете ходить в храм Божий, чтобы петь там во славу Божию!

693. Первородное исчадие греха

Пришел однажды Иисус Христос в Капернаум, вошел в дом и стал поучать народ с такой сладостью, с такой силою, что привлек почти весь город в тот дом: «И абие собрашася мнози, якоже ктому не вмешатися при дверех» (Мк. 2; 2). Здесь исцелил он расслабленного одним всемогущим Словом Своим: «возстани, и возми одр твой, и иди». Вместе с здравием телесным подал ему и здравие душевное: «отпускаются тебе греси». Чем же отблагодарили Его за все это жители Капернаума? Народ весь удивляется, славит Бога. А книжники, блюстители закона, осуждают Его как богохульника: «что Сей тако глаголет хулы?» Христос учит, Христос творит чудеса, а книжники соблазняются, говорят, что Он богохульствует... Что это значит? Откуда такие речи? — Это говорит зависть, ненавидящая все доброе. Зависть, порицающая и слова, и чудеса воплотившегося Бога! Зависть есть семя всякого зла, первородное исчадие греха, первая ядовитая скверна, растлившая небо и землю, первый тлетворный пламень, от которого зажжен огонь вечной муки адской. Завистью помрачился великий начальник Ангелов, верховный денница. Увидел он неизреченную красоту трисолнечного Божества и позавидовал, и возомнил в сердце своем: «Взыду выше облак, буду подобен Вышнему» (Ис. 14; 14). Но вместо неба, он ниспал в преисподнейшую бездну, был Ангелом света и стал страшным диаволом тьмы, променял высочайшую честь на вечные муки и стал противником Богу, сатаною. Ничего не успел он против Бога и обратил свое оружие против образа Божия — человека. Увидел он человека в раю сладости, царем всей видимой твари, славою и честью увенчанным, — и уязвился завистью, соблазнил, прельстил праотцев наших, и возрадовался, когда увидел, что они изгнаны из рая и осуждены на смерть. Но когда опять увидел, что Адам и Ева не тотчас умерли после нарушения заповеди Божией, то напоил ядом зависти сердце Каиново, вооружил его против брата Авеля, и начала земля оскверняться человеческой кровью. Так, завистью диаволею вниде в мир смерть. Слышал диавол, что человек приговорен Богом на смерть, и не мог дожидаться исполнения этого, и научил Каина убить Авеля. И пусть бы еще умер отец — Адам прежде сына: нет, сын умирает раньше отца. Но пусть бы он умер естественною смертью: нет, он умирает насильственно. Но пусть бы убил его кто-нибудь чужой, а не родной брат: нет, убивает родной брат. Видите, сколько зла в одном зле? Видите, что может делать зависть? Как диавол удовлетворил своей ненасытной злобе!

Итак, все зло, какое произошло на небе между ангелами, — что пал денница в бездну, что погубил с собой множество духов, что воспламенился в аде огонь вечных мук — все это произошло от зависти! Что наши праотцы изгнаны из рая сладости, что Адам осужден в поте лица есть хлеб свой, а Ева в болезнях рождасть детей, что они — бессмертные — стали смертными, что мы, их несчастные потомки, наследовали их грех, а за грехом и Божий гнев,

Божию клятву — все это произвела зависть! Что брат возненавидел брата и бесчеловечно убил его, что осквернил он кровью невинной чистую землю — все это сделала зависть, эта начальница противления Богу, учительница преслушания, мать братоубийства, ходатаица смерти, корень всех зол. Зависть, говорит святой Василий Великий, есть печаль о благополучии ближнего. Есть семь грехов смертных: гордость, сребролюбие, чревоугодие, уныние, блуд, злопамятство и зависть. И хотя каждый из сих семи грехов извергает яд, убивающий душу, однако яд зависти пагубнее всех других. Все другие смертные грехи имеют в виду какое-нибудь удовольствие, например, гордый хочет, чтобы его прославляли, сребролюбец желает обогатиться, чревоугодник — послаще есть, ленивый — ничего не делать, блудник — наслаждаться грехом, злопамятный — отомстить. А завистник ничего себе не ищет: он только имеет в виду одно зло ближнему, желает видеть почитаемого в бесчестии, богатого — убогим, счастливого — несчастным. Все другие смертные грехи доставляют какую-нибудь радость грешнику, а зависть не только не доставляет никакого удовольствия, но еще томит человека печалью. Что Иаков получает благословение и честь первородства от отца, — это печалит Исава, который ищет убить Иакова. Что Лия многочадна, — это печалит бездетную Рахиль, которая сетует на мужа и хочет от печали умереть. Что Иосиф видит пророческие сны о своей будущей славе, — это печалит его братьев, и они продают его в рабство, чтобы он больше не был у них на глазах. Что Давид убил Голиафа и тем прославил народ свой, — это оскорбляет завистливого Саула, который не раз покушается на его жизнь: то бросает в него копьем, то гоняется за ним и, конечно, убил бы его, если бы не сохранил его Божий покров. Что Христос Спаситель проповедует истину, исцеляет больных, прощает грешных, — это огорчает завистливых книжников и фарисеев, которые называют его богохульником. Приходит к Иисусу Христу женщина, страдающая 18 лет: она скорчена, не может поднять головы, едва дух переводит. Господь сжалился над ней и исцелил ее. Народ радуется милости Божией, но начальник синагоги гневается: "Шесть дней есть на то, чтобы приходить и исцеляться, а не в день субботный". Да разве в день субботный запрещены были чудеса? Разве в субботу закон запрещал больным лечиться? — Вовсе нет, но начальник синагоги завидует славе Чудотворца. Сатана, который прежде связал эту женщину болезнью, переходит теперь в этого лицемера и вяжет его завистью. Но то счастье, которое ожидало Иосифа, не было ли счастьем и для братьев его? А слава Давидова разве не была в то же время и славою Саула, врагов которого он побеждал? Или чудеса Иисуса Христа разве не были благодеяниями для самих евреев? Но завистник не смотрит даже на собственное добро, а смотрит только на добро чужое, какое ему видно, и печалится, и старается превратить это добро в какое-нибудь зло, и только в этом находит утеху в печали своей.

Горел в пламени неугасимом тот немилосердый богач, о коем повествует в притче Своей Господь. Возвел он очи свои и увидел убогого Лазаря на лоне

Авраамовом и воззвал жалобно: Отче Аврааме, помилуй мя, — пошли Лазаря, чтоб он, омочив конец перста своего в воде, пришел хоть немного прохладить язык мой! Братие мои! Эта просьба богача кажется мне подозрительной. Для человека, который весь горел в пламени, дышал пламенем, что была бы за прохлада от той капли воды, которой Лазарь смочил бы свой перст? Все воды источников и рек не могли бы прохладить его пламени, а он так мало просит воды... Нет, ему хочется чего-то другого. Это объясняет святитель Златоуст: "Видит он, что Лазарь, когда-то нищий и убогий, теперь во славе, когда-то обиженный и весь в ранах, теперь во свете Божественном наслаждается вечной жизнью, когда-то желавший насытиться от крупниц, падавших с его стола, теперь блаженствует на лоне Авраама, — видит он все это и горит от зависти своей больше, чем от всего пламени геенского. И вот он зовет Лазаря к себе, по-видимому, — для того, чтобы прохладить его язык, а на самом деле — для того, чтобы и он с ним мучился в геенне, и если бы это сбылось, то он, действительно, получил бы себе некую отраду". Слышит богач от Авраама, что это невозможно, и начинает снова просить: «Молю тя, отче Аврааме, послы его в дом отца моего». Как бы так говорил: если уж нельзя прислать его сюда, чтобы он мучился со мной, то, по крайней мере, пошли его в прежнюю жизнь, в прежнюю бедность, только чтоб он был удален от тебя, не блаженствовал более на лоне твоём! Не лучше ли бы этому богачу самому проситься на лоно Авраамово, нежели звать Лазаря к себе в муку? Конечно, лучше. Но завистник сей не думает о своем благе, — как бы самому стать счастливым; он думает о зле, как бы другого сделать несчастным. Он лучше желает видеть Лазаря во аде, чем себя в раю. Почему? Да потому, что зависть есть печаль при виде благополучия ближнего. Вот почему богословы говорят, что для грешников самое большое мучение будет видеть блаженство праведных и славу Божию, коей они будут лишены. Эта мука будет для них мучительнее всякой другой муки. Из всех грехов зависть есть самый, так сказать, несправедливый и вместе самый справедливый грех. Он несправедлив потому, что творит зло другим, он справедлив потому, что мучит самого завистника. Так называет ее святой Григорий Богослов. Ржавчина не съедает так железа, как зависть терзает сердце завистника. Какая это несчастная душа, душа завистника, которая мучится и в здешней и в будущей жизни! Не нужно завистнику никакого наказания в настоящей жизни, не нужно и никакой муки в будущей. Довольно с него, чтобы видел он счастье ближнего. Довольно, если он будет смотреть на блаженство праведных так, как смотрел богатый на блаженство Лазаря в недрах Авраамовых.

Одного мудреца спросили: какие глаза лучше видят — мужские или женские, человеческие и скотские? Он отвечал: глаза завистливых людей, ибо они видят дальше всех, видят самые малые вещи, видят даже то, чего нет, одного только не видят — добра, или, лучше сказать, видят и добро, но тогда плачут, и чтобы не видеть его, закрываются. Прячься, куда хочешь, запирайся в своем уединении, беги в пустыню, — и там достанут тебя глаза

завистника и увидят, что ты делаешь. Нет человека, самого добродетельного и святого, который не имел бы какого-нибудь недостатка. Один Бог без греха. И эти ничтожные недостатки видят глаза завистника. Но пусть бы уж видели только то, что есть. Нет, они видят и то, чего нет. Но довольно. Я сказал то, что мог, пусть dokonчит слово святой апостол Павел: «Не бываем тщеславни, друг друга раздражающе, друг другу завидяще. Всякий знай самого себя, не осуждай другого, не завидуй ему. Аще же друг друга угрызаете и снедаете, — говорит он, — блюдитесь, да не друг от друга истреблени будете» (Гал. 5; 26, 15). И если мы друг на друга будем вооружаться, то не нужен будет для нашей гибели даже диавол, как говорит святитель Златоуст...

Братие мои! Не станем заниматься пересудами о пороках и грехах ближнего, друг друга раздражающе, друг другу завидяще, чтоб не радовались враги наши, как видимые, так и невидимые. Будем больше молчать, прощать, иметь доброе расположение к ближнему. А зависть — она умеет только порицать, раздражать, осуждать. Кто питает ее, тот недостойн называться человеком, не стоит имени христианина. Аминь.

(Из "Поучительных слов" святителя Илии Минятия)

694. Осенние думы

Есть что-то невыразимо грустное в созерцании осенней природы. Тоска невольно щемит сердце при виде пожелтевших и опустевших полей, при виде леса, потерявшего свою пышную летнюю одежду, при частом ненастье, при свисте и завывании ветра... Давно ли веселили сердца яркие, сияющие дни, — и вот теперь нависло серое небо, обложили его низкие, тяжелые, мрачные тучи. Давно ли я наслаждался в знойный полдень прохладой могучего бора, его свежим, чистым воздухом, в котором раздавалось пение птиц? Как приятен был шелест листьев, когда ветер пробежал по вершинам деревьев! Но вот старые деревья давно облетели, и только кое-где на молодых еще мелькают увядшие желтоватые листочки, как бы напоминая о минувшем лете. Лишь изредка заблестят они румянцем и золотом, когда коснутся их лучи невысокого осеннего солнца... Давно ли разноцветный ковер расстилался на лугах под ногами, веселя зрение и улаждая обоняние? И вот теперь на земле всюду — иссохшие листья, мягкие и пухлые от сырости, да пожелтевшая трава... Унылая пора! Но отчего же тем не менее эта навевающая тоску осенняя природа так много говорит сердцу, — гораздо яснее, чем светлые летние дни? Не правда ли, есть какое-то своеобразное наслаждение в этом зрелище осеннего замиранья? В самом деле, природа не говорит ли нашему сердцу больше и сильнее в грустные дни? Или, быть может, невольно чувство грусти, навеваемое осенней природой, более сродни нашему сердцу, чем беззаботное веселье, и слезы полезнее, чем смех? Стоишь, не отрываясь очами от грустной дали потемневших полей, слушаешь — не наслушаешься завываньем осеннего ветра, — и мысль

невольно устремляется к грустным, печальным сторонам жизни, в душе возникают образы и картины давно минувшего, вновь звучат отголоски каких-то забытых, но хорошо знакомых вздохов и стонов...

Невольно вспомнишь о всем том, что крушит и омрачает твою жизнь, о дорогих, невозвратимых утратах, о горьких разочарованиях и разбившихся в прах мечтах, и невольно припомнишь слово Премудрого: суета сует! Не пойдут на ум в это время веселые песни — нет! Скорее вспомнишь слово другого мудреца, который утверждал, что доля каждого человека есть скорбь и страдания... Так, бесспорно, скорбь и страдания — наш удел на земле.

Но посмотри внимательно кругом: среди омертвелых полей ты заметишь свежую зелень новых посевов — залог будущей жизни. Пройдет осень вместе с зимой, и природа воскреснет к новой жизни. Так и христианин, среди горя и страданий земной жизни, не должен забывать о великих обетованиях Божиих. Скорби и страдания очищают душу и готовят ее к новой жизни, где уже не будет ни печали, ни воздыхания. Вспоминай это чаще, христианин, и твоя скорбь растворится радостью, и ты согласишься с тем, что никогда нет такого горя, в котором не было бы и радости. Научившись безропотно переносить страдания, ты приобретешь то терпение, то спокойствие духа, которые не возмутятся земными невзгодами, потому что взор твой сквозь свинцовые тучи скорбей проникнет туда, где сияет вечно солнце, где царит мир и невозмутимая радость. Тебе грустно смотреть на увядающие цветы, на облетевшие листья? Все это напоминает тебе об увядшей красоте, об отлетевших надеждах? Но кто же сказал тебе, что вся жизнь твоя будет одной вечной весной, непрерывающимся праздником, что ты живешь только затем, чтобы есть, пить и веселиться? Если уж о чем жалеть и сокрушаться, то вовсе не о потерянных благах, а скорее о том, что ты не сумел, как следует, воспользоваться ими. Может быть, при виде поздней осени, ты вспомнишь о ранней весне твоей жизни — о счастливом детстве? Может быть, при виде убогих хат, темнеющих вдаль, ты вспомнишь о тихом родительском крове, и в душе твоей промелькнет кроткий образ любящей матери, склонявшейся над твоим изголовьем, отца, который так заботливо, с такою любовью внушал тебе строгие правила истинно христианского поведения? Вспомнишь, может быть, и о том, как ты был чист и незлобив душой в невозвратимые дни золотого детства? О, ты будешь счастлив, если эти светлые воспоминания не омрачатся тотчас же другими, — горькими, печальными...

Но много ли таких счастливых? Много ли таких, которые могут сказать о себе, что они рано научились ценить любовь родительскую, что они не причинили им горя непокорностью, грубостью, самоволием, дурными привычками? Многие ли сумели ценить труды и заботы родительские, отвечая на них добрым поведением и нежнейшим чувством благодарности? Не чаще ли дети смотрят на заботы и жертвы для них родителей, как на что-то должное и необходимое, и не умеют понять и почувствовать истинной, чистой и бескорыстной любви? Слезы матери, ее бессонные ночи, ее

беспокойные мучительные думы... О, как я желал бы теперь исправить и загладить все горе, причиненное родителям в моем детстве, с какой любовью приник бы к сердцу матери, с какими сладкими слезами целовал бы ее руки, не знавшие усталости в уходе за детьми! Увы, все это невозможно и непоправимо... Дети, берегите дни детства! Только раз в жизни мы вкусим нежные ласки матери, считайте минуты этих ласк за великое счастье, дорожите им. Только раз в жизни все дышит в нас чистотой сердца, невинностью. Постарайтесь на всю жизнь сохранить эти свои добрые качества, без которых нам не отверзутся райские двери, да не омрачат ясного неба души вашей мрачные тучи нечистых помыслов, да не возмутят его ваши капризы — эти зародыши сердечной порчи, и тогда вы избегнете горечи поздних слез раскаяния и сожаления о невозвратимом прошлом, этих жгучих мучительных слез.

Без конца тянутся по небу мрачные осенние тучи, гонимые ветром, вереницей встают воспоминания... Была пора детства, настала весна юности. Как в природе в майские дни все дышит полнотой жизни, так душа в юные годы была полна надежд и стремлений... Молодые силы как бы рвались на простор. Чудные, прекрасные годы! Сколько было хороших планов, благих предназначений! Но вместе с добрыми порывами незаметно развились во мне дурные наклонности, вырвались на волю страсти, и сколько сил потрачено совершенно бесплодно! И вот, когда настала пора зрелого возраста, то у меня не оказалось ни достаточно терпения, ни трудолюбия, ни самых необходимых познаний, ни сознания долга, ни любви к ближним... Это грустное поле, на котором так еще недавно красовалась нива, — теперь пустое, оно представляется мне верным образом моей жизни. Но ведь с этого поля уже собрали плоды. Вон там, близ жилья, темнеют высокие одонья и скирды хлеба, которыми будут кормиться люди до будущего урожая. Где же плоды моей деятельности? Где те планы и мечты, которыми так красна была весна моей жизни? Где добросовестное исполнение своего долга? Где добрые посевы для будущего? Увы, их очень немного или и вовсе нет! Как увядшие листья, отлетели когда-то гордые надежды и мечтания, и вместо них тянется ряд серых будничных дней — с жалкими самолюбивыми расчетами, с мелкими интересами, со всей бестолковой суетой нашей жизни, с нажитыми дурными привычками, с темными пятнами на совести... И говорит мне замирающая осенняя природа, что и этому скоро настанет конец, и это все скоро так же исчезнет для тебя, как исчезнут под снежным покровом зимы эти иссохшие листья, эти пожелтевшие поля... И тебя самого пожнет неумолимый серп смерти, подобно колосьям, когда-то весело шумевшим на этом поле...

Грустно! Но не падай духом, не приходи в отчаяние! Бесконечно милосердный Отец Небесный еще длит дни твоей жизни и не отвергает пришедшего к Нему даже и в единонадесятый час. Постарайся, по крайней мере, дорожить остальными днями и, умудренный горьким опытом, исправь, что возможно: вытри, если можешь, слезы обиженных, поддержи

ослабевшего брата, а главное — принеси слезы искреннего раскаяния и моли, моли со всей силой и теплотою души, чтобы всемогущий Творец помог тебе провести остальные годы твоей жизни в мире и покаянии, в мире с Богом и с ближними, и сподобил тебя честной старости. Смотри, — это помертвелое поле вновь оживет и зашумит светлыми колосьями, этот обнаженный лес вновь оденется в недавнюю красу и вся природа пробудится к новой жизни. Моли же Господа, чтобы и для тебя настала весна новой жизни, чтобы, очистившись от всего земного, тленного и грешного, и ты воскрес для новой блаженной и никогда не стареющей жизни.

(Из "Душеполезного чтения", 1893)

695. Не суди бедняка, а подай ему

Больно и прискорбно слышать нападки на страннлюбие и нищелюбие. Щедр и многомилостив Господь Бог к тем, кто, по любви к ближнему, принимает странников, подает нищим, помогает всякого рода несчастным. И, напротив, правосуден Господь и строго карает людей немилосердных. Правда, под видом нищих часто скрываются бродяги и тунеядцы, которым поблажать не следует. Но что делать тогда, когда ты не можешь точно знать, кто просит у тебя милостыни: действительный ли бедняк или бродяга-попрошайка? Ведь и не согреша согрешишь, если прогонишь от себя без всякого рассуждения бедняка, которого видишь в первый раз и потому не знаешь, что он за человек? Вот что рассказывал о себе один почтенный старец, отставной офицер, когда зашла речь о подобных просителях.

"В 1821 году жил я в отпуске в Петербурге у своих родных. Однажды, идя по Петербургской стороне, я повстречался с знакомым офицером, который был тоже в отпуске. Мы пошли вместе к домику Петра I, где находится чудотворная икона Спасителя. На пути попадаетеся нам какой-то чиновник, останавливается и просит со слезами подать ему что-нибудь во имя Спасителя, объясняя при этом, что у него недавно жена разрешилась от бремени и лежит больная, что кроме новорожденного, у него еще двое детей, а между тем ни ему, ни жене, ни детям есть нечего. Сострадая несчастному, я стал доставать из кармана кошелек, а товарищ мой шепнул мне в это время: "Поверь, что у него нет никакого семейства, просто ему захотелось выпить". Не обращая внимания на его слова, я подал бедняку, что мог; тот поблагодарил меня со слезами и пошел обратно той же дорогой, какой шел к нам. Когда он отошел на некоторое расстояние, мой товарищ предложил мне пойти по его следам. "Ты увидишь, — говорил он мне, — что я не ошибаюсь: посмотри, что твой бедняк отправится если не прямо в кабак, то в какую-нибудь грязную харчевню для выпивки". — "Пожалуй, пойдем", — сказал я. — Мы пошли за бедняком. Не замечая нас, он шел почти бегом, а повернувши в переулок, скрылся у нас из глаз. Когда и мы дошли до того же переулочка, то увидели его выходящим впереди нас из мелочной лавочки; тотчас же он повернул в первый двор. Мы спросили у дворника, где живет

только что вошедший чиновник и вошли в указанную комнатку. Боже мой, что мы увидели! Больная женщина с грудным ребенком лежала на полу, на грязном тюфяке, покрытая изорванным крашенинным одеялом. Она была изнурена до крайности. Двое малюток — детей, мальчик и девочка, сидели у ног ее в грязных, изорванных рубашенках. Бедный отец их — наш знакомец чиновник, нагнувшись к детям, разделял поровну хлеб, купленный им, вероятно, в лавочке на данные мною деньги. Дети с радостным криком и с жадностью вырывали у него из рук скудную пищу, а бедная мать глядела тоже просящими глазами на своего мужа. Пораженные ужасной картиной нищеты и бедствий, мы с товарищем стояли у дверей. Я взглянул на товарища: он плакал... Чиновник обернулся и, увидев нас, очень смутился. Товарищ мой, подошедши к больной, сказал с чувством искреннего участия: "Простите, сударыня, дерзости нашей, я виноват в том, что мы побеспокоили вас: мне не верилось, чтобы муж ваш имел семейство, и чтоб оно было в таком бедственном положении. Позвольте же мне хоть сколько-нибудь загладить вину мою", — он вынул 25-рублевую бумажку и подал до слез тронутой больной. — "Позвольте мне привести к вам родных моих, я уверен, что они не откажутся, по возможности, быть вам полезными". С своей стороны, и я принес лепту бедствующему семейству. Мы хотели удалиться. В эту минуту несчастный отец семейства, стоявший до сих пор у изголовья больной своей жены, как онемелый, зарыдал и, кинувшись к ногам нашим, воскликнул: "Отцы мои! благодетели мои! Чем заплатить мне вам за ваши милостыни? Святитель Божий, Николай угодник! Ты услышал молитву несчастного! Будь же им покровителем и заступником на всю их жизнь!" Мы поспешили выйти вон, и долго-долго шли молча, не смея говорить от сильного душевного волнения. — На другой день наши родные посетили бедствующее семейство и, при посредстве их и других добрых людей, оно было обеспечено.

"А вот вам другой со мною случай, — продолжал почтенный старичок офицер. — В 1833 году ездил я по обещанию на поклонение мощам угодника Божия Нила Столбенского. Не помню в каком именно селении, остановился я для ночлега у зажиточного крестьянина. Старик-хозяин, мужик крепкий и здоровый, вернувшись откуда-то, потребовал обеда. Старшая его невестка, собирая на стол, открыла окно и подала нищему кусок хлеба. — "Дура ты этакая! — крикнул хозяин, — всем не наподаешься, мало ли таскается тут бродяг?" — "Вот, — продолжал он, принимаясь за ковригу хлеба и взяв со стола большой складной нож, — вот я думал вам, дуры, сшить по хорошему сарафану, ведь хлебец вздорожал...". На этом слове вдруг он вскрикнул. Усиливаясь отрезать ломоть хлеба, он прижал его к животу, нож скользнул и попал концом старику прямо в живот, и так глубоко, что сам старик в испуге едва мог его вынуть. Кровь хлынула из раны, я с семьей старика бросился на помощь, и только к вечеру могли унять кровотечение. Наутро, перед отъездом, я дал несколько советов невесткам старика насчет облегчения его страданий и обратился к больному с вразумлением, что он явно наказан

Богом за корыстное желание дороговизны на хлебе. "Господин честной, — отвечал он мне с сердцем, — поезжай с Богом, куда едешь. Ты живешь, как хочешь, не мешай и нам, мужикам, жить по нашему уму-разуму". Скорбя о закоренелости несчастного, я уехал. После сын его сказывал мне, что старик прохворал более года, и хотя рана его и закрылась, но по временам страдания в животе были нестерпимы, и от этих страданий он и умер.

Не помню в каком году, мне понадобилось переменить квартиру, нашел подходящую, договорился с хозяином о цене и счел за нужное предупредить его, что принимаю странных и нищих, но что за целость дома и чистоту двора я отвечаю. Когда я объявил то, хозяин захлопнул дверь предо мною: "Да хоть бы Вы пять тысяч давали мне в год, я ни за что не соглашусь пускать к себе бродяг и попрошайек не только в дом, но и на двор!" — Подивившись такому предубеждению против нищих и убогих, я спокойно оставил его. Что же случилось? Однажды, в какой-то праздник, возвратясь от ранней обедни, он потребовал завтрак и, выпив рюмку водки, стал закусывать. В это время подошел к окну раненый солдат, прося милостыни. "Прогони прочь этого бродягу!" — сказал он кому-то из домашних, сам смотря в окно. Тот, к кому было обращено это приказание, тоже взглянул в окно, но, к ужасу и удивлению, не нашел никого на улице. "Господь с тобою, там никого нет", — сказал он домохозяину. "Как никого?" — гневно крикнул хозяин. Он схватил лежавшую на тарелке обглоданную кость, бросился к окну и, отворив его, хотел швырнуть костью, но вдруг упал навзничь и стал без чувств... Кинулись к окну, по всему протяжению улицы не видно было не только солдата, но и никого из прохожих. Несчастный сражен был ударом, и хотя впоследствии пришел в чувство, но после долгих страданий умер". ("Домашняя беседа", 1868).

Так опасно отказывать нищим и убогим, — всем, без разбора. Если уж не можешь ты рассудить, стоит ли подаяния просящий, то не суди его, подай ему, хоть немного, что можешь. А если подать не желаешь, то, по крайней мере, удержишься оправдывать свое нежелание подать. Не твое дело судить то, чего ты не знаешь, предоставь Богу это дело, а себя укори за немилосердие к ближнему, за этот отказ, и положи в сердце своем взамен этого бедняка, которому ты не подал, подать тому, кого знаешь из бедных твоих соседей, или опустить эти копейки в ту кружку церковную, в которую собирают на приходских бедняков. А всего лучше помни народную пословицу: "Подаешь милостыню в окно — отворачивайся и молись иконам", — то есть не гляди, кому подаешь. Дающего рука не оскудеет. А Бог силен направить твою руку подать именно тому, кто больше нуждается. Был один старец священник в Москве, который имел обычай раздавать милостыню на пути из церкви домой так: он опускал руку в карман, вынимал оттуда каждому нищему, что пришлось, — кому доставалась серебряная монета, а кому медная, и он не рассуждал о том, кому какую подать, а предоставлял это воле Божией. Паче же всего, паки и паки повторяю, берегись судить тех, кто просит у тебя. Если не каждому подашь, то осуждай себя за скупость, понуждай себя к тому,

чтобы оказывать ближнему помощь, когда бы он ни обратился к тебе, восполняй тайной милостыней то, чего не сделаешь явно, и Бог не оставит тебя Своей милостью и в сей, и в будущей жизни.

696. В чем корень пьянства?

«И не упивайтесь вином... Не льстите себе... пьяницы... Царствия Божия не наследят» (Еф. 5; 18. 1 Кор. 6; 10, 11)

Опять о водке, опять о пьянстве!

О, как были бы счастливы мы, проповедники Слова Божия, если бы не было нужды говорить о водке и пьянстве, если бы это великое зло совсем исчезло с лица нашей родной земли, если бы не встречали мы на каждом шагу пьяниц, не видели горя и слез в их семьях, если бы водка не стала каким-то злым идолом для этих несчастных ее любителей, идолом, для которого не щадят они ни своего здоровья, ни чести, не говоря уже о семейном счастье, о детях и женах, которые сидят в нетопленной избе, плачут и голодают! Но ведь все это есть, все это зло растет и растет, люди гибнут на наших глазах, слезы льются рекой, — как же нам молчать? Как не говорить, как не оплакивать это величайшее горе нашей Руси Православной? Кто из пастырей и учителей Церкви не вооружался своим словом против пьянства? Кто не обращался с теплым словом увещания, с грозным словом обличения к пьяницам? И в творениях вселенских учителей — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и в творениях наших русских, родных нам, святителей Дмитрия Ростовского, Тихона Задонского и других — везде вы найдете обличение пьянства и грозное слово против пьяниц неисправимых... Послушайте, что говорит, например, святитель Христов Тихон: "Скаредный и вреднейший порок есть пьянство. Оно есть причина многих зол и душевных, и телесных. Оно лишает тело крепости и подвергает всяким болезням, а душу ничто так не губит, как пьянство. От пьянства происходят ссоры и драки, сквернословия и богомерзкие песни, блудные грехи и всякие соблазны". Вот почему святитель Златоуст и говорит, что никто так не любезен диаволу, как пьяница: чего трезвый не решится сделать, на то смело решается пьяный человек. Пьяница — погибший человек, но сам этого не замечает; он утопает в болоте греха, но вовсе не думает о том, как бы из него выбраться; он валяется в грязи, как свинья, но отмыться от себя эту грязь не хочет, мало того, — он гневается на того, кто хотел бы его вытащить из этой погибельной пропасти. А Слово Божие страшно гремит против этого порока: не льстите себе, не обманывайте себя, пьяницы Царствия Божия не наследят! — Так велико зло пьянства! Мало оплакивать его, — надо всячески бороться с ним. Как же бороться? — А что делают, когда хотят уничтожить худое растение? Вырывают его с корнем или подрезывают его корень. В чем корень пьянства, с чего начинается пьяница?

Вот человек, который несколько лет назад и вкуса не знал в водке, а теперь он не выходит из корчемницы. Как он попал сюда? Где впервые

познакомился с водкой? Не может быть, чтобы человек вовсе не пьющий решил сразу пойти в это недоброе место, чтобы напиться допьяна. Нет, наверное, он долго колебался прежде, чем выпить первую рюмку. Но на его горе-несчастье нашелся "добрый" человек, который поднес ему эту роковую первую рюмку, угостил его, уговорил выпить — "для здоровья, для веселости, ради компании", и — о, если бы знал этот "добрый", но неумный человек, какое великое зло посеял он в душе несчастного, беспомощного теперь пьяницы! Выпил он одну рюмку — понравилось; выпил другую — стало как будто веселее, еще повторил — и с непривычки голова закружилась... Прошло немного времени — опять водка, и он уже без колебаний пьет, повторяет смелее, пьет четвертую и пятую, и вот он пьян... Пришел праздник, надо и "добрых" людей угостить, а эти "добрые" люди не пьют без хозяина, и снова он пьет, пьет уже свою водку, и так мало-помалу привыкает к ней, начинает пить и в будни, узнает дорогу в корчемницу, идет туда сначала крадучись от своих домашних и соседей, а потом уже и явно, открыто, и вот доходит до самого жалкого состояния. Он уже не может сам остановить себя, безумно отдается своей губительной страсти и гибнет, гибнет и телом, и душой... Вот что наделал тот "добрый" человек, который уговорил его выпить первую рюмочку! А где у нас не встретишь этих "добрых" людей, которые любят усердно угощать своих гостей, которые обижаются, когда гость отказывается от водки: ты, говорят они обыкновенно, не любишь меня, не хочешь выпить за мое здоровье...

Знают ли они, эти "добрые" люди, что они иногда бывают, сами того не подозревая, лиходеями для своих гостей?

Вот что говорит о них святитель Христов Тихон Задонский: "У многих есть худой обычай так потчевать гостей своих, что когда они пойдут домой, то не узнают той дороги, по которой в гости пришли. К такому угощению как усиленная просьба, так и низкие поклоны в обычай вошли. А злая, плотоугодная человеческая хитрость выдумала и вид добрый, которым прикрывается зло, как яд подслащается медом: выпьем-де за здоровье того-то! Как будто тому, за кого пьют, от этого прибавится здоровья! И этот душевредный обычай многие не только не считают грехом, но и почитают за должное, за признак уважения, особого радушия, так что и угощение не будет угощением, если гостя допьяна не напоишь. О, какое ослепление, какое безумие, какой обман душегубца — диавола! Послушайте, братие, какой вред бывает и самим радушным хозяевам от такого угощения, и тем, кого они так безчеловечно угощают. Во-первых, пьяный человек решается на всякое зло, на всякий соблазн. Участником всех этих беззаконий, на которые дерзнет пьяный, бывает и тот учтивец, который так его угостил. Будь этот человек в трезвом виде, он не произвел бы такого соблазна. У трезвого человека светится хотя малая искра разума, а у пьяного она совсем гаснет. Хотя трезвого и влечет похоть к беззаконию, но совесть все же вооружается против греха и отводит человека от падения; а пьяного похоть легко побеждает, и совесть его становится бессильной. Во-вторых, от этих-то

учтивых, но и ядовитых угощений человек доходит и до страсти пьянственной, которая так им овладевает, что он уже и освободиться от нее не в силах, и часто бывает, что в таком погибельном бесчувствии он и жизнь свою кончает, умирая без надежды вечного спасения. А тот "добрый" человек, или, лучше сказать, тот злодей, который напоил его допьяна, становится виновником его погибели, — ведь тот, кто открывает дорогу к погибели, тот и виновен в погибели человека. В-третьих, этот учтивец, старающийся напоить своих гостей допьяна, сокращает их жизнь. От пьянства, к которому он располагает гостей, происходят разные болезни, а от болезней и смерть преждевременная. В-четвертых, человек, развращенный этими усердными угощениями, становится несносным для своих домашних, для отца и матери, для жены, детей и друзей, становится ни к чему не годным и для своего отечества. Вот, братие, к чему ведет это неразумное угощение водкой своих гостей! Вот сколько бед и зол происходит от этих радушных угощений!" Так заключает свое слово об угощениях святитель Божий Тихон Задонский.

А у нас эти угощения стали будто каким непреложным законом. Люди откажут себе в куске хлеба, будут сидеть без топлива, ходить оборванными, но к праздникам достанут денег, достанут и пропьют их... Крестьянин трясется над каждой копейкой, а на эту погибельную водку ничего не жалеет. Бывали случаи, когда мужичок отвозит на базар последний мешок хлеба, чтобы купить водки к празднику и угостить своих приятелей на славу: как можно-де отстать от других? Как будто позор какой в том, если у него не будет водки в праздник! И длятся эти праздники по три, по четыре дня, а на другой день уже плачут ребятки: "Хлебушка нет!" Не безумие ли эти праздничные угощения? Не тяжкий ли грех пред Богом это повальное пьянство, которое происходит от этих угощений? Пьют взрослые, пьют подростки, угощают даже девиц и малых детей — как Бога не боятся эти соблазнительные малых сих? Хотя бы убоялись грозного Слова Христова: горе тому, кто соблазнит единого от малых сих! Лучше бы ему потонуть в пучине морской, чем соблазнить юного и малютку на такой тяжкий грех! Вот где корень пьянства, вот почему это зло широкой волной разливается по лицу родной земли! Не будь этих угощений, этих упрашиваний выпить, не было бы и половины тех несчастных пьяниц, которые теперь встречаются на каждом шагу!

Братие, пожалейте себя, пожалейте ближних своих, не приставайте к ним с водкой, по крайней мере, не принуждайте пить того, кто отказывается. Скажешь ли ты спасибо тому, кто предложит тебе напиток, от которого сойдешь с ума? А водка сводит с ума и навеки губит того, кто подружится с ней. Итак, не упивайтесь вином, не угощайте им и других, не обманывайте себя, сказано: «пияницы Царствия Божия не наследят». Аминь.

697. Всемирная слава святителя Николая

Отче Николае, аще и Мирская страна молчит, но мир весь, иже тобою просвещенный, мира же благоухании и чудес множества, взывает благохвальными песнями... (Стихира на литии 6 декабря)

Поистине, весь мир и славит, и ублажает святителя Христова Николая, великого и преславного чудотворца! И в православной Греции, и во всех других странах православных его память чтится с особенным благоговением. У нас на Руси — какому из угодников Божиих столько храмов посвящено? В одной Москве до 150-ти престолов, посвященных сему дивному чудотворцу, а сколько его икон чудотворных, сколько обителей имеют счастье называть его своим покровителем, сколько городов и селений освящено его присноблаженным именем! Где, в каком доме православном нет его иконы святой? У кого не найдется родного и близкого человека, носящего святое имя Николая? Вот сегодня мы приносим Господу особое моление о нашем Царе, приносим особое моление сегодня потому, что этот Царь наш носит православное имя святителя Христова Николая... О, воистинну велик он и славен сей дивный старец Божий. Знают его не только народы православные, но и чужие, неправославные, знают полудикие инородцы сибирских стран, знают и поклонники Магомета и называют его "Русским богом", и призывают его имя в бедах и напастях своих! Да, братие, призывают, и он — милостивец — не отказывает и этим несчастным людям, блуждающим во тьме неведения и всяческих суеверий, помогает и им в нуждах их, как о том сами они свидетельствуют обитающим среди них православным русским людям... И никому-то он, батюшка, не отказывает: всех милует, ко всем готов всегда на помощь благодатную придти. И если бы кто спросил: почему так чтут его во всех странах мира? — довольно было бы сказать, — потому что он милостивец великий, потому что никто у него не забыт — любит он православных, милует и неправославных, всем помогает, всем благодетельствует. Вот в чем тайна его славы всемирной! Кто поведает все его дивные благодеяния? Кто опишет все его чудеса? Нет сомнения, что ныне, в день его священной памяти, все православные народы на земле, во всяком граде и стране, отправляют в честь его всемирный праздник, воспевая ему хвалебные песнопения. Да и на небе все блаженные духи торжествуют с ним, прославляя его добродетели.

К сему гласу празднующих что может прибавить наше слабое слово в похвалу святителя Божия Николая? Не слова, а дела ждет он от нас, братие мои. Не из похвал словесных, а из дел подражания его добродетелям можем мы соплести ему похвальный венец! О, если бы мы сердцем усвоили хотя одну из его достоподражаемых добродетелей! Какое это было бы приятное ему от нас приношение! С какою отеческой любовью благословил бы он нас с высоты небесной! Как усердно помолился бы за нас у Престола Божия своей всеильной молитвой! Братие мои, милосердие — вот та святая, достолюбезная добродетель, которая соделала имя святителя Николая достославным и превозделенным во всех концах земли. Милосердие, сострадательная любовь к бедным и несчастным — вот что может духовно

сроднить нас с угодником Божиим, великим милостивцем! Дивную силу имеет эта боголюбезная добродетель. Прежде всего, она смягчает наше сердце, постепенно согревая его благодатной теплотой. Чем больше будешь понуждать себя делать добро ближнему — не ради тщеславия, не ради корысти или других земных благ, это уж было бы вовсе нехристианское милосердие, — нет, но чем больше будешь делать добра во имя заповеди Христовой, тем больше сердце твое будет любить это добро, тем больше душа твоя будет просить этого добра, как алчущий ищет пищи, тем больше будешь ты ощущать в сердце твоём сладость добродетелей, хотя бы ты, по смирению христианскому, и не желал, и не искал этой сладости сердечной. Ты и сам не заметишь, как то, к чему сначала ты принуждал себя во имя заповеди Христовой, мало-помалу станет для тебя постоянной потребностью души, войдет в плоть и кровь, и ты будешь удивляться: как это раньше мог ты равнодушно проходить мимо бедноты и убожества людского? как мог спокойно смотреть на страдания человеческие? Вместе с тем будет оживляться и укрепляться вера твоя. Ты думаешь теперь, например, что ты веруешь в Промысл Божий, — но так ли? Веруешь ли? Вот Христос Спаситель говорит: «не пейтесь..., что ясте, или что пиете:... во что облечетесь... весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия, и правды его, и сия вся — все, что потребно для временной жизни — приложатся вам». (Мф. 6; 25, 32, 33). «Дайте, и дастся вам;... тою бо мерою, еюже мерите, возмерится вам... Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть» (Лк. 6; 38, 36). Так говорит Господь. А ты как рассуждаешь? — "Надобно приберечь лишнюю копейку на черный день, надобно запасти для детей, скопить на старость", — и так далее... Где же теперь вера твоя в Слово Христово? Где вера в Промысл Божий? А вот, когда ты станешь исполнять на деле заповедь милосердия, то опытом убедишься, что верно Слово Христово, что Господь печется о тебе больше, чем ты сам, что рука дающего не оскудевает никогда. Не умом только, но и сердцем будешь знать эти святые истины, и вера твоя будет верой живой, спасающей. Ты воочию увидишь дивные пути Промысла Божия и на себе самом, и на тех, кому будешь делать добро; ты сам, своим опытом, придешь к мысли, что ты — только приставник Божия достояния, что все, что имеешь, не твоя собственность, а Божия, а ты — только распорядитель, который должен отдать Богу отчет во всем приставлении домовнем. И вместе с верой, с любовью к ближнему будет расти в тебе святое боголюбезное смирение: "Господи, — так будешь ты говорить в чувстве сердца своего, — кто я, грешный, что сподобил Ты меня великого счастья — быть приставником в дому Твоем? Прости моему скудоумию, если в чем погрешу, если не сумею распорядиться тем, что дал Ты мне, — помоги, вразуми, научи!" Так добродетель милосердия научит тебя и всем прочим добродетелям. Она научит тебя молитве, потому что тебе нужна будет во всем помощь Божия; научит тебя кротости и терпению, потому что только этими добродетелями и красно истинное милосердие христианское; научит смирению, потому что

опытом узнаешь, что сам ты — ничто, что если какое добро делаешь, то не ты его делаешь, а Сам Бог чрез тебя; научит посту и воздержанию, чистоте и целомудрию, потому что совесть твоя потребует чистоты и целомудрия от тебя, чтобы быть тебе достойным орудием Божия Промысла.

Братие мои, особенно вы, которые носите святое имя угодника Божия Николая! Доброе, святое дело, что вы начали день своего Ангела сегодня молитвой в храме Божиим. Задумываться долго не будет нужды: только расположи каждый свое сердце к добру, доверься своей совести, и любовь научит, совесть подскажет тебе, что сделать сегодня, чтобы почтить день святителя Николая. Если есть у тебя лишняя копейка — не откладывай ее на какой-то "черный день", отдай Лучше святителю Николаю чрез руки убогих, и он воздаст тебе за это сторицей. Если же и копейки у тебя нет, то вот, Бог дал тебе силу и здоровье, — трудом бедному помоги. И этого не можешь? Посети болящего, утешь, как можешь, скорбящего, помолись с плачущими... Воистину, различен милования образ и широка заповедь сия! Только пожелай всем сердцем, и Бог поможет тебе сделать дело милосердия. И всего лучше в эти святые минуты обратись с теплой сердечной молитвой к святителю Николаю, скажи ему: "Угодниче Божий! Просит душа моя сегодня, ради твоего праздника, сделать доброе дело. Помоги мне, укажи добрый случай, вразуми, научи, благослови, содействуй. Готово сердце мое, — ради тебя, мой покровитель небесный!" И он каждого услышит, каждому поможет, мало сказать, поможет, еще и утешит, радостью небесной посетит, и сея радости никто же возьмет от нас! Аминь.

(Слово, сказанное в Троицкой Сергиевой Лавре)

698. Все должно и можно делать во славу Божию

«Аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите» (1 Кор. 10; 31)

Скажешь, как можно есть и пить во славу Божию? — Призови бедного, сделай Христа участником твоей трапезы, и вот — ты ел и пил во славу Божию! Но Апостол учит не только есть и пить во славу Божию, но так же поступать и во всем прочем. Выходишь ли из дома или остаешься дома? То и другое делай во славу Божию. А каким образом делать это для Бога? — Когда ты приходишь в церковь, когда участвуешь в молитве и в духовном поучении, то этот выход из дома совершился во славу Божию. Так же и дома можно оставаться для Бога. Как в каком случае? — Когда слышишь шум, безчиние, бесовские игрища, когда слышишь, что площадь наполнена невоздержанными людьми, — останься дома, удались от этого шума, и ты останешься дома во славу Божию. Можно во славу Божию хвалить и обличать. Скажешь, как можно хвалить и обличать во славу Божию? Вы иногда сидите в своих мастерских, видите, как проходит мимо дурной и негодный человек с великой пышностью, тогда если кто скажет: как он счастлив! — спроси у того, кто скажет это: почему ты называешь его

счастливым? Потому ли, что у него хороший конь с позолоченной уздой, что у него много слуг, что он нарядно одет и пирует каждый день? Но поэтому он только беден и жалок, ручьи слез о нем проливать должно. Может ли быть что-либо горестнее, когда чудятся коню, узде, красоте одежды, а в самом человеке не находят ничего похвального? Что беднее человека, у которого нет никакого собственного добра, что он мог бы взять с собой отсюда? Ведь собственное наше богатство и украшение составляют не кони, не одежды, но душевная добродетель, обилие добрых дел и дерзновение пред Богом. Напротив, когда увидишь нищего, всеми презираемого, живущего в бедности, но добродетельного, и когда сидящие с тобою скажут: как он несчастен и жалок! — ты скажи: напротив, он благополучнее всех, потому что он живет добродетельно, приобрел богатство неистощимое, имеет чистую совесть. Что за потеря, что нет у него денег, когда он получит в наследство небо и небесные блага? — Если ты будешь так мудрствовать, то получишь и за обличение, и за похвалу великую награду, ибо то и другое делаешь во славу Божию.

Позволительно и укорять во славу Божию. Как? А вот мы часто досадуем на слуг наших. В каком же случае позволительно укорять их для Бога? Ежели ты видишь, что слуга или друг, или кто иной из близких тебе пьянствует, крадет, ходит на зрелища, клянется, преступает клятвы, лжет, — огорчись на него, вразуми, исправь его: все это ты сделаешь для Бога. Ежели ты видишь, что он виновен против тебя, нерадив в служении тебе, — прости его, и ты простишь для Бога. Ныне многие поступают совсем напротив: когда против них кто согрешит, тогда они делаются жестокими и неумолимыми судьями, а когда кто раздражает Бога, погубляет свою душу, им до того и дела нет.

Хочешь ли ты найти друга? Ищи его для Бога. Мы будем иметь друзей во славу Божию, если будем искать дружбы не с тем, чтобы достать себе денег, или найти покровительство человеческое, но с тем, чтобы друзья могли давать им надлежащие советы, делать выговоры, когда погрешаем, обличать нас в преступлениях и при помощи советов и молитв приводить нас к Богу. Можно и врагов иметь для Бога. Если видишь человека распутного, порочного, зараженного вредными мнениями, отойди от него, отбеги. Так повелел Христос, когда сказал: если правое око твое соблазняет тебя, вырви его и брось от себя (Мф. 5; 29). Он повелел, чтобы мы самых друзей, которые дороги для нас, как око, и необходимо нужны в делах жизни, отсекали от себя и отвергали, коль скоро они вредят спасению души нашей. Если приходишь в какое-либо собрание и много говоришь там, делай и это для Бога, и если молчишь, молчи для Бога. А как можно быть в собрании для Бога? Если, сидя там, ты разговариваешь не о делах житейских, не попустому, не о бесполезном, но о нашей вере христианской, о геенне, о Царстве Небесном, если говоришь не о том, кто повышен чином, кто оставлен, за что такой-то наказан, от чего такой-то разжился и разбогател, а о том, какими делами или словами можно угодить Богу. Можешь и молчать

для Бога, если ты, когда тебя обижают, поносят и причиняют тебе тысячи огорчений, все это переносишь великодушно и не произносишь ни одного слова в укоризну того, кто так с тобою поступает.

И плакать, и печалиться, и радоваться, и веселиться можно во славу Божию. Когда ты видишь, что или брат твой грешит, или сам ты впал в грех, и о сем воздыхаешь и скорбишь, то ты скорбию своей приобрел спасение, о котором говорит апостол Павел: «печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению» (2 Кор. 7; 10). Ежели видишь, что другой счастлив, и не позавидуешь сему, но, как за свое доброе, возблагодаришь Бога за то, что Он даровал брату твоему такую славу, то за эту радость ты получишь великую награду. Но что говорить о всем этом, когда и от самых маловажных и ничтожных вещей можно получать великие плоды, если мы делаем их во славу Божию? Есть ли что маловажнее стрижения волос? Но и это можно делать во славу Божию. Ибо если ты не будешь нарядно убирать волосы, не будешь украшать лица, не будешь одеваться для соблазна и прельщения других, а оденешься просто, как требует нужда, — то ты делаешь это во славу Божию и, без сомнения, получишь за то воздаяние, потому что ты пресек путь злой похоти и укротил неуместное тщеславие.

Можно и ходить для Бога, и смотреть для Бога. А как можно смотреть и ходить для Бога? Когда ты не идешь к беззаконию, не занимаешься чужой красотой, когда, видя идущую навстречу женщину, обуздываешь глаза, ограждаешь лицо свое страхом Божиим, то ты делаешь это для Бога. Послушай, что говорит Мудрый: одяние мужа и смех зубов и поступь человека дают знать, каков он (Сир. 19; 27). Если мы вступаем в брак, то и это должны делать для Бога. Не с тем должны мы брать жену, чтобы от нее получить богатое имение, но чтоб найти в ней благородство души. Мы не должны иметь в виду большие деньги, знаменитость предков, — но добродетель и кротость нравов; мы должны брать сопутницу в жизни, а не участницу в пиршествах. Но к чему исчислять все? Каждый сам может перебрать порознь все, что бывает и делается, и делать то во славу Божию. Как купцы, плавающие по морю и пристающие с кораблями у городов, выходят из пристани на торжище не прежде, как узнавши, что можно продать с прибылью свои товары, так и ты ничего не делай и ничего не говори, от чего нет прибыли во славу Божию. Не говори мне, что невозможно все делать для Бога. Если стрижение волос, одежда, взгляд, поступь, слово, беседа, вход и выход, шутки, похвалы, укоризны, одобрение, дружба и вражда могут быть для Бога, то что еще осталось, что не может быть сделано для Бога, если только захотим?

Что хуже того, как быть тюремщиком? Жизнь его не почитается ли ниже всякой другой? Однако ж и он может, если захочет, проводить жизнь свою с пользой для себя, когда щадит узников, услуживает заключенным праведно, не торгует чужими бедами. Так спасен темничный страж, приставленный стеречь Павла (Деян. 16; 31). Отсюда видно, что мы от всего, если захотим, можем получить себе пользу.

Если бы мы были внимательны, то во всю жизнь могли бы продолжать свою духовную торговлю, и при покупке, и при продаже, например, когда не требуем цены незаконной, не выжидаем времени дороговизны, дабы тогда распродать, кому нужно. Ибо сказано: кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ (Притч. 11; 26). Но к чему говорить о всем порознь? Довольно представить все в одном примере. Как строящие дом, выкладывая стену, проводят для верности размера шнуры, — так и мы, вместо того шнура, будем употреблять апостольское слово: итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию. Молимся ли или постимся, обвиняем ли или прощаем, хвалим ли или укоряем, входим ли или выходим, продаем ли или покупаем, молчим ли или разговариваем, или другое что делаем, все будем делать во славу Божию. А что не служит к славе Божией, того ни делать, ни говорить не станем, и премудрое изречение сие, начертанное на уме, будем носить с собой вместо оружия, щита и бесчисленного сокровища, дабы, делая и говоря все во славу Божию, мы получили и сами от Него славу — как здесь, так и по отшествии отсюда. Ибо Он говорит: «прославляющих Меня прославлю» (1 Цар. 2; 30). Итак, не словами только, но и делами будем прославлять Его непрестанно со Христом Богом нашим, потому что Ему принадлежит всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

(Из бесед святителя Иоанна Златоустаго)

699. Певец покаяния у яслей Христовых

Преподобный Ефрем Сирий был по преимуществу проповедником покаяния, вдохновенным певцом сокрушения сердечного. Святой Григорий Нисский говорит о нем, что плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом: день и ночь лились у него слезы. Оттого все наставления его благоухают сердечным умилением, а его песнопения дышат трогательной поэзией. Предлагаем нашим читателям несколько его стихотворений или песнопений на Рождество Христово.

Чиста настоящая ночь, в которую явился Чистый, пришедший очистить нас: пусть же и слух наш будет чист, и взор очей наших целомудрен, и сердечное чувство свято, и слово уст искренно. Настоящая ночь есть ночь примирения, поэтому никто не гневайся на брата и не оскорбляй его.

Сия ночь даровала мир целому миру — итак, никто не угрожай; это ночь Кротчайшего — никто не будь жесток; это ночь Смиренного — никто не гордись. Сегодня день радости, — не будем мстить за обиды; сегодня день благоволения — не будем жестокими. В сей день тишины не станем обуреваться гневом. Сегодня Бог пришел к грешникам — не превозносись же, праведник, пред грешным! Сегодня Пребогатый обнищал ради нас, — пригласи же, богатый, бедного за свою трапезу! Сегодня мы получили дар, коего не просили — будем же подавать милостыню тем, которые взывают к нам и просят! Нынешний день отверз небесную дверь молитвам нашим, —

отворим и мы дверь свою просящим у нас прощения! Ныне Божество положило на Себя печать человечества, чтобы и человечество украсилось печатаю Божества.

Благословен Младенец, возвеселивший ныне Вифлеем! Благословенно Отроча, даровавшее ныне человечеству юность! Благословен Плод, склонившийся ныне к алчущим! Благословен Богатый, внезапно обогативший нашу нищету! Благодарение Источнику, Который излился для нашего очищения! Благодарение Милосердому, Который понес на Себе наше жестокосердие! Хвала Тому, Кто не имеет никакой нужды в наших похвалах, но жаждет их потому, что нас любит, — требует, чтобы мы Его славили, чтобы потом наградить нас! О Благий, не требующий от нас сверх наших сил! Ты — море славы, не имеющее нужды в нашем прославлении, — прими же по благодати Твоей и сию каплю славословия, потому что Ты Своею благодатию побудил язык мой восхвалить Тебя.

Все члены мои, все чувства, — воздайте благодарение Тому, Кто пришел и оживотворил все тело! Вышний стал младенцем, но в Нем сокрывалось сокровище премудрости, достаточное для всех. Вышний питался млеком Марииным, а по Его благодати питаются все твари. Немотствовал Он, как младенец, но всей твари изрекал заповеди Свои. Его сила обымала и державшую Его в Своих объятиях; а если бы Он отнял силу Свою, то рушилось бы все. Мария давала Ему млеко, которое Он Сам образовал, давала пищу, которую Сам Он сотворил. Как Бог подавал Он Марии млеко, и как человек питался Ее млеком. Ее руки носили Его потому, что Он сокрыл могущество Свое; Ее лоно держало Его потому, что Он умалил Себя. Исшел Он из утробы как младенец, питался млеком, возрастал среди детей Сын Господа всяческих. Видимо окружали Его на улицах дети, а невидимо со страхом предстояли Ему Ангелы. Среди детей Он улыбался как младенец, и в то же время устрашал Ангелов, как повелитель.

Иосиф лобзал Сына как младенца, и служил Ему как Богу. Радовался о Нем, как о всеблагом, и трепетал пред Ним, как о правосудном. Он говорил: "В боязни помышляя я отпустить от себя Матерь Твою, но не знал, что великое сокровище во чреве Ее соделает убожество мое вдруг богатым. Праотец мой царь Давид носил венец, а я стал древоделем; но теперь возвращается ко мне царский венец, потому что в объятиях своих ношу Господа всех царей".

В восторге воспела Сыну своему Мария сладкую песнь: "Какое изумление обымлет Меня — вот предо Мною Ветхий денми Младенец! Я — раба Божества Твоего и Матерь человечества Твоего, Господь и Сын Мой! Через Тебя, Сын Царев, Я, раба, стала царской дочерью. Как Я буду питать Тебя, Питающий всех с Своей трапезы? Как приступлю к пеленам Твоим, Облекающийся светом? Не знают уста Мои, как наименовать Тебя, Сын присноживущего! Дерзну ли наименовать Тебя Сыном Иосифа, но ужасаюсь, потому что Я родила Тебя безсеменно; но боюсь и отрицать его имя, потому

что он обручен со Мною. И тысячи имен недостаточно для Тебя: Ты и Сын Божий, и Сын Человеческий, вместе и Сын Давидов, и Сын Мариин!"

Великое торжество было в Вифлееме при рождении Сына Божия; сошли и славословили там Ангелы, и глас их раздавался как гром. На хвалебные их песнопения собрались даже бессловесные и славили Сына. Благословен Младенец сей, обновляющий юность Адама и Евы! Пришли пастыри и принесли лучшие дары от стад своих: сладкое млеко, чистые мяса и благолепную хвалу; Иосифу — мяса, Марии — млеко, Сыну — славословие. И упитанного млеко агнца принесли они в дар пасхальному Агнцу, первородного — Первородному. Какое восхитительное зрелище — агнец приносится в дар Агнцу! Приступили к Нему для поклонения с жезлами своими пастыри и пророчески приветствовали Его: "Мир Тебе, Владыка пастырей! Да славословят Тебя все пастыри, потому что волков и агнцев Ты примиряешь и соединяешь во едино стадо — Ты, о Младенец, Который и древнее, и юнее Ноя, всех мирно упасшаго во время потопа в ковчег! Отец Твой, Давид, умерщвлял льва за агнца; Ты, Сын Давидов, умертвил того невидимого волка, который убил Адама, этого чистого агнца, пасшагося в раю".

Слышали жены, что Дева некогда зачнет во чреве и родит; и думаши знатные, что от них Ты явишься; думали прекрасные, что от них Ты возсияешь. Благословенно величие Твое, приклонившееся к убогим и от убогих возсиявшее! Просили себе чад с горькими слезами Анна, с обетами и мольбами — Сарра и Ревекка, с усердною молитвой — Елисавета, и лишь после долгих скорбей были утешены. Блаженна Мария, — она без обетов и молений в девстве своем зачала и родила Господа всех, которые рождались и будут рождаться от жен. Какая мать могла говорить своему Сыну то же, что Мария? Какая мать дерзала Сына своего именовать Сыном Творца, Сыном Всевышняго? Какая мать дерзала говорить сыну молитвенно: "Ты как Бог упование Матери Своей; как Человек — возлюбленный Ее и Сын; со страхом и любовью должна предстоять Тебе Матерь Твоя".

Никто не знает, как наименовать Матерь Твою, Господи наш! Наименует ли кто Девою? Но пред очами — Рожденный Ею. Наименует ли имевшей мужа? Но Она не познала его. Если же и Матерь Твоя непостижима, кто в состоянии постигнуть Тебя Самого? Как снисходителен Ты и как непреклонен Ты, Младенец! Грозен Твой суд, нежна Твоя любовь: кто противостанет Тебе? Отец Твой на Небесах, Матерь Твоя на земле; кто возвестит нам о Тебе? Приходим созерцать Тебя, как Бога, и вот — Ты человек; приходим видеть Тебя, как человека, и вот сияет свет Твоего Божества. Кто бы поверил, что Ты — наследник престола Давидова? От ложей его в наследство Тебе достались ясли, от чертогов его сохранился Тебе вертеп, от колесниц его остался Тебе только бедный осел... Как детски приветлив Ты, Младенец! Всякому даешь Себя в объятия; кто не подходит к Тебе — улыбаешься ему; кто не посмотрит на Тебя — обращаешь к нему взор: любовь Твоя алчет людей! Не отличаешь Ты чужих от родителей

Твоих: детская ли она приветливость причиной сему, или любовь Твоя, Любвеобильный? Что побуждает Тебя спешить ко всякому, и бедному, и богатому, хотя бы и не звали Тебя? Откуда в Тебе такое алкание людей? Как пламенна любовь Твоя! Если кто ропщет на Тебя, Ты не гневаешься; если кто издевается над Тобою, Ты не оскорбляешься. Кроток был Моисей, однако же строга была ревность его — он наказывал смертью; Елисей толпу отроков отдал на растерзание медведицам. Кто же Ты, Младенец? Любовь Твоя больше любви пророческой!

Покойся в тишине на лоне Матери Твоей, о Сын Превознесенного! Кому подобен Ты, радостный, достолюбезный? Мать Твоя — Дева целомудренная, Отец Твой незрим даже и для Серафимов, кому подобен Ты? Поведай нам сие, о Сын Милосердного!

Приходит ли кто, обремененный заботами? Увидит он Тебя, и бегут все тревоги от него. Подавлен ли кто горестию? При Тебе забывает он горечь свою. При Тебе голодный забывает о пище и путник о пути. Отец Твой Давид воспел прежде пришествия Твоего песнь, что будет Тебе принесено аравийское золото, и вот это исполняется еще во дни младенчества Твоего.

"Носил Меня Младенец, Которого носила Я, — говорила Мария, — преклонил Он Свои крила и Меня подъял на крылах Своих... У кого есть сын? Пусть приходит он и будет братом Моему Возлюбленному. У кого есть дочь? Пусть приходит она и будет невестой Моему Бесценному! Желайте, непорочные души, чтобы Возлюбленный Мой обитал в вас; желайте и вы, осквернившиеся, чтобы Он освятил вас! Приходите, слепые, и примите свет очей! Приходите, хромые, примите крепость ног! Приходите, косноязычные и немые, примите дар слова! Приходите, не владеющие руками, примите силу в руках! У Создателя Сына сокровищница полна всяких врачеваний. Стекайтесь, прокаженные, принимайте очищение без труда: Он очищает не как Елисей, повелевший семь раз омыться в реке. Он не утомляет омовениями, как ветхозаветные иереи. И вы, странники и чуждые, спешите к великому Врачу! Никого не чуждается Сын Царев — Господь всяческих!"